

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2021 ТОМ 13 № 1

Восток: история, политика, культура

DOI 10.22363/2312-8127-2021-13-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии
Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Стефанидис И.Д., профессор Университета имени Аристотеля, г. Салоники, Греция
E-mail: ids@law.auth.gr

Ответственный секретарь серии
Базанова Е.А., кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории РУДН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: humanities.worldhistory@rudn.ru

Члены редколлегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор Каирского университета, г. Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, г. Дели, Индия
Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, г. Москва, Российская Федерация

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, г. Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, г. Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ, г. Москва, Российская Федерация

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки eLibrary.ru, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток–Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала
«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 15.01.2021. Выход в свет 25.01.2021. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 9,43. Тираж 500 экз. Заказ № 19. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2021

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2021 VOLUME 13 NUMBER 1

Oriental Studies: History, Politics, Culture

DOI 10.22363/2312-8127-2021-13-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

Sergey A. Voronin

Peoples Friendship University
of Russia, Moscow,
Russian Federation

E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Ioannis Stefanidis

Aristotle University
of Thessaloniki,
Thessaloniki, Greece

E-mail: ids@law.auth.gr

Executive Secretary

Elena A. Bazanova

Peoples Friendship University
of Russia, Moscow,
Russian Federation

E-mail:

humanities.worldhistory@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy A. Larin, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА

- Рабуш Т.В.** Позиция Ирана в отношении афганского военного конфликта в 1978–1979 гг. 7
- Притчин С.А.** Новый этап геополитической борьбы вокруг Каспийского моря после 1991 года 21
- Савичева Е.А., Ахмедова Н.С., Ганем Сомар Хафез.** Этноконфессиональный фактор в арабских странах Восточного Средиземноморья 37
- Бакина Е.А.** Процесс становления кыргызской государственности в эпоху Чингис-хана и Тамерлана в трудах Аскара Акаева 49
- Понька Т.И., Юнюшкина А.С., Дубровский И.Р.** Гуманитарный аспект стратегического партнерства Вьетнама и России 56

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ

- Зайцев И.А., Колнин И.С.** Структурно-содержательный и археологический анализ эпитафии Чжао Жугуа (1170–1231 гг.) 77

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

- Чекункова Е.С.** Айны в современном японском обществе: проблема возвращения останков предков 96

CONTENTS

POLITICAL HISTORY OF THE EAST

- Rabush T.V.** Iran's position regarding the afghan military conflict in 1978–1979 7
- Pritchkin S.A.** New Stage in the Geopolitical Struggle around the Caspian Sea after 1991 21
- Savicheva E., Akhmedova N., Ghanem Somar Hafez.** Ethnic and confessional factor in the Arab countries of the Eastern Mediterranean 37
- Bakina E.** The process of formation of the Kyrgyz state in the era of Genghis Khan and Tamerlane in the works of Askar Akayev 49
- Ponka T., Yuniushkina A., Dubrovsky I.** The humanitarian aspect of the strategic partnership between Vietnam and Russia 56

STUDIES ON CHINESE HISTORY

- Zaitsev I.A., Kolnin I.S.** Funeral Epitaph of Zhao Rugua (1170–1231), the Author of Zhufan zhi ("Records of Foreign Peoples"; 1225). Structural-Descriptive and Archaeological Analysis of the Source 77

CULTURAL STUDIES

- Chekunkova E.S.** Ainu in modern Japanese society: the problem of returning the remains of ancestors 96

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА POLITICAL HISTORY OF THE EAST

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-7-20

Научная статья / Research article

Позиция Ирана в отношении афганского военного конфликта в 1978–1979 гг.

Т.В. Рабуш

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,

191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает позицию Ирана в отношении афганского вооруженного конфликта (1978–1979 гг.) до ввода советских войск в Афганистан, а также последовательную эволюцию этой позиции и вовлечение Ирана во внутренние афганские события. Автор опирается преимущественно на документальные источники, но также привлекает научные работы на русском и английском языках (в том числе работы иранских авторов, написанные на английском). По мнению автора, анализ и изучение позиции Ирана в отношении Афганистана и эволюции этой позиции заслуживают отдельной статьи потому, что, во-первых, это шиитское государство, и религиозный фактор стал особенно сильно влиять на внешнюю политику Ирана после событий исламской революции 1979 г.; во-вторых, за два избранных для рассмотрения в статье года в Иране кардинально сменился политический режим, и полезно рассмотреть трансформации внешней политики Ирана (в отношении одного отдельно взятого государства) от правления шаха к теократическому режиму. В первой части статьи автор подвергает анализу позицию еще шахского иранского режима в отношении Апрельской революции 1978 г. и произошедших в Афганистане после революции политических изменений. Вторая часть посвящена политике уже Исламской Республики Иран в отношении Афганистана в 1979 г., и в этой части автор показывает, что основным триггером трансформации позиции Ирана в отношении Афганистана от выжидательной к позиции активного вовлечения стал Гератский мятеж, состоявшийся в марте 1979 г. Также автор отмечает, что в целом политика Ирана в отношении Афганистана в 1978–1979 гг. развивалась постепенно и последовательно, несмотря на произошедшую в этот период радикальную трансформацию власти в самом Иране.

Ключевые слова: афганская война, афганский вооруженный конфликт, Ближний Восток, Средний Восток, международные отношения, внешняя политика Ирана, ирано-афганские отношения

© Рабуш Т.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Рабуш Т.В. Позиция Ирана в отношении афганского военного конфликта в 1978–1979 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 7–20. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-7-20

Iran's position regarding the afghan military conflict in 1978–1979

T.V. Rabush

St. Pererburg State University industrial technology and design,
18, ul. Bol'shaja Morskaja, Saint Petersburg, Russian Federation, 191186

Abstract. The author considers the position of Iran regarding the Afghan armed conflict (1978–1979) before the Soviet troops entered Afghanistan, as well as the consistent evolution of this position and the involvement of Iran in internal Afghan events. The author relies mainly on documentary sources, but also attracts scientific works in Russian and English (including the works of Iranian authors). According to the author, the analysis and study of Iran's position on Afghanistan and the evolution of this position deserve a separate article because, firstly, the religious factor began to especially influence Iran's foreign policy after the events of the Islamic Revolution of 1979; secondly, for the two years chosen for consideration in an article in Iran, the political regime has radically changed, and it is useful to consider the transformation of Iran's foreign policy from the reign of the shah to the theocratic regime. In the first part of the article, the author analyzes the position of the Shah of the Iranian regime regarding the April Revolution of 1979 and the political changes that took place in Afghanistan after the revolution. The second part is devoted to the policy of Iran with respect to Afghanistan in 1979, and in this part the author argues that the Herat rebellion, which took place in March 1979, became the main trigger for transforming Iran's attitude towards Afghanistan from a wait-and-see attitude to active involvement. The author also notes, that Iran's policy towards Afghanistan in 1978–1979 developed sequentially, despite the radical transformation of power in Iran itself during this period.

Key words: the Afghan war, the Afghan armed conflict, the Middle East, international relations in the late 1970s, Iranian foreign policy, Iran-Afghanistan relations

For citation: Rabush T.V. Iran's position regarding the afghan military conflict in 1978–1979. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(1):7–20. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-7-20

Введение

Тема «афганской войны» 1979–1989 гг. и все, связанное с ней, остается актуальной и привлекающей внимание и по сей день. Известно, что изначально конфликт в Афганистане был внутренним, но уже с конца 1970-х гг. он стал полем для «пробы сил» сверхдержав, и вовлечение СССР и США в этот конфликт (а соответственно, и его интернационализация) произошли еще до ввода советских войск в Афганистан. Под афганским конфликтом автор имеет в виду локальный вооруженный конфликт в Афганистане 1979–1989 гг. с участием СССР, более известный в историографии как «афганская война». Отметим, что ввод советских войск в Афганистан сделал внутреннее

вооруженное противостояние в Афганистане еще более острым, но фактически гражданская война в этой стране началась после Апрельской революции 1978 г. и установления ориентированного на СССР политического режима. СССР и США были важнейшими акторами в этом конфликте, но тем не менее не единственными. Немалую роль в интернационализации изначально внутреннего афганского конфликта (по сути, гражданской войны) сыграли и некоторые государства региона Среднего и Ближнего Востока, особенно непосредственно граничащие с Афганистаном – и в первую очередь это Саудовская Аравия, Пакистан и Иран. В настоящее время больше всего известно про то, как и когда происходило вовлечение Пакистана в афганский военный конфликт, но про роль прочих стран региона известно меньше. И в настоящей статье автор сосредоточится на рассмотрении позиции Ирана в отношении афганских событий 1978–1979 гг.

Почему же автор решил посвятить статью позиции отдельного взятого Ирана? Здесь нужно указать как на весьма значимый на религиозный фактор: так, большинство населения Афганистана принадлежит к суннитской ветви ислама, и то же самое можно сказать про Пакистан и Саудовскую Аравию, а Иран – одно из немногих государств на карте мира, чьей официальной религией является шиитское направление ислама. По мнению автора, рассматривать позицию шиитского государства в отношении военного конфликта в соседнем государстве и процесс вовлечения в этот конфликт актуально не только с исторической точки зрения, но и с позиций современности, поскольку религиозный фактор и сейчас остается достаточно важным в международных отношениях. Кроме того, Иран и до, и после исламской революции 1979 г. был и оставался очень активным региональным игроком, поэтому его позиция в отношении вошедшего в активную фазу после Апрельской революции 1978 г. конфликта в Афганистане представляет большой интерес.

Автор ставит своей целью не только описать позицию Ирана в отношении тогда (в 1978–1979 гг.) еще внутреннего афганского конфликта, но и показать изменения в этой позиции в динамике от Апрельской революции 1978 г. и до декабря 1979 г., также выяснив причины и цели таковых. В своей работе автор опирается в первую очередь на иностранные опубликованные документы – так, это документы секретной переписки внешнеполитических ведомств США, раскритиченные в результате захвата иранскими студентами посольства США в Тегеране в ноябре 1979 г., документы Архива Национальной безопасности США, том по Афганистану в почти 1000-страничном сборнике «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1977–1980»; а также на некоторые научные исследования.

Непосредственно темы статьи касаются следующие труды: статья «Афганистан в политике СССР и США в 1979 г.: Дипломатия в истории» Т.А. Воробьевой и В.Т. Юнгблюд [1. С. 105–125], которая посвящена анализу афганских событий в 1979 г.; монографии «Афганская политика США в 1945–2014 гг.» М.Р. Аруновой и В.И. Иваненко [2. С. 18–34] и «США и Афганистан (1978–1989 гг.)» А.С. Иващенко [3. С. 29–57] (работа затрагивает тему

вовлечения сопредельных государств в афганский вооруженный конфликт 1980-х гг. лишь косвенно, но анализ автора обстоятелен); в монографии «Персидский Залив: Обострение политической и военной ситуации и международных отношений в конце XX – начале XXI вв.» У.З. Шарипова [4. С. 20–33] – афганский вооруженный конфликт 1979–1989 гг. здесь рассмотрен как сюжет, оказавший немалое влияние на политическую обстановку в регионе Персидского залива, и т.д. У иностранных авторов из трудов общего характера можно отметить «The Afghanistan wars» У. Мейли [5] и труд французского ученого Ж. Кепеля «Джихад: экспансия и закат исламизма» [6. С. 135–147], переведенный на русский язык, – в этом труде Ж. Кепель пишет и об иранской доктрине распространения «исламской революции», и о событиях конца 1970-х гг. и 1980-х гг. в Афганистане.

Также отметим научную литературу конкретно по Ирану и иранской внешней политике конца 1970-х гг. – так, это фундаментальная монография С.М. Алиева «История Ирана. XX век» [7], в которой рассматривается в том числе внешняя политика Ирана после победы исламской революции 1979 г.; изданная в последние годы существования СССР, но не утратившая научной значимости коллективная монография «Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки», в которой есть раздел «Внешняя политика ИРИ», посвященный внешней политике Исламской Республики Иран (ИРИ) [8. С. 384–449], а подраздел данного раздела – политике Ирана в отношении стран Ближнего и Среднего Востока, в том числе Афганистана [8. С. 416–437].

Иранской внешней политике после победы исламской революции 1979 г. посвящены две отдельные монографии – «Иран и мусульманский мир (1979–1998 гг.)» В.А. Ушакова, отдельный раздел в которой описывает политику послереволюционного Ирана в отношении Турции, Пакистана и Афганистана [9. С. 42–78] и «Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.)» В.И. Юртаева [10]; также вопросы внешней политики ИРИ затронуты в монографии И.Е. Федоровой «Иран – США: диалог и противостояние» [11. С. 19–31]. Большой интерес представляют мемуары Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Иране В.М. Виноградова, занимавшего этот пост с января 1977 г. по июнь 1982 г. [12] и бывшего очевидцем событий исламской революции 1979 г. и смены власти в стране. Из зарубежных работ (в том числе и иранских авторов) по интересующей нас теме хотелось бы отметить «History of modern Iran» Э. Абрахамиана [13], посвященную внешней политике ИРИ монографию «Iran's Persian Gulf policy. From Khomeini to Khatami» С. Маршалла [14], статью М. Мохсена «Iran's policy towards Afghanistan» [15] и статью Х. Эмади об экспорте исламской революции в Афганистан [16].

Также автор обратил внимание на две работы (зарубежную и отечественную), которые посвящены теме сложных ирано-саудовских отношений в конце 1970-х и в 1980-е гг. Вкратце отметим, что Саудовская Аравия к моменту исламской революции 1979 г. в Иране на протяжении уже не одного десятилетия претендовала – и небезосновательно – на роль политического

лидера государств региона; а после исламской революции 1979 г. и сопутствующих этому свержению шахского режима и установлению в стране теократической республики Иран стал развивать концепцию распространения исламской революции за свои пределы, и соответственно, это сопровождалось его претензиями на роль политического лидера в мусульманском мире и неизбежным соперничеством с Саудовской Аравией, которая местом лидера делиться не была намерена. Работы на эту тему, в которых к тому же затрагивается интересующий автора сюжет – это статья А.Ф. Черновой «Влияние исламской революции на монархические режимы в Персидском заливе» [17] и недавний труд Д. Хиро «Cold War in the Islamic world: Saudi Arabia, Iran and the struggle for supremacy» [18].

Апрельская революция 1978 г. и реакция Ирана. Мотивы вовлечения Ирана в афганские события

Перейдем непосредственно к теме статьи и начнем с отношения Ирана к Апрельской революции 1978 г., в результате которой в Афганистане к власти пришли члены НДПА (Народно-демократическая партия Афганистана) – политической партии социалистической и просоветской направленности, а режим королевского родственника М. Дауда был свергнут.

Во введении уже шла речь о том, что Иран принимал куда меньшее участие в афганских событиях в сравнении, например, с другим афганским соседом Пакистаном и в целом имел меньшую заинтересованность в своем влиянии в этой стране. Объясняется это не в последнюю очередь тем, что большинство жителей Афганистана являются представителями суннитской ветви ислама (примерно 80%), в то время как иранцы преимущественно шииты. Иранское влияние наблюдалось в основном в западных провинциях Афганистана, граничащих с Ираном; либо же среди не очень многочисленного шиитского населения Афганистана [19. С. 109–110].

Как известно, в самом Иране уже в 1978 г. началась исламская революция, завершившаяся полной сменой политического режима и крайним ухудшением ирано-американских отношений [20. С. 19]. Кроме того, исламская революция изменила расстановку политических сил в регионе – до нее главным «жандармом» США в средневосточном регионе был иранский шах, а после исламской революции США были вынуждены искать политическую опору в лице других стран [21]. Конечно же, в ходе бурных событий исламской революции Ирану было несколько «не до» развития ситуации в соседнем Афганистане, но тем не менее у Ирана в Афганистане имелись свои интересы, что мы рассмотрим далее на конкретных примерах. Впоследствии новое иранское политическое руководство выдвинет внешнеполитическую концепцию продвижения «исламской революции» за пределы страны [22], и эта концепция способствовала вовлечению Ирана во внутренние дела других мусульманских государств, и Афганистан не стал исключением [9. С. 3–4, С. 65] – но данный вопрос будет рассмотрен во втором разделе.

Вначале рассмотрим реакцию на афганские события шахского режима, который на момент свершения Апрельской революции 1978 г. еще находился у власти. Нам доступен советский документ «Запись бесед с послом Пакистана А. Аршадом и послом Ирана Х. Давуди от 9 мая 1978 г.», составленный послом СССР в Афганистане А.М. Пузановым. Что интересно, автор документа дает позитивные оценки касательно отношения Пакистана и Ирана к событиям Апрельской революции: «На приеме в посольстве ЧССР имел беседы с послами Пакистана и Ирана.

...Посол Ирана... ...Сообщил о признании. Говорил, что Иран будет поддерживать хорошие дружественные отношения с Афганистаном, будет оказывать ему экономическую помощь... С новым правительством сотрудничать будет легче» [23. С. 1].

Оптимистичные оценки перспектив ирано-афганских и пакистано-афганских отношений, данные послом СССР в Афганистане А.М. Пузановым, отличались от прогнозов американских дипломатов и должностных лиц ЦРУ, которые в своих донесениях куда более сдержанны: так, в разведывательном меморандуме ЦРУ США от 5 мая 1978 г., № RPM-78-10208, «Отношения нового афганского правительства с СССР» мы видим следующие оценки перспектив развития афгано-иранских и афгано-пакистанских отношений: «Ограниченное вмешательство Ирана в Афганистан представляется вероятным, учитывая тот факт, что шах думает о серьезной угрозе Ирану со стороны СССР через Афганистан. Хотя Пакистан и разделяет эти опасения, менее вероятно, что он принял бы участие в подобной акции, только если правительство Афганистана не возродит спор по поводу западных провинций Пакистана... Шансы прямой конфронтации между СССР и антикоммунистическими соседями Афганистана остаются низкими, хотя они немного увеличились. И Тегеран, и Исламабад будут использовать перспективу такого противостояния как аргумент в пользу увеличения военной и политической поддержки со стороны США» [24. Р. 26].

Документ «Иранская оценка событий в Афганистане и американо-афганских отношений» от 26 сентября 1978 г., отправленный в госдепартамент США из Тегерана послом США в Иране У. Салливаном, также свидетельствует о том, что события Апрельской революции были встречены Ираном с настороженностью: «Шах изначально лично решил, что новый афганский режим является прямым слугой СССР, но формально афгано-иранские отношения продолжаются. Шах дал понять американскому послу, что он видит мало пользы от американского заигрывания с новой афганской властью, но будет в этом вопросе придерживаться линии, соответствующей желанием США. Шах считает, что в Пакистане рады революции, так как из-за нее должна увеличиться американская помощь Пакистану» [25. С. 22–23].

Отметим, что вскоре после Апрельской революции Пакистан и Иран даже предпринимали попытки выработать совместную тактику в отношениях с новым афганским правительством – так, 9 мая 1978 г. президент Пакистана М. Зия-уль-Хак направил президенту США Дж. Картеру письмо, содержащее

анализ ситуации в Афганистане и характеризующее новый афганский политический режим как безусловно коммунистический. Каких-либо четких выводов и рекомендаций по разработке дальнейшей политики в отношении Афганистана в пакистанском письме не содержится, но М. Зия-уль-Хак там же сообщил, что в настоящее время он находится в Иране с тем, чтобы выработать общую для Пакистана и Ирана линию поведения, поскольку «для Ирана ситуация может быть столь же серьезной, как и для нас» [24. Р. 40].

25 мая 1978 г. в Нью-Йорке на специальной сессии ООН по разоружению состоялась встреча госсекретаря США С. Вэнса с министром иностранных дел Пакистана Ага Шахи. В ходе данной встречи глава пакистанского внешнеполитического ведомства упомянул о своем визите 7–10 мая в Иран, где иранский шах М.Р. Пехлеви высказывал тревожные предположения, связанные с возможным развитием ситуации в Афганистане, и предлагал начать сотрудничество «Ирана, Саудовской Аравии, Пакистана и Индии... но насколько пакистанцы понимают, шах не готов оказать помощь» [24. Р. 49–51].

Несколько уходя от темы, отметим, что благодаря современным доступным документам известно, что с 1979 г. в США началась разработка «афганской стратегии», к реализации которой предполагалось привлечь Пакистан и Саудовскую Аравию, а Иран по причине произошедшей там исламской революции 1979 г. из этой цепочки «выпал» [20. С. 21, С. 23–25]; и уже во второй половине 1978 г. шаху, режим которого находился под угрозой, было в немалой степени не до международных событий – пусть даже и в сопредельной с Ираном стране.

Таким образом, благодаря документальным источникам мы можем наглядно увидеть, что события Апрельской революции 1978 г. и смена в Афганистане политического режима были восприняты Ираном с настороженностью. Но сразу же после Апрельской революции еще не представляется возможным говорить об иранском вмешательстве в афганские события, и первоначально Иран занял наблюдательную позицию в отношении нового кабульского правительства. И представляется, что во второй половине 1978 г. шаха М.Р. Пехлеви в большей степени занимали внутренние вопросы, чем ситуация в соседней стране, пусть и резко изменившаяся. К тому же, как отмечает известный российский иранист В.И. Юртаев, для шахского Ирана (в отличие от ИРИ) была свойственна внешнеполитическая концепция безопасности [10], не нацеленная на вмешательство во внутренние дела других государств.

Иран и ситуация в Афганистане в 1979 г.

Перейдем к рассмотрению того, как развивались события на протяжении 1979 г., после смены политической власти в самом Иране. Если позиция не только США, но и официального Тегерана вскоре после Апрельской революции 1978 г. оставалась скорее выжидательной, то впоследствии она стала склоняться в сторону принятия решения о вовлечении в афганские внутренние события.

В начале 1979 г. Пакистан продолжил предпринимать попытки (не без одобрения США) заручиться в «афганском вопросе» иранской поддержкой и выработать общую линию отношений с новым кабульским режимом [24. Р. 49–51], о чем шла речь и ранее. Но исламская революция 1979 г. и последующие события сделали невозможным вовлечение Ирана в «треугольник» Пакистан – Саудовская Аравия – США, созданный с целью поддержки афганского повстанческого движения. Новая внешнеполитическая концепция экспорта «исламской революции», ставшая доктринальной для внешней политики ИРИ, которая и реализовывалась впоследствии в афганском вооруженном конфликте [16], отличалась от внешнеполитической концепции «безопасности» шахского Ирана, – хотя, конечно, нельзя не отметить, что шахский Иран также был крупным региональным игроком.

Российский исследователь В.А. Ушаков в монографии «Иран и мусульманский мир (1979–1998 гг.)» утверждает, что до второй половины декабря 1979 г. официальный Тегеран намеревался осуществлять экспорт «исламской революции» в Афганистан мирным путем, а курс на ее военный экспорт стал проводиться только со второй половины декабря 1979 г., т.е. совпал по времени со вводом в Афганистан ОКСВ (ограниченный контингент советских войск (в Афганистане)) [9. С. 65]. Насколько этот тезис соответствует действительности?

В документе ЦРУ США от 12 апреля 1979 г. «Афганистан: перспективы для мятежников» отмечается, что «новый режим в Иране весьма симпатизирует афганским повстанцам, но его внутренние проблемы препятствуют оказанию существенной материальной помощи. Основным вклад Ирана – это моральное одобрение действий повстанцев» [24. Р. 150]. Таким образом, данный документ подтверждает тезис о наличии экспорта «исламской революции» в рамках исключительно невоенных мероприятий.

Но с позиции автора иранское вовлечение в афганские события представляется оправданным в немалой степени связать с гератским восстанием (вместе с тем не представляется возможным с точностью утверждать, что именно Гератский мятеж 1979 г. стал катализатором иранского вовлечения во афганские события). К сожалению, в настоящее время доступно малое количество документальных источников, могущих прояснить роль Ирана в афганских событиях 1978–1979 гг., и особенно в Гератском мятеже. Тем не менее, некоторые события мы можем реконструировать благодаря доступным сейчас документам и определенная роль Ирана в организации Гератского мятежа в марте 1979 г., по всей видимости, имела место, что будет подробнее рассмотрено ниже.

Как известно, в марте 1979 г. имело место первое крупное (с момента Апрельской революции 1978 г.) антиправительственное выступление в Афганистане, которое состоялось в городе Герат. В результате Гератского восстания были жестоко убиты в том числе несколько советских граждан. 17 марта 1979 г. состоялось экстренное заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором обсуждалась ситуация в Герате и возможные шаги советского руководства в связи

с созданным положением [26]. Генеральный секретарь ЦК НДПА, политический лидер Афганистана Н.М. Тараки в телефонных разговорах с членами советского Политбюро ЦК КПСС прямо говорил о том, что он считает виноватым в Гератском мятеже Иран и засланных им в Герат эмиссаров [27; 28].

В документах США имеется косвенное подтверждение слов Н.М. Тараки. Так, в донесении № 3557 «Тактика «большой лжи» становится обычным оружием Халька» направленном госсекретарю США из посольства США в Кабуле 8 мая 1979 г., указывается, что афганские лидеры Н.М. Тараки и Х. Амин вину за внутренние беспорядки... предпочитают возлагать на солдат в афганской одежде из Ирана и Пакистана, но Тараки косвенно признал наличие боев на Северо-западной границе Афганистана и сказал, что их виной являются беженцы в Иран после беспорядков в Герате. Тараки заявил, что с 8 апреля 1979 г. «пакистанские солдаты 11 раз проникали в Афганистан» [25. С. 30–33]. А в документе «Диалог по Афганистану с временным правительством Ирана», который был направлен из госдепартамента США в посольства США в Иране и в Афганистане 14 сентября 1979 г., указывалось, что иранцы «очень озабочены увеличением советского вовлечения в дела Афганистана. Количество советских военных советников в последнее время возросло, расширяются поставки оборудования и снаряжения» [25. С. 128]. Несколько ранее, в августе 1979 г., в ходе обсуждения в кругу представителей государств-членов НАТО ситуации в Афганистане, представитель Турции указал, что «Иран и Пакистан не испытывают симпатий к новому режиму и рассматривают его как антипод исламским режимам. Несмотря на это, ни одна из этих стран не готова предпринять каких-либо действий...

...Несмотря на различные заявления иранских лидеров, клеймящих приращения своих коллег в Афганистане, сейчас трудно предположить, чтобы Иран предпринял какие-либо более ощутимые шаги» [25. С. 94–96].

Также о иранской помощи афганским мятежникам кратко упоминается в американском правительственном меморандуме «Афганистан», составленном в Министерстве обороны США 21 ноября 1979 г., – но нет никаких разъяснений, что это за помощь и в чем именно она выражалась [24. Р. 227].

15 ноября 1979 г. была принята Конституция Исламской Республики Иран, основанная на личных идеях аятоллы Р. Хомейни и выраженных им в работе «Исламское правление» [29]. В статье 154 десятой главы «Внешняя политика» указано следующее: «Исламская Республика Иран, воздерживаясь от всякого вмешательства во внутренние дела других стран, поддерживает справедливую борьбу угнетенных против угнетателей во всем мире» [22]. Этот пункт – поддержка борьбы всех угнетенных против угнетателей – стал обоснованием для внешнего распространения идей исламской революции, но развитие этот принцип получит уже в 1980-е гг.

В целом до 1980 г. Иран не предпринимал значимые шаги в отношении событий в Афганистане, и преимущественно по двум причинам, которые были указаны выше. Во-первых, в исследуемый в статье период времени в Иране происходили динамичные события исламской революции, и внешняя

политика вследствие этого несколько отходила на «задний план». А во-вторых, основная часть населения Ирана исповедует шиитскую ветвь ислама – в отличие от афганцев, большинство которых являются суннитами, и ввиду этого Иран не мог оказывать значимое влияние на афганское суннитское население. Но, как автор указал выше, новым иранским руководством была принята концепция распространения «исламской революции», нашедшая отражение в Конституции ИРИ, которая способствовала иранскому вовлечению в дела сопредельных государств, не всегда исповедующих шиитский вариант ислама [9. С. 65–67, С. 16]. В целом сейчас нет достоверных сведений о том, что Иран оказывал конкретную военную поддержку афганским мятежникам до 1980 г. – хотя вовлечение Ирана в афганский внутренний конфликт, пусть и ограниченное, осуществлялось еще до ввода ОКСВ в Афганистан – например, в мартовском Гератском мятеже 1979 г.

Заключение

Итак, Апрельская революция 1978 г. послужила своего рода первоначальным триггером для вовлечения Ирана в афганский конфликт, поскольку без нее не было бы всех дальнейших событий, способствующих эскалации конфликта в Афганистане. Первоначальная реакция в первые месяцы после Апрельской революции 1978 г. у Ирана была выжидательной, хотя шах М.Р. Пехлеви и воспринял революцию с обеспокоенностью как угрозу существующему в регионе статус-кво, но вовлечение Ирана в афганский конфликт было осуществлено только после исламской революции 1979 г., при новом (теократическом) политическом режиме. Отметим, что еще в 1978 г. Иран и Пакистан при содействии США предпринимали попытку выработать совместную стратегию в отношении нового афганского правительства, но по причине падения шахского режима она не была реализована (что рассматривалось в первом разделе статьи).

В целом же возможности Ирана влиять на ситуацию в Афганистане были более ограничены, чем, например, у Пакистана или Саудовской Аравии, и не в последнюю очередь это обусловлено религиозными причинами (дихотомия сунниты – шииты); и в процессе вовлечения в афганский вооруженный конфликт Иран осуществлял это вовлечение самостоятельно, как независимый актер, не кооперируясь в этом вопросе ни с какой-либо сверхдержавой, ни с прочими исламскими государствами региона, причины чего рассматривались выше.

И шахский режим, и политическое руководство Исламской Республики Иран были одинаково негативно настроены в отношении нового кабульского режима, но иранское непосредственное вовлечение в афганские события было осуществлено только после установления режима Р. Хомейни, что обосновывалось в том числе и в новой внешнеполитической доктрине страны, закрепленной в положениях Конституции ИРИ 1979 г. Гератский мятеж 1979 г. стал одним из тех событий до ввода ОКСВ в Афганистан, в которых можно

увидеть «иранский след», и он же стал для Ирана, как представляется автору, основным триггером вовлечения этого государства в афганский военный конфликт. В целом от шахского правления до становления нового теократического режима Р.М. Хомейни политическая линия Ирана в отношении Афганистана последовательно развивалась (невзирая на смену режимов) от насто-роженно-сдержанного отношения к Апрельской революции в соседней стране к прямому вмешательству во афганские события, которое произошло лишь после исламской революции 1979 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Воробьева Т.А., Юнгблуд В.Т. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г.: Дипломатия в истории // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 105–125.
- [2] Арунова М.Р., Иваненко В.И. Афганская политика США в 1945–2014 гг. М.: РИСИ, 2015.
- [3] Иващенко А.С. США и Афганистан (1978–1989 гг.). М.: ТЦ «Сфера», 1997.
- [4] Шарипов У.З. Персидский залив: Обострение политической и военной ситуации и международных отношений в конце XX – начале XXI вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010.
- [5] Maley W. The Afghanistan wars. New York: Palgrave Macmillan, 2002.
- [6] Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004.
- [7] Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2004.
- [8] Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989.
- [9] Ушаков В.А. Иран и мусульманский мир (1979–1998 гг.). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.
- [10] Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). М.: РУДН, 2012.
- [11] Федорова И.Е. Иран – США: диалог и противостояние. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.
- [12] Виноградов В.М. Наш Ближний Восток. Записки советского посла в Египте и Иране. М.: Алгоритм, 2016.
- [13] Abrahamian E. History of modern Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- [14] Marschall C. Iran's Persian Gulf policy. From Khomeini to Khatami. London: Routledge, 2003.
- [15] Mohsen M. Iran's policy towards Afghanistan // The Middle East Journal. April 2006. Vol. 60. № 2. P. 235–256.
- [16] Emadi H. Exporting Iran's revolution: the radicalization of the Shiite movement in Afghanistan // Middle Eastern Studies. 1995. Vol. 31. № 1. P. 1–12.
- [17] Чернова А.Ф. Влияние исламской революции на монархические режимы в Персидском заливе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 24–31.
- [18] Hiro Dilip. Cold War in the Islamic World: Saudi Arabia, Iran and the struggle for Supremacy. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- [19] Спольников В.Н. Афганистан. Исламская оппозиция: истоки и цели. М.: Наука, 1990.
- [20] Агаев С.Л. Иран между прошлым и будущим. События. Люди. Идеи. М.: Политиздат, 1987.

- [21] *Halliday F.* The Threat from the East? Soviet policy from Afghanistan at Iran to the Horn of Africa. Harmondsworth: Penguin books, 1982.
- [22] Конституция Исламской Республики Иран. 1979 г. Режим доступа: <https://iran1979.ru/constitution-of-islamic-republic-of-iran/>. Дата обращения: 08.07.2020.
- [23] Запись бесед с послом Пакистана А. Аршадом и послом Ирана Х. Давуди от 9 мая 1978 г. // Сайт архива Национальной Безопасности США. Афганистан 1979–1989. Режим доступа: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/1978.05.16.3.PDF. Дата обращения: 13.06.2020.
- [24] *Foreign Relations of the United States. 1977–1980. Afghanistan. Volume XII.* Washington: United States government publishing office, 2018.
- [25] Секретная переписка внешнеполитических ведомств США по Афганистану. Под редакцией Ю.В. Ганковского // Спецбюллетень Института востоковедения АН СССР. № 5 (244). М.: Наука, 1986.
- [26] Заседание Политбюро ЦК КПСС «Об обострении обстановки в Афганистане и наших возможных мерах» от 17 марта 1979 г. // Сайт архива Национальной Безопасности США. Афганистан 1979–1989. Режим доступа: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2017,%201979.pdf. Дата обращения: 19.06.2020.
- [27] Запись беседы А.Н. Косыгина, А.А. Громько, Д.Ф. Устинова, Б.Н. Пономарева с Н.М. Тараки от 20 марта 1979 г. // Сайт архива Национальной Безопасности США. Афганистан 1979–1989. Режим доступа: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2020,%201979-2.pdf Дата обращения: 19.06.2020.
- [28] Запись беседы Л.И. Брежнева с Н.М. Тараки от 20 марта 1979 г. // Сайт архива Национальной Безопасности США. Афганистан 1979–1989. Режим доступа: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2020,%201979.pdf. Дата обращения: 19.06.2020.
- [29] *Хомейни Р.М.* Исламское правление. Алматы: Аматаура – Казахстан, 1993.

REFERENCES

- [1] Vorob'yeva TA, Yungblyud VT. Afghanistan v politike SSSR i SSHA v 1979 g.: Diplomatiya v istorii [Afghanistan in the policy of the USSR and the USA in 1979: Diplomacy in history]. *Voprosy istorii*. 2016; (10):105–125. (In Russ.).
- [2] Arunova MR, Ivanenko V I. *Afganskaya politika SSHA v 1945–2014 gg.* [Afghan policy of the USA in 1945–2014]. Moscow: RISI Publishing House, 2015. (In Russ.).
- [3] Ivashchenko AS. *SSHA i Afganistan (1978–1989 gg.)* [USA and Afghanistan (1978–1989 years)]. Moscow: izdatel'stvo TC «Sfera» Publishing House, 1997. (In Russ.).
- [4] Sharipov UZ. *Persidskiy Zaliv: Obostreniye politicheskoy i voyennoy situatsii i mezhdunarodnykh otnosheniy v kontse XX – nachale XXI vv.* [Persian Gulf: the aggravation of the political and military situation and international relations in the late XX – early XXI centuries]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 2010. (In Russ.).
- [5] Maley W. *The Afghanistan wars.* New York: Palgrave Macmillan, 2002.
- [6] Kepel J. *Dzhikhad: ekspansiya i zakat islamizma* [Jihad: the expansion and decline of Islamism]. Moscow: Ladomir Publishing House, 2004. (In Russ.).
- [7] Aliev SM. *Istoriya Irana. XX vek* [History of Iran. The XX century]. Moscow: Institut vostokovedeniya, Russian Academy of Sciences, Kraft + Publishing House, 2004. (In Russ.).
- [8] *Iranskaya revolyutsiya 1978–1979 gg. Prichiny i uroki* [1978–1979 Iranian Revolution. Reasons and lessons]. Moscow: Nauka Publishing House, 1989. (In Russ.).
- [9] Ushakov VA. *Iran i musul'manskiy mir (1979–1998 gg.)* [Iran and the Muslim world (1979–1998)]. Moscow: Institute for the Study of Israel and the Middle East, 1999. (In Russ.).

- [10] Yurtaev VI. *Osobennosti i realizatsiya vneshney politiki Islamskoy Respubliki Iran (1979–2010 gg.)* [Features and implementation of foreign policy of the Islamic Republic of Iran (1979–2010)]. Moscow: RUDN, 2012. (In Russ.).
- [11] Fedorova IE. *Iran – SSHA: dialog i protivostoyaniye* [Iran – USA: dialogue and confrontation]. Moscow: Institut vostokovedeniya, Russian Academy of Sciences, 2004. (In Russ.).
- [12] Vinogradov VM. *Nash Blizhniy Vostok. Zapiski sovetskogo posla v Yegipte i Irane* [Our Middle East. Notes of the Soviet ambassador to Egypt and Iran]. Moscow: Algoritm Publishing House, 2016. (In Russ.).
- [13] Abrahamian E. *History of modern Iran*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- [14] Marschall C. *Iran's Persian Gulf policy. From Khomeini to Khatami*. London: Routledge, 2003.
- [15] Mohsen M. Iran's policy towards Afghanistan. *The Middle East Journal*. 2006; 60(2):235–256.
- [16] Emadi H. Exporting Iran's revolution: the radicalization of the Shiite movement in Afghanistan. *Middle Eastern Studies*. 1995; 31(1):1–12.
- [17] Chernova AF. Vliyaniye islamskoy revolyutsii na monarkhicheskiye rezhimy v Persidskom Zalive [The influence of the Islamic revolution on monarchical regimes in the Persian Gulf]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2013; (161):24–31. (In Russ.).
- [18] Hiro Dilip. *Cold War in the Islamic World: Saudi Arabia, Iran and the struggle for Supremacy*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- [19] Spol'nikov VN. *Afganistan. Islamskaya oppozitsiya: istoki i celi* [Afghanistan. Islamic opposition: the origins and purposes]. Moscow: Nauka Publishing House, 1990. (In Russ.).
- [20] Agaev SL. *Iran mezhdu proshlym i budushchim. Sobytiya. Lyudi. Idei* [Iran between past and future. Events. People. Ideas]. Moscow: Politizdat Publishing House, 1987. (In Russ.).
- [21] Halliday F. *The Threat from the East? Soviet policy from Afghanistan, Iran to the Horn of Africa*. Harmondsworth: Penguin books, 1982.
- [22] Constitution of the Islamic Republic of Iran. 1979. Available from: <https://iran1979.ru/constitution-of-islamic-republic-of-iran/> [Accessed: 8 July 2020]. (In Russ.).
- [23] Zapis' besed s poslom Pakistana A. Arshadom i poslom Irana H. Davudi ot 9 maya 1978 g. [Recording of conversations with the Ambassador of Pakistan A. Arshad and the Ambassador of Iran H. Davudi on May 9, 1978]. *Sayt arkhiva Natsional'noy Bezopasnosti SSHA. Afganistan 1979–1989* [Website of the US National Security Archive. Afghanistan 1979–1989]. Available from: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/1978.05.16.3.PDF [Accessed: 13 June 2020]. (In Russ.).
- [24] *Foreign Relations of the United States. 1977–1980. Afghanistan*. Volume XII. Washington: United States government publishing office, 2018.
- [25] Sekret'naya perepiska vneshnepoliticheskikh vedomstv SShA po Afganistanu [The secret correspondence of the foreign policy agencies of the United States on Afghanistan]. By ed. Gankovskiy Yu.V. *Spetsbyulleten Instituta vostokovedeniya AN SSSR*, no. 5 (244). Moscow, 1986.
- [26] Zasedaniye Politbyuro TSK KPSS «Ob obostrenii obstanovki v Afganistane i nashikh vozmozhnykh merakh» ot 17 marta 1979 g [Meeting of the Politburo of the CPSU Central Committee «On the aggravation of the situation in Afghanistan and our possible measures» dated March 17, 1979] *Sayt arkhiva Natsional'noy Bezopasnosti SSHA. Afganistan 1979–1989* [Website of the US National Security Archive. Afghanistan 1979–1989]. Available from: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2017,%201979.pdf [Accessed: 19 June 2020]. (In Russ.).
- [27] Zapis' besedy AN Kosygina, AA Gromyko, DF Ustinova, BN Ponomareva s NM Taraki ot 20 marta 1979 g. [Record of a conversation between AN Kosygin,

- AA Gromyko, DF Ustinov, BN Ponomarev and NM Taraki on March 20, 1979]. *Sayt arkhiva Natsional'noy Bezopasnosti SSHA. Afganistan 1979–1989* [Website of the US National Security Archive. Afghanistan 1979–1989]. Available from: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2020,%201979-2.pdf [Accessed: 19 June 2020]. (In Russ.).
- [28] Zapis' besedy LI Brezhneva s NM Taraki ot 20 marta 1979 g. [Record of a conversation between LI Brezhnev and NM Taraki dated March 20, 1979]. *Sayt arkhiva Natsional'noy Bezopasnosti SSHA. Afganistan 1979–1989* [Website of the US National Security Archive. Afghanistan 1979–1989]. Available from: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2020,%201979.pdf [Accessed: 19 June 2020]. (In Russ.).
- [29] Khomeini RM *Islamskoye pravleniye* [Islamic rule]. Almaty: Amatura – Kazakhstan Publishing House, 1993. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Рабуш Таисия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 191186, Россия, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18, e-mail: taisarabush@mail.ru.

Rabush Taisiya Vladimirovna – candidate of sciences (history), associate professor department of social sciences, St. Pererburg State University industrial technology and design, 18, ul. Bol'shaja Morskaja, 191186, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: taisarabush@mail.ru.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 25.09.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-21-36

Научная статья / Research article

Новый этап геополитической борьбы вокруг Каспийского моря после 1991 года

С.А. Притчин

Национальный исследовательский институт ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

Аннотация. Вот уже почти три века, начиная с похода Петра Великого в 1721–1722 годах, Россия традиционно играла ключевую роль на Каспийском море. Ситуация кардинальным образом поменялась с распадом СССР в 1991 году и появлением трех новых региональных игроков Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. В поддержку новых игроков выступили геополитические конкуренты РФ – западные страны, которые также включили Каспий в зону своих приоритетных интересов и включились в геополитическую борьбу. Для России это означало значительное снижение влияния в регионе и потерю контроля над большей частью акватории и моря и его ресурсов. В историографии, посвященной тематике региона, упор сделан на оценку нового витка геополитической борьбы, позиции и интересах западных и региональных держав, в меньшей степени изучены российские подходы к Каспию, эволюции ее политики в регионе. Автором данной статьи проводится критический анализ изменения российской политики в отношении Каспия за последние 30 лет и оценка эффективности этих изменений, непростой переход России от роли доминирующего игрока в закрытом для внешних акторов в регионе к открытому геополитическому противостоянию с конкурентами за энергетические ресурсы, маршруты их транспортировки, политическое влияние. На первом этапе геополитической конкуренция складывалась не в пользу России. Она не смогла отстоять принцип кондоминиума для совместного освоения углеводородных ресурсов моря, фактически допустила допуск западных компаний к освоению ресурсов моря. При активном содействии западных конкурентов Россия потеряла статус монопольного транзитера нефти и газа из региона. Вместе с тем благодаря дипломатическим усилиям и активизации политического диалога с соседями по региону России удалось к 2003 году решить все территориальные вопросы на море, сохранить закрытый статус моря для вооруженных сил третьих стран, а к 2018 году завершить работу над Конвенцией о международно-правовом статусе моря, закрепившем важные для РФ принципы сотрудничества в регионе. Таким образом, официальной Москве за счет использования традиционно сильных сторон своей внешней политики удалось достичь адаптированных после распада СССР стратегических целей и закрепить за собой статус самого влиятельного игрока в регионе.

Ключевые слова: Россия, Каспийское море, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран, постсоветское пространство, геополитика

© Притчин С.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Пritchins С.А. Новый этап геополитической борьбы вокруг Каспийского моря после 1991 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 21–36. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-21-36

New Stage in the Geopolitical Struggle around the Caspian Sea after 1991

S.A. Pritchins

National Research Institute World Economy and International Relation (IMEMO)
named after E. M. Primakov Russian Academy of Science,
23, *Profsovnaya str.*, Moscow, 117997, Russian Federation

Abstract. For almost three centuries, starting with the campaign of Peter the Great in 1721–1722, Russia has traditionally played a key role in the Caspian Sea. The situation changed dramatically with the collapse of the USSR in 1991 and the emergence of three new regional players-Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan. For Russia, this meant a significant reduction in influence in the region and the loss of control over most of the water area and the sea and its resources. In the historiography devoted to the region, the emphasis is placed on assessing the new round of geopolitical struggle, the position and interests of Western and regional powers. The author of this article provides a critical analysis of changes in Russian policy towards the Caspian Sea over the past 30 years and assesses the effectiveness of these changes. The difficult transition from the role of a dominant player in a region closed to external competitors to an open geopolitical confrontation over resources, their transportation routes, and political influence at the first stage was not in favor of Russia. Russia could not defend the principle of a condominium for joint development of hydrocarbon resources of the sea. With the active assistance of Western competitors, Russia lost its status as a monopoly transit country for oil and gas from the region. At the same time, thanks to diplomatic efforts and increased political dialogue with its neighbors in the region, Russia managed to resolve all territorial issues at sea by 2003, maintain the closed status of the sea for the military forces of third countries, and by 2018 complete work on the Convention on the international legal status of the sea, which established the principles of cooperation in the region that are important for the Russian Federation. Thus, official Moscow managed to achieve the strategic goals adapted after the collapse of the USSR by using the traditional strengths of its foreign policy and consolidate its status as the most influential player in the region.

Keyword: Russia, the Caspian Sea, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan, Iran, post-Soviet space, geopolitics

For citation: Pritchins S.A. New Stage in the Geopolitical Struggle around the Caspian Sea after 1991. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(1):21–36. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-21-36

Введение

Стратегическую ценность региона Каспийского моря для России трудно переоценить. Это крупнейший в мире водоем, расположенный в центре евразийского материка, богатый природными ресурсами. Каспий – важный логистический хаб, связывающий Россию со странами Ближнего Востока, бассейна Индийского океана, регионом Центральной Азии и Южного Кавказа.

Распад СССР в 1991 году кардинально изменил геополитическую ситуацию для России в регионе. РФ как правопреемница СССР вместе с Исламской Республикой Иран потеряли эксклюзивные права на военное, политическое и экономическое присутствие в регионе и вынуждены были адаптировать свою политику в связи с появлением трех новых независимых игроков Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, которые заявили о своих правах на использование ресурсов моря, подключились к реализации энергетических и транспортных маршрутов внерегиональных игроков.

В новых геополитических условиях Россия была вынуждена начать поиск оптимальной стратегии в отношении моря. При этом регион по ряду объективных внутренних причин не был в числе приоритетов для российской внешней политики. Неудивительно, что в 90-е годы прошлого столетия Россия в основном теряла свое влияние в регионе.

Позитивные подвижки в перестройки региональной стратегии стали заметны лишь в начале 2000-х годов. Россия активизировала работу над международно-правовым статусом моря, запустила переговоры с соседними Азербайджаном и Казахстаном по делимитации дна северной части моря, начала поиск новых форматов сотрудничества со странами региона через интеграционные организации и на двусторонней основе. В этот период была начата перестройка военной составляющей российского присутствия в регионе, укрепление боевой мощности и возможностей военной группировки в регионе, в частности обновление состава Краснознаменной каспийской флотилии ВМС РФ.

Методологическую основу исследования составил метод историзма, а также системный подход, предполагающий изучение объекта исследования как системы, обладающей сложной структурой, со свойственными ей законами функционирования и развития, с особыми взаимосвязями и взаимозависимостью составляющих ее элементов. Основные выводы автором делались на базе конкретных исторических фактов и статистических данных. Благодаря использованию историко-сравнительного метода удалось сопоставить точки зрения различных исследователей по выбранной проблематике, в том числе зарубежных, что позволило сделать более обоснованные и достоверные выводы.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые представлен комплексный анализ геополитической, международно-правовой, экономической ситуации в регионе Каспийского моря, динамика изменения официальной позиции России по разделу моря.

Россия на Каспии до 1991 года

Каспийское море исторически и географически является важным регионом для внешней и внутренней политики России. Начиная с постепенного прихода на Каспий с взятием Астраханского ханства Россия постепенно усиливала свое влияние в низовьях Волги [1. С. 152]. Овладение рекой способствовало активизации торговых отношений России с ханствами Средней Азии и Кавказа, Персией, а также создавало условия для дальнейшей

российской экспансии на юг [2]. Следующей важной вехой укрепления позиций России в регионе стал Персидский поход 1722–1723 года под командованием Петра I. Этот поход позволил заметно нарастить влияние России в Каспийском регионе, обеспечить безопасность торговых путей, а также остановить экспансию Турции в Закавказье и на Каспий в условиях ослабления Персии [3. С. 12].

Две русско-персидские войны в начале XIX в. окончательно закрепили за Российской империей статус доминирующего геополитического игрока в регионе. Итогом первой войны 1804–1813 гг. стал Гюлистанский мирный договор [4]. Документ ознаменовал переход под контроль России Дагестана, Грузии, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии и ханств: Бакинского, Карабахского, Гянджинского, Ширванского, Текинского, Дербентского, Кубинского, Талышского. России получала эксклюзивные права на владение военным флотом на море. Итогом второй войны 1826–1828 гг. стал Туркманчайский трактат [4], закрепивший территориальные итоги Гюлистанского договора, подтвердивший исключительное право России держать военный флот на Каспийском море, что Ирану было запрещено. Российские купцы, согласно мирному договору, получили преференции по свободной торговле в Иране [4]. Таким образом, к первой четверти XVIII века Россия прочно закрепила на Каспийском море.

Следующей важной вехой закрепления влияния России в регионе стали советско-иранские договоренности, достигнутые после распада Российской империи. Для молодой советской республики, находящейся в изоляции, важно было добиться признания на международной арене, результатом стал комплекс соглашений с южными пограничными странами Афганистаном, Турцией и Ираном. Договор о дружбе и сотрудничестве с Ираном, подписанный 26 февраля 1921 г., с одной стороны провозглашал потерю законной силы всех предыдущих двусторонних договоренностей, которые, по мнению советской стороны, «ущемляли права иранского народа» [5]. Договор прописывал отношения сторон на Каспии, в частности закреплял границу на море (без указания географических координат), пересматривал режим рыболовства (иранская сторона также получала право на рыбную ловлю). Ключевым пунктом соглашения стал вопрос региональной безопасности. Россия, согласно договору, получала право ввести войска в Персию, если третьи страны будут использовать территорию Персии для агрессивных действий против России [5]. В 1940 году был подписан договор, который подтверждал и развивал принципы, согласованные в 1921 году. Каспий объявлялся как море советское и иранское [5].

Советско-иранские соглашения, по сути, закрепили за Каспийским морем зарытый характер для третьих стран в военном и экономическом плане. При этом соглашения 1921–1940 гг. не регламентировали размежевание и территориальную целостность моря, помимо 10-мильной рыболовной зоны, указанные документы не содержали важнейших компонентов правового режима международных водоемов, которые бы регламентировали судоходство, использование недр [6. С. 398].

Важно отметить, что в силу разности военного и политического потенциала СССР и Ирана Москва стала на Каспии доминирующим игроком. Так, СССР, согласно утвержденному закрытому приказу НКВД от 1934 года, контролировала большую часть акватории моря до условной границы по линии Астара–Гасан–Кули [7]. В рамках обеспечения безопасности южных границ в условиях начавшейся Второй мировой войны СССР, используя существующие договоренности с Ираном, совместно с Великобританией реализовала операцию «Согласие» по демилитаризации Ирана [8]. Несмотря на скорый вывод войск из Ирана в связи с решением тактических задач операции доминирование СССР в регионе Каспия сохранилось вплоть до 1991 года.

Распад СССР кардинальное изменение геополитической ситуации

1991 год ознаменовал кардинальную геополитическую перестройку в мире в целом и в регионе в частности. Распался СССР, закончилась холодная война между западным и социалистическим лагерями. В регионе Каспийского моря данные изменения оказали серьезнейшую перестройку. Вместо двух игроков – СССР и Исламской Республики Иран – появилось сразу пять игроков. К двум правопреемникам существующих соглашений добавились три новых независимых государства на Каспии – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Новые игроки с самого начала обретения самостоятельности начали заявлять о своих правах на Каспийское море, поэтому для региональной повестки дня сразу же стал актуальным вопрос – как делить море среди уже пяти игроков. Проблема оказалась не только в юридических тонкостях. Дело в том, что в силу обширных природных ресурсов моря вопрос их раздела быстро превратился в политический. В интересах новых игроков и их тактических союзников в лице западных правительств и нефтяных компаний было получение суверенных прав на прилегающие сектора моря с возможностью самостоятельного освоения запасов нефти и газа. Позиция России и Ирана строилась изначально на совместном использовании моря и его ресурсов, в юридической практике такой подход называется кондоминиум. Линия противостояния – страны-правопреемницы против новых независимых государств – стала ключевой на первом этапе противостояния за влияние на Каспии.

Наиболее активную позицию среди новых независимых государств занял Азербайджан. Во многом такой подход Баку определялся характером экономической модели республики с доминированием нефтегазового сектора. Располагая обширными запасами нефти и газа, Азербайджан в 90-е годы прошлого века в структуре промышленного производства имел долю добывающей отрасли всего 19.6%. Во многом это объяснялось недоинвестированием в отрасль. В новых условиях с привлечением западных инвесторов для Баку появилась возможность перезапустить нефтегазовый сектор, сделать его флагманом экономики республики и залогом суверенитета и независимости от России. Это можно было, лишь обеспечив политический и юридический контроль над ресурсами прилегающего к Азербайджану сектора моря. Но

азербайджанское руководство решило действовать на опережение. Не дожидаясь подписания каких-либо международных документов по разделению моря, Баку пошло на подписание так называемого «Контракта века» об освоении трех крупных офшорных месторождений нефти и газа расположенных в Каспийском море в 90 км к востоку от Баку. 20 сентября 1994 года в бакинском дворце «Гюлистан» было подписано соглашение между правительством республики и консорциумом нефтяных зарубежных компаний (1). Согласно документу, за время его действия планировалось добыть 511 млн тонн нефти, из которых 258 будут принадлежать Азербайджану [6]. Уже через два месяца парламент Азербайджана ратифицировал соглашение. За последующие семь лет после подписания «Контракта века» Баку заключил 17 новых нефтяных и газовых контрактов с западными компаниями, которые позволили к 2000 году обеспечить приход в республику 130 британских и 110 американских, норвежских, японских, французских нефтяных и сервисных компаний [9. С. 69].

Для окончательного закрепления за собой прилегающего сектора Каспийского моря Азербайджан в 1995 году принял новую Конституцию республики. Статья 11 содержала следующий пункт: «Внутренние воды Азербайджанской Республики, принадлежащий Азербайджанской Республике сектор Каспийского моря (озера), воздушное пространство над Азербайджанской Республикой – составные части территории Азербайджанской Республики» [10]. Азербайджан таким образом «закрепил» за собой прилегающий сектор, правда, без уточнения его географических размеров.

Проактивная позиция Баку в отношении Каспия во многом совпадала с интересами западных стран, которые впервые с начала XX века получили доступ к морю и его ресурсам. Открытие региона и потребность новых независимых государств в иностранных инвестициях и политической поддержке в отношениях с Россией и Ираном открывали новый виток геополитической борьбы между ведущими мировыми и региональными державами.

Для Запада на Каспии стояли следующие стратегические задачи. Первое – открытие крупного нефтегазового региона для обеспечения энергетической безопасности Европейского союза. Второе – для геополитических конкурентов России было важно не допустить реинтеграцию СССР и обеспечить независимость стран региона от России [11. С. 166]. В данном контексте помимо инвестиций и политической поддержки необходимо было обеспечить строительство альтернативных российским нефте- и газопроводов, так как к моменту распада СССР все добываемые в регионе энергоресурсы доставлялись на мировой рынок через российские трубопроводы. Лоббистская, политическая работа над разными вариантами маршрутов велась в течении всех 90-х годов прошлого века, пока в октябре 1998 года не был подписан меморандум между Азербайджаном, Грузией, Казахстаном, Турцией и США о строительстве нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан. Строительство проекта мощностью 50 млн тонн нефти было завершено в 2006 году и позволило поставлять нефть с каспийских месторождений Азербайджана, Казахстана и Туркменистана в глубоководный порт Джейхан в Средиземном море [12]. Несколько позже был

запущен газопровод Баку–Тбилиси–Эрзурум, позволивший поставлять природный газ с месторождения «Шах-Дениз» на Каспии в Грузию и Турцию [13].

Но не все планы западных стран в отношении региона удалось реализовать. Одним из наиболее приоритетных проектов для США и ЕС в регионе Каспия был Транскаспийский газопровод. Проект предполагал строительство 300-километрового трубопровода по дну Каспийского моря, который бы соединил Туркменистан с его четвертыми в мире запасами газа в мире с азербайджанской газотранспортной системой. Основной целью проекта было обеспечение поставок туркменского газа в обход России в ЕС, чтобы кардинальным образом снизить зависимость от российского газа. Проект был предложен и продвигался с середины 1990-х. В итоге, несмотря на крайнюю заинтересованность участников проекта, его так и не удалось перевести в стадию реализации. Причиной стала как позиция России и Ирана, которые пролоббировали необходимость согласования любых трансграничных проектов на море в международно-правовые договоры о статусе моря, так и внутренние противоречия участников потенциального газопровода и неочевидная экономическая целесообразность проекта [14. С. 47–54].

Таким образом, новым независимым государствам и их западным партнерам на первом этапе геополитического противостояния удалось заметно снизить влияние России за счет разрушения ее монополии на транспортировку энергоресурсов из региона, лишить Москву возможности отстаивать принцип кондоминиума по освоению ресурсов моря.

Если в геоэкономической сфере противникам России удалось достичь серьезных результатов, то в военной сфере регион Каспия несмотря на все попытки так и остался закрытым для западных стран. Так, через программы сотрудничества НАТО западные страны сразу после получения независимости новых независимых стран постарались втянуть их в орбиту своего влияния и таким образом оторвать от тесных связей в военной сфере с РФ [15]. В отношении непосредственно Каспийского региона США предложили создание региональной военной группировки «Каспийский страж» с участием Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, которая предполагала формирование секторального альянса с участием США, но без вовлечения России и Ирана [16]. В случае реализации инициатива могла бы стать основой для появления американских военных в регионе на постоянной основе. Благодаря дипломатическим усилиям России и Ирану удалось остановить реализацию американской стратегии.

Позиция России и ее эволюция в меняющихся геополитических условиях

Изначальная позиция России в отношении Каспия носила пассивный и крайне консервативный характер. Москва исходила из существующей нормы международного права, согласно которому при появлении в том или ином регионе новых стран юридический режим и статус пространств общего

пользования не должен подвергаться одностороннему пересмотру. Поэтому, будучи правопреемницей существующих соглашений от 1921 и 1940 гг., Москва рассчитывала, что именно они будут выступать основной международно-правового статуса моря, при котором оно остается закрытым для внешних игроков и в вопросе хозяйственной деятельности, и в контексте обеспечения региональной безопасности [17. С. 68]. Убежденность в соблюдении соседями по региону данных обязательств в конечном итоге сыграло против стратегических интересов Москвы. Переход к активным шагам Азербайджана по привлечению западных инвесторов стало во многом полной неожиданностью для России. В ответ на подписание в Баку «контракта века» МИД РФ направил Генеральной Ассамблее ООН документ с жестким заявлением, что «односторонние действия в отношении Каспия являются незаконными и не будут признаваться РФ». Других практических шагов не последовало. Более того, участие российской компании «Лукойл» в сделке имело двусмысленный характер. С одной стороны, через вхождение в проект «Азери–Чираг–Гюнешли» «Лукойла» Россия получала возможность быть пусть символическим, но участником стратегического проекта. С другой стороны, Азербайджан рассматривал подключение российской компании к проекту как негласное согласие на его реализацию.

Запуск крупного нефтегазового проекта в азербайджанском секторе Каспийского моря и приход западных компаний в регион заставили Россию кардинальным образом перестраивать свои подходы к региону и корректировать дипломатическую линию, исходя из новых геополитических реалий. Если в 1995 году МИД РФ еще отстаивал принцип кондоминиума или совместного использования моря, который не был поддержан остальными участниками кроме Ирана, то в 1996 году был предложен компромиссный вариант. Он заключался в готовности России на утверждение юрисдикции каждого прикаспийского государства на прибрежную линию шириной 45 морских миль, остальная часть моря оставалась под общим контролем. Исключением оставались только месторождения в центральной части моря, которые уже запущены. Выдвижением данной инициативы Россия рассчитывала перехватить инициативу в процессе выработки статуса моря и обеспечить возможность для использования акваторией моря. Но и это предложение в конечном итоге не было поддержано Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном, так как в это время все новые независимые участники вели переговоры о новых проектах в акватории моря и не планировали отказываться от возможности их реализации [18]. На данном этапе стало очевидно, что через многосторонние предложения о статусе моря не найдут поддержки у соседей по морю, так как они преследуют другие цели. Это в конечном итоге подтолкнуло российскую дипломатию начать кардинальный пересмотр подходов в отношении Каспийского моря.

Россия адаптирует свою стратегию в отношении региона

Столкнувшись с невозможностью продвижения единого, общего подхода к разделению зон ответственности на море, Москва перешла к

адаптированному подходу к защите своих интересов в регионе. Первым практическим шагом стал запуск двусторонних переговоров с Казахстаном о размежевании северной части Каспия. Столкнувшись со непреклонной позицией новых независимых государств, стремившихся обеспечить права на самостоятельное освоение природных ресурсов моря, Москва в отношении с ближайшим союзником на постсоветском пространстве, Казахстаном, предложила компромиссный вариант. Идея заключалась в разделе дна моря на сектора в интересах недропользователей по срединной модифицированной линии (равноудаленной от берегов линии) и сохранения акватории в общем пользовании для судоходства, рыболовства и обеспечения безопасности. В июне 1998 году было подписано соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование» [19. С. 71–77]. Соглашение также подразумевало совместное освоение месторождений, расположенных на границе между секторами.

К 2003 году Россия, используя форуму «дно делим – акватория общая», подписала аналогичное соглашение с Республикой Азербайджан [20. С. 60–62], то же самое сделали Азербайджан и Казахстан на двусторонней основе, а в трехстороннем формате Россия–Азербайджан–Казахстан подписали соглашение о точке стыка линий разграничения сопредельных секторов Каспийского моря трех стран [21]. Таким образом, к маю 2003 года северная часть моря была разделена, а Россия решила все свои территориальные вопросы на Каспии.

Параллельно Россия выступила одним из инициаторов запуска пятистороннего переговорного формата по выработке международно-правового статуса Каспийского моря. Была создана Специальная рабочая группа (СРГ) на уровне профильных заместителей министров иностранных дел, которая и стала ключевым инструментом работы над Конвенцией о статусе моря. Всего за 22 года переговоров до момента подписания Конвенции о международно-правовом статусе Каспийского моря 12 августа 2018 года прикаспийские страны провели 51 заседание Специальной рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел, 10 встреч министров иностранных дел и пять президентских саммитов в 2002 году в Ашхабаде, в 2007 году в Тегеране, в 2010 году в Баку, в Астрахани в 2014 году и в Актау в 2018 году.

Каждая из встреч президентов продвигала переговорный процесс. Наиболее значимые договоренности для стратегических интересов России в регионе были достигнуты в Тегеране в 2007 году. По итогам встречи была подписана Декларация, содержащая 25 пунктов [22], которая признавала Каспий «морем мира», то есть стороны обязались решать все спорные вопросы путем переговоров. Помимо этого участники переговоров обязались не предоставлять свою территорию третьим странам для любых агрессивных действий в отношении каспийских соседей и размещать военные объекты третьих стран. Таким образом, с военной точки зрения регион Каспийского моря сохранил закрытый статус для внешних игроков.

Финальный документ, ставший итогом 22 лет переговоров, Конвенция о международно-правовом статусе Каспийского моря была подписана

президентами каспийских стран в Актау 12 августа 2018 года. Конвенция, по сути, представляет собой «Конституцию Каспия», регламентирующую ключевые сферы жизнедеятельности и сотрудничества прибрежных стран. Россия изначально выступала в качестве ключевого сторонника скорейшего завершения переговоров по Конвенции, так как она позволяла с геополитической точки зрения создать юридическую и политическую базу для добрососедства и конструктивного сотрудничества в регионе вопреки попыткам внешних игроков, играя на противоречиях региональных стран, раскачать ситуацию. Так, на московской министерской встрече, которая была организована в декабре 2017 года после двухлетнего перерыва в переговорах, глава МИД РФ Сергей Лавров заявил, что стороны завершили согласование основных проблемных вопросов, и уже в первой половине 2018 года состоится заключительный саммит, где будет подписана Конвенция о статусе моря [23]. За несколько недель до саммита в казахстанском Актау на сайте правовой информации правительства РФ было опубликовано решение об одобрении российским кабинетом министров проекта Конвенции и что документ был представлен МИД РФ после согласования с Азербайджаном, Ираном, Казахстаном и Туркменистаном [24]. Активные действия российской дипломатии в конечном итоге позволили завершить работу над проектом и добиться подписания Конвенции на саммите в Актау.

Подписание Конвенции стало серьезным успехом российской дипломатии, так как документ максимально отвечает российским интересам на Каспии. Так, акватория моря остается в общем пользовании, за исключением 25 миль прибрежной полосы, остающейся под юрисдикцией прибрежных стран. Это позволяет оставшуюся центральную часть акватории свободно использовать для судоходства, рыболовства и обеспечения безопасности [17]. Второй важный момент – Конвенция включила в себя итоги саммита в Тегеране и подтверждает запрет на размещение в регионе военных объектов третьих стран в регионе, что в целом повышает уровень региональной безопасности и рисков втягивания стран региона в геополитические противостояния [25].

Еще одним важным успехом РФ стало подписание в рамках подготовки Концепции специального Протокола по оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС) [26]. Данный документ создает эффективную нормативно-правовую базу, регламентирующую строительство и реализацию любых трансграничных промышленных, энергетических инфраструктурных проектов, реализация которых может нанести вред экологии моря. При этом Протокол прописывает процедуры согласования и обеспечения максимальной прозрачности любых крупных проектов на море, включая строительство, например, транскаспийских трубопроводных проектов.

На фоне решения правовых вопросов статуса моря и закрытости его для военных третьих стран Россия продолжила системную работу по закреплению своего лидерства в этой сфере в регионе. Каспийская флотилия на сегодняшний день наиболее боеспособная и лучшая по оснащению современным оружием, ее флагманом является современный сторожевой корабль проекта

11661 «Гепард» – «Татарстан», вошедший в состав флота в 2002 году, а также малый артиллерийский корабль «Астрахань». Несмотря на свою сравнительную ограниченную численность и мощности в системе российской ВМФ, Каспийская флотилия за счет ударов ракетами «Калибр» в октябре 2015 года показала, что ее возможности и сфера ответственности не ограничивается Каспийским регионом. Заметным усилением возможностей и оперативности флотилии можно считать перевод мета базирования флотилии из Астрахани в Каспийск (Дагестан) с усилением наземной инфраструктуры [27].

Сфера транспортировки энергоресурсов из Каспийского региона также изначально представлялась как наиболее проигрышная для России после распада СССР. Москва потеряла статус монопольного транзитера нефти и газа из региона, что снизило политическое влияние, а также заметным образом сократило поступления в бюджет от транспортировки энергоресурсов. Вместе с тем, благодаря реализации ряда проектов, ориентированных на новые месторождения России на Каспии, удалось сохранить статус одного из ключевых транзитеров в регионе. Крупнейшим трубопроводным проектом, построенным после распада СССР, стал маршрут Тенгиз–Новороссийск, реализованный Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК). Данный транспортный коридор имеет кратчайшую длину и оптимальное с точки зрения политической стабильности направление (через Астраханскую область, Калмыкию и Краснодарский край) [17]. Протяженность данного маршрута составила 1580 км. Мощность первой очереди – 28 млн тонн в год, в последствии пропускная способность маршрута была доведена до 67 млн тонн в год. Первый танкер с нефтью с черноморского нефтеналивного терминала отчалил в октябре 2001 года. Проект КТК с расширенной мощностью, несмотря на наличие альтернативного маршрута через Азербайджан Баку–Тбилиси–Джейхан, является важнейшим направлением для экспорта нефти с казахстанского месторождения Тенгиз, а в перспективе станет главным направлением для крупнейшего на Каспии месторождения Кашаган.

Заключение

Анализ результатов российской внешней политики на отдельно взятом региональном направлении не может быть полноценной оценкой внешней политики государства за последние 30 лет, но в ряде аспектов может дать основание для оценки ее эффективности, особенно в условиях обострившегося геополитического противостояния. В этом ключе политика России в отношении важного стратегического каспийского направления является достаточно показательной, так как включает в себя координацию сразу же нескольких региональных направлений – ближневосточного, южнокавказского, центральноазиатского, отраслевых – энергетического и сферы безопасности. То есть работа по выработке и реализации каспийской стратегии включала в себя комплексную задачу с подключением нескольких министерств и государственных ведомств, вовлеченных регионов (три российских региона

считаются каспийскими – Астраханская область, Республики Дагестан и Калмыкия), крупных компаний, в первую очередь энергетических.

Как было отмечено ранее, стартовая позиция России в новой геополитической борьбе за влияние была не самая сильная. Западные страны пришли в регион в начале 90-х годов прошлого века в статусе победителей холодной войны на фоне серьезного внутривосточного и социально-экономического кризиса в России. Ее конкуренты обладали ресурсами, политической волей, широким набором инструментов для продвижения своих интересов на Каспии и закрепления в традиционной зоне влияния РФ. Первые 10 лет новой геополитической борьбы проходило во многом успешно для США и их союзников. Им удалось достигнуть ряда тактических задач, в первую очередь обеспечить доступ западным компаниям к энергоресурсам региона, сформировать систему их транспортировки из региона в обход России и Ирана, запустить сотрудничество с региональными игроками в оборонной сфере.

Россия вынуждена была исходить из складывающихся условий и искать сильные стороны в новых условиях. Москва, используя заинтересованность Казахстана и Азербайджана в юридическом фиксировании их прав на ресурсы прилегающих секторов, чтобы решить территориальные вопросы на севере моря, первая к 2003 году закрыла пограничные вопросы на Каспии. Перейдя к более гибкой системе строительства нефтепроводов, Россия в условиях финансовых сложностей за счет привлечения иностранных инвесторов построила крупнейший нефтепровод Тенгиз–Новороссийск, который стал главным противовесом Баку–Тбилиси–Джейхан. Благодаря активной внешнеэкономической политике Москве удалось на двустороннем и многостороннем форматах установить прагматичные отношения со всеми каспийскими соседями, тем самым создать базу для долгосрочного влияния в регионе. Наконец, благодаря системной работе по формированию международно-правового статуса России в тесной кооперации с остальными странами региона удалось согласовать и принять Конвенцию о статусе моря, которая станет долгосрочным фундаментом добрососедских отношений в регионе.

Примечание

- (1) В консорциум вошли компании BP (35,78 %) – оператор, ChevronTexaco (11,27 %), SOCAR Azerbaijan (11,65 %), INPEX (10,96 %), Statoil (8,5633 %), ExxonMobil (8,006 %), ТРАО (6,75 %), Itochu (3,9205 %), ONGC (2,7213 %).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Зайцев А.В.* Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006.
 [2] *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982.
 [3] *Лысов В.П.* Персидский поход Петра I (1722–1723). М.: МГУ, 1951.
 [4] *Юзефович Т.П.* Договоры России в Востоке. Политические и торговые. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1869.

- [5] *Алиев С.М.* История Ирана. XX век. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2004.
- [6] *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2003.
- [7] *Бутаев А.М.* Каспий: зачем он Западу? Режим доступа: <http://www.caspiy.net/dir3/west/index.html>. Дата обращения: 20.07.2020.
- [8] *Грищенко Н.* Операция «Согласие»: как СССР и Великобритания заняли Иран в 1941 году // «Российская газета», 25.08.2020. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/08/25/operaciia-soglasie-kak-sssr-i-velikobritaniia-zaniali-iran-v-1941-godu.html>. Дата обращения: 20.10.2020.
- [9] *Гусейнов В.* Каспийская нефть: экономика и геополитика. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- [10] Конституция Азербайджанской Республики // Официальный сайт Президента АР Ильхама Алиева. Режим доступа: <http://www.president.az/azerbaijan/constitution?locale=ru>. Дата обращения: 12.11.2020.
- [11] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010.
- [12] Нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан им. Гейдара Алиева. Справка // РИА Новости 17.04.2009. Режим доступа: <https://ria.ru/20090417/168381928.html>. Дата обращения: 10.11.2020.
- [13] Южно Кавказский – газопровод (ЮКТ), Баку–Тбилиси–Эрзурум // Нефтегаз.Ру 15.06.2014. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/tech-library/trans>. Дата обращения: 10.11.2020.
- [14] *Чумаков Д.* Перспективы Транскаспийского газопровода // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 8. С. 47–54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-47-54>
- [15] Партнерство во имя мира // НАТО.РФ. Режим доступа: https://нато.рф/ru/partnership_for_peace.html. Дата обращения: 10.11.2020.
- [16] Каспийский вектор внешней политики США // *Война и мир*, 24.02.16. Режим доступа: <https://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/109509/>. Дата обращения: 10.11.2020.
- [17] *Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М.* Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003.
- [18] *Верхотуров Д.* Как поделят Каспий? // интернет-портал *Время Востока*. Режим доступа: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/30.html> Дата обращения: 10.11.2020.
- [19] Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование // *Бюллетень международных договоров*. N 1 2004; Протокол к Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года (Вместе с «Каталогом географических координат...») // *Бюллетень международных договоров*. 2004. N 1.
- [20] Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря // *Бюллетень международных договоров*. N 8. 2004.
- [21] Соглашение между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря от 14 мая 2003 года // Портал информационной поддержки инноваций и бизнеса. Инновации и предпринимательство. Режим

- доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_86604.html
 Дата обращения: 10.11.2020.
- [22] Итоговая Декларация саммита прикаспийских государств в Тегеране // Вести.Ру, 16.10.2007. Режим доступа: <http://cdnmg.vesti.ru/doc.html?id=143024&tid=49593>
 Дата обращения: 09.11.2020.
- [23] Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам Совещания министров иностранных дел прикаспийских государств, Москва, 5 декабря 2017 года // Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2978643. Дата обращения: 07.11.2020.
- [24] Постановление Правительства РФ от 21.06.2018 N 714 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Конвенции о правовом статусе Каспийского моря». Режим доступа: <https://government.consultant.ru/documents/3726319?items=1&page=1>. Дата обращения: 10.11.2020.
- [25] *Караваев А.* Правовой статус Каспия и проблема КАСФОР // Агентство политических новостей – Казахстан. URL: <http://www.apn.kz/publications/article270.htm>. Дата обращения: 11.11.2020.
- [26] Протокол по оценке воздействия на окружающую среду // Официальный сайт Тегеранской конвенции. Режим доступа: www.tehranconvention.org/IMG/doc/4_Rev.1_Note_on_EIA_Protocol_ru.doc. Дата обращения: 12.11.2020.
- [27] *Заквасин А.* Из Астрахани в Дагестан: почему Каспийская флотилия меняет прописку // RT.ru 02.04.2018. Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/499196-kaspiiskaya-flotiliya-baza-dagestan>. Дата обращения: 10.11.2020.

REFERENCES

- [1] Zaitsev AV. Astrakhan Khanate. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006. (In Russ).
- [2] Zimin AA, Khoroshkevich AL. Russia in the time of Ivan the Terrible. Moscow: Nauka Publ., 1982.
- [3] Lystsov VP. Persian campaign of Peter I (1722–1723). Moscow: Moscow State University, 1951.
- [4] Yuzefovich TP. Treaties of Russia in the East. Political and commercial. SPb.: Printing house of O.I. Bakst, 1869.
- [5] Aliev SM. History of Iran XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS: Kraft +, 2004.
- [6] Gadzhiev KS. Geopolitics of the Caucasus. М.: International relations, 2003.
- [7] Butaev AM. Caspian: why does the West need it? Available from: <http://www.caspiy.net/dir3/west/index.html> [Access: 10 Nov, 2020].
- [8] Grishchenko N. Operation “Consent”: how the USSR and Great Britain occupied Iran in 1941. *Rossiyskaya Gazeta*, 25.08.2020. Available from: <https://rg.ru/2020/08/25/operaciia-soglasie-kak-sssr-i-velikobritaniia-zaniali-iran-v-1941-godu.html> [Access: 8 Nov, 2020].
- [9] Huseynov V. Caspian oil: economics and geopolitics. Moscow: OLMA-PRESS, 2002.
- [10] Constitution of the Republic of Azerbaijan Official site of the President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev. Available from: <http://www.president.az/azerbaijan/constitution?locale=ru> [Access: 8 Nov, 2020].
- [11] Brzezinski Z. The Great Chessboard. American dominance and its geostrategic imperatives. Moscow: International relations, 2010.

- [12] Oil pipeline Baku–Tbilisi–Ceyhan named after Heydar Aliyev. Help RIA Novosti 17.04.2009. Available from: <https://ria.ru/20090417/168381928.html> [Access: 10 Nov, 2020].
- [13] South Caucasian gas pipeline (YKT), Baku–Tbilisi–Erzurum Neftegaz.Ru 15.06.2014. Available from: <https://neftegaz.ru/tech-library/trans> [Access: 12 Nov, 2020].
- [14] Chumakov D. Prospects of the Trans-Caspian gas pipeline. *World economy and international relations*. 2019. vol. 63. no. 8. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-47-54>
- [15] Partnership for Peace NATO.RF. Available from: https://nato.rf/ru/partnership_for_peace.html[Access: 11 Nov, 2020].
- [16] Caspian vector of US foreign policy. *War and Peace*, 24.02.16. Available from: <https://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/109509/> [Access: 12 Nov, 2020].
- [17] Zhiltsov SS, Zonn IS, Ushkov AM. Geopolitics of the Caspian region. M.: International relations, 2003.
- [18] Verkhoturov D. How will the Caspian be divided? *Vremya Vostoka*. Available from: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/30.html> [Access: 12 Nov, 2020].
- [19] Agreement between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on the delimitation of the bottom of the northern part of the Caspian Sea in order to exercise sovereign rights to subsoil use. *Bulletin of international treaties*. 2004; 1:68–71; Protocol to the Agreement between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on delimiting the bottom of the northern part of the Caspian Sea for the purpose of exercising sovereign rights to subsoil use dated July 6, 1998 (Together with the “Catalog of geographical coordinates ...”). *Bulletin of international treaties*. 2004; 1.
- [20] Agreement between the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan on the delimitation of adjacent areas of the bottom of the Caspian Sea. *Bulletin of international treaties*. N 8, 2004.
- [21] Agreement between the Russian Federation, the Republic of Azerbaijan and the Republic of Kazakhstan on the junction point of the lines of demarcation of adjacent sections of the seabed of the Caspian Sea dated May 14, 2003. Portal of information support for innovation and business Innovation and entrepreneurship. Available from: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_86604.html [Access: 12 Nov, 2020].
- [22] Final Declaration of the summit of the Caspian states in Tehran. Vesti.Ru, 16.10.2007. Available from: <http://cdnmg.vesti.ru/doc.html?id=143024&tid=49593> [Access: 9 Nov, 2020].
- [23] Speech by Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov during a press conference following the Meeting of Foreign Ministers of the Caspian States, Moscow, December 5, 2017. Official website of the Russian Foreign Ministry. Available from: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2978643 [Access: 12 Nov, 2020].
- [24] Decision of the Government of the Russian Federation of 21.06.2018 N 714 “On Submission to the President of the Russian Federation of the Proposal on Signing the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea”. Available from: <https://government.consultant.ru/documents/3726319?items=1&page=1> [Access: 9 Nov, 2020].
- [25] Karavaev A. Legal status of the Caspian Sea and the problem of CASFOR. Agency of political news – Kazakhstan. Available from: <http://www.apn.kz/publications/article270.htm> [Access: 10 Nov, 2020].

- [26] Protocol on Environmental Impact Assessment // Official website of the Tehran Convention. Available from: www.tehranconvention.org/IMG/doc/4_Rev.1_Note_on_EIA_Protocol_ru.doc [Access: 12 Nov, 2020].
- [27] Zakvasin A. From Astrakhan to Dagestan: why the Caspian Flotilla is changing its registration // RT.ru 2.04.18. Available from: <https://russian.rt.com/russia/article/499196-kaspiiskaya-flotiliya> [Access: 11 Nov, 2020].

Информация об авторе / Information about the author:

Пritchins Станислав Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, e-mail: pritchin.stanislav@yandex.ru.

Pritchins Stanislav Aleksandrovich – PhD Candidate of History Science, Senior Research Fellow Center for post-Soviet Studies IMEMO RAS named by E.M. Primakov, e-mail: pritchin.stanislav@yandex.ru.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 30.09.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-37-48

Научная статья / Research article

Этноконфессиональный фактор в арабских странах Восточного Средиземноморья

Е.М. Савичева, Н.С. Ахмедова, Ганем Сомар Хафез

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. В статье анализируется роль этноконфессионального фактора в общественно-политической жизни двух восточносредиземноморских арабских стран – Ливана и Сирии. Подчеркивается, что этническое и конфессиональное разнообразие в сочетании с культурно-цивилизационной спецификой предопределяет особенности политических процессов в странах региона и их внешнеполитические ориентации. Авторы отмечают тенденцию широкой вовлеченности в политические процессы в рассматриваемых странах различных этнических и конфессиональных групп. Делается вывод о значимости этнического и конфессионального факторов в развитии традиционных обществ ближневосточных стран, включая Сирию и Ливан. Этноконфессиональный фактор может как консолидировать и мобилизовать общество, так и усилить конфликтный потенциал и усложнить процесс урегулирования в полиэтничных и поликонфессиональных странах региона.

Ключевые слова: этноконфессиональный фактор, Ливан, Сирия, конфессионализм, политический процесс, стабильность

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-41001.

Для цитирования: Савичева Е.М., Ахмедова Н.С., Ганем Сомар Х. Этноконфессиональный фактор в арабских странах Восточного Средиземноморья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 37–48. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-37-48

Ethnic and confessional factor in the Arab countries of the Eastern Mediterranean

E. Savicheva, N. Akhmedova, Ghanem Somar Hafez

Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklay street, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article analyzes the role of ethno-confessional factor in the social and political life of two Eastern Mediterranean Arab countries – Lebanon and Syria. It is

© Савичева Е.М., Ахмедова Н.С., Ганем Сомар Х., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

emphasized that ethnic and confessional diversity in combination with cultural and civilizational specifics predetermines the peculiarities of political processes in the countries and their foreign policy orientations. The authors note the tendency of wide involvement of various ethnic and confessional groups in political processes. The authors come to the conclusion about significance of ethnic and confessional factors in the development of traditional societies in the Middle Eastern countries, including Syria and Lebanon. The ethno-confessional factor can both consolidate and mobilize society, as well as increase the potential for conflict and complicate the settlement process in multi-ethnic and multi-confessional countries of the region.

Key words: ethno-confessional factor, Lebanon, Syria, confessionalism, political process, stability

Acknowledgments:

For citation: Savicheva E., Akhmedova N., Ghanem Somar H. Ethnic and confessional factor in the Arab countries of the Eastern Mediterranean. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(1):37–48. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-37-48

Этнический и религиозный факторы – структурообразующие элементы традиционных обществ

В современном мире этнический и религиозный факторы не только определяют внутренние процессы в странах Ближнего Востока, но и оказывают существенное влияние на внешнюю политику, а порой приобретают транснациональный характер. Религия, и, прежде всего ислам, в значительной степени детерминирует политическую, культурную и социальную жизнь ближневосточных обществ. Она не только проникает во внутригосударственные институты, но и воздействует на разработку и реализацию внешнеполитического курса государств. Принадлежность к той или иной конфессии способствует формированию национальных идентичностей в регионе, а также определяет позиционирование государств на международной арене.

Однако наличие в регионе разнообразных этнических и конфессиональных групп таит в себе конфликтотенный потенциал. Конфликты, возникающие между различными этническими и конфессиональными группами, зачастую мотивированы стремлением укрепить собственную идентичность, занять ключевые позиции в государственных структурах и оказывать определяющее влияние на политическую жизнь. Кроме того, катализатором этноконфессиональных противоречий нередко выступает внешний фактор – вмешательство внешних сил в политические процессы в странах региона, осуществляемое как международными акторами, так и ведущими региональными игроками. Активизация такого рода конфликтного потенциала играет на руку не только этническим или религиозным меньшинствам, стремящимся любыми средствами укрепить свои позиции, но и внерегиональным силам, претендующим на статус главного арбитра в регионе.

В данном контексте противостояние на этноконфессиональной почве актуализируется и требует пристального внимания экспертов. Наиболее остро данная проблема стоит в странах Восточного Средиземноморья, в

частности в Ливане и Сирии, где этноконфессионализм стал одним из мотивов гражданских войн.

Деструктивный потенциал конфессионализма в Ливане

На небольшой территории Ливана проживают представители почти двух десятков различных религиозных общин (12 христианских, 5 мусульманских и 1 иудаистская). Доминирующей является мусульманская община, представленная шиитами, суннитами, друзами, и христианская, в составе которой марониты, греко-католики, православные, последователи армяно-григорианской и униатской церквей и др. Кроме того, в поликонфессиональном ливанском социуме представлены алавитская, бехаитская и другие общины. История сосуществования на ливанской земле последователей различных верований представляется весьма интересной. В V–VII вв. в христианстве появились новые богословские течения, такие как несторианство, монофизитство и монофелитство, представители которых вели догматические споры относительно наличия у Христа божественной или человеческой природы. Преследуемые византийской церковью приверженцы различных христианских толков были вынуждены искать убежище и нашли его в Ливанских горах.

В конце VII в. из внутренней Сирии в Ливан начали мигрировать христиане-монофелиты, к коим относились марониты, названные так в честь сирийского аскета Мар Маруна [1. С. 22]. Позже на этих территориях осели мусульмане-шииты. В XI в. шиитами-исмаилитами Южного Ливана была образована друзская община, приверженцы которой получили свое название от доверенного лица фатимидского халифа Хакима (996–1021 гг.) – перса Мухаммада ад-Дарази, выступавшего проповедником культа Хакима как окончательного телесного воплощения бога. Сами друзы называют себя «муваххидун», т.е. «приверженцы единого Бога», а слово «друз» содержит в себе коннотацию – на арабском языке «дурус» означает «уроки», т.е. уроки нового вероучения. Росту количества религиозных общин в Восточном Средиземноморье способствовала достаточно активная деятельность миссионеров.

По итогам последней переписи населения, проведенной еще в подмандатном французском Ливане в 1932 г. (с тех пор официальная перепись не проводилась, причем Ливан является единственным государством-членом ООН, не проводившим перепись после Второй мировой войны), в стране насчитывалось более 51% христиан и около 48% мусульман. Крупнейшей христианской общиной были марониты, которые составляли 28,8% от всего населения страны, далее шли греко-православные – 10%, греко-католики – 6,3%, армяне – 6,2% и другие представители христианских общин. Мусульманскую общину составляли сунниты (22,4%), шииты (19,6%), а также друзы (6%) [2].

Демографический состав населения страны за прошедшие годы сильно изменился. Согласно данным американской службы Central Intelligence Agency за 2019 г., в Ливане проживает 66,3% мусульман (30,6% сунниты, 30,5% шииты, 5,2% друзы) и 33,7% христиан [3].

Исторически отношения между различными конфессиями в Ливане складывались не просто. После краха Османской империи Франция, получив мандат Лиги Наций на управление землями географического Леванта, в 1920 г. объявила о создании Большого Ливана. Именно тогда в основу социально-политической организации общества лег принцип конфессионализма, предопределивший доминирование маронитской общины. В 1943 г., сразу после провозглашения формальной независимости главами ведущих общин был достигнут компромисс – Национальный пакт, предусматривавший основные принципы организации ливанского оющества [4. С. 105]. Согласно так называемому «Джентльменскому соглашению» христиане признавали независимость Ливана и отказывались от покровительства Франции в обмен на обещание мусульман не выступать более с идеей арабского единства и присоединения Ливана к Сирии.

Конфессионализм не утратил своей силы в ливанском обществе по сей день. Одной из ключевых составляющих этой системы стало распределение высших государственных должностей в стране по конфессиональному принципу: на пост президента может претендовать только христианин-маронит, пост премьер-министра отдан мусульманину-сунниту, спикером парламента может стать мусульманин-шиит, а министром обороны – представитель друзской общины.

Что касается законодательной ветви власти, то согласно избирательному закону 1960 г. на каждые 6 христиан в ливанском парламенте приходилось 5 мусульман. В каждом избирательном округе было закреплено определенное число кандидатов в соответствии с религиозной принадлежностью. Принцип конфессионализма не обошел стороной и судебную ветвь власти, где судопроизводство относительно личного статуса ливанцев ведется в религиозных судебных органах соответствующих общин [5. С. 62].

Постепенное изменение демографической ситуации в Ливане, а именно – рост численности мусульман привел к тому, что последние стали требовать перераспределения должностей в государственных структурах, что вызывало тревогу у лидеров христианских общин, особенно маронитов, стремившихся сохранить свои доминирующие позиции. Этноконфессиональные разногласия в ливанском обществе во многом способствовали возгоранию пламени гражданской войны, затянувшейся на долгие 14 лет (1975–1989 гг.). Следует отметить, что противоречия и разногласия существовали не только между последователями двух монотеистических религий – христианства и ислама, но и между сторонниками их течений (суннитами и шиитами), а также внутри самих этих течений (например, противостояние в шиитском лагере между движениями «Хизбалла» и «Амаль»).

Эскалации напряженности в стране накануне гражданской войны способствовали и внешние факторы, одним из которых стала миграция в Ливан палестинских беженцев. К началу 1980-х гг. в стране насчитывалось 400 тыс. палестинских беженцев, что составило более 11% населения страны [6. С. 383]. С территории Ливана они продолжали вести вооруженную борьбу

с Израилем, что в итоге привело к разрушению ливанской инфраструктуры и огромным экономическим потерям. Страна фактически разделилась на два лагеря – антипалестинский и пропалестинский. Христианские общины при поддержке Израиля стремились «вывести из игры» на ливанской территории Палестинское движение сопротивления (ПДС), а мусульмане увидели в «палестинской проблеме» удобную возможность в борьбе за власть в Ливане.

Страна погрузилась в длительное гражданское противостояние со значительным внешним участием. Система конфессионализма демонстрировала свою уязвимость. Стремление мусульманского населения получить больше рычагов власти в стране, с одной стороны, и попытки христианских верхов сохранить статус-кво стали его драйверами. В 1989 г. при посредничестве Саудовской Аравии, Алжира и Марокко в саудовском городе Ат-Таиф была подписана «Хартия национального примирения», известная как Таифские соглашения [7. С. 36]. В рамках этих соглашений предусматривалось равное представительство христиан и мусульман в парламенте, некоторое ограничение власти президента-маронита. В 1990 г. были внесены поправки в статьи ливанской Конституции о порядке формирования органов законодательной власти. Согласно этим поправкам достигалось равное представительство христиан и мусульман в парламенте и пропорциональное представительство от регионов. Было решено проводить выборы на общенациональной основе, что в итоге должно было привести к постепенному упразднению системы конфессионализма. Однако формально упраздненный конфессионализм де-факто существует по сей день, сея все новые и новые противоречия внутри ливанского общества [8. С. 110].

Стремление религиозных общин обладать решающим правом голоса в парламенте и отстаивать свои интересы в поликонфессиональном обществе привело к образованию многочисленных политических партий и организаций. Так, например, христиане-марониты представлены в таких партиях, как Национальный блок, Ливанская фалангистская партия «Катаиб», основателем которой являлся Пьер Жмайель, Ливанские силы, возглавляемые Самиром Джааджаа, и Свободное патриотическое движение (СПД) во главе с Джебраном Басилем. Среди партий «мусульманского блока» следует выделить шиитскую организацию «Хизбалла», идейным вдохновителем которой является Хасан Насралла, также шиитскую «Амаль» во главе с Набихом Берри, Прогрессивно-социалистическую партию (ПСП), созданную Камалем Джумблатом и представляющую интересы друзской части населения, а также партию суннитского толка «Аль-Мустакбаль», возглавляемую действующим премьер-министром Саадом Харири.

В 70-е гг. XX в. бедные крестьяне-шииты переселялись в южные пригороды Бейрута, образовав там так называемый «пояс бедности» [9. С. 74]. Они создали социальную организацию «Движение обездоленных» («Харакят аль-махрумин»), на основе которой впоследствии сформировалась партия «Амаль». Идеологические постулаты «Амаль» зиждились на необходимости реформирования политической системы и решении социальных проблем

шиитского меньшинства, что придавало партии светский характер. В силу разногласий внутри общины от «Амаль» откололся ряд группировок, которые впоследствии влились в проиранскую партию «Хизбалла», возникшую в 1982 г. и разделявшую антизападные и антиизраильские настроения [10. С. 50]. Будучи более радикальной военизированной шиитской группировкой, «Хизбалла» не признавала легитимность власти христианской общины в Ливане. Две шиитские партии до сих пор сохраняют достаточно прочные позиции в стране. Возникнув на волне отрицания существовавших в стране политических реалий, шиитские группировки избрали тактику борьбы – «против», не предлагая альтернативных путей решения межконфессиональных противоречий.

В последние годы наблюдается тенденция постепенного наращивания «Хизбаллой» своего присутствия во власти, что происходило не без поддержки Ирана и Сирии. Так, на парламентских выборах 2005 г. «Коалиция 14 марта», представленная преимущественно либерально-суннитской партией «Аль-Мустакбаль» во главе с Саадом Харири, получила 72 места из 128. Второй блок – «Коалиция 8 марта» – был представлен СПД, «Хизбаллой» и «Амаль», он завоевал 56 мест в ливанском парламенте. Результаты парламентских выборов 2009 г. кардинально не изменили баланс сил и принесли победу блоку Саада Харири (71 место), а коалиция Хасана Насраллы получила 57 мест.

Что касается выборов 2018 г., которые трижды откладывались под предлогом политической нестабильности, военного конфликта в соседней Сирии и наплыва сирийских беженцев в Ливан, то партия «Хизбалла» и ее союзники получили более половины мест в ливанском парламенте (67 из 128), в то время как поддерживаемая Саудовской Аравией и западными странами партия «Аль-Мустакбаль» потеряла треть своих мест – количество депутатских мандатов партии сократилось с 33 до 21 [11].

Упрочение позиций проиранской «Хизбаллы», безусловно, может способствовать усилению роли Тегерана в Восточном Средиземноморье, и в этом контексте создание «шиитской дуги» – линии военно-политического влияния Ирана от Ирака до Сирии и Ливана – неизбежно усилит его конфронтацию с Западом, Израилем и Саудовской Аравией.

Тем временем в Ливане суннитская партия во главе с премьер-министром Саадом Харири с каждым днем утрачивает свое былое влияние, так как правительство не справляется ни с политическими, ни с экономическими трудностями. К началу 2020 г. инфляция в Ливане достигла почти 60%, государственный долг Ливана – 170% ВВП, или \$90 млрд [12], что является одним из самых высоких показателей в мире. Более половины населения страны оказалось за чертой бедности. В результате этого недоверие суннитскому правительству и активная поддержка со стороны Ирана шиитского населения создает благоприятные условия для выдвижения на первый план партии «Хизбалла».

Как христианское СПД, так и шиитские «Хизбалла» и «Амаль», суннитская «Аль-Мустакбаль» и друзская ПСП выступают с критикой существующей

системы, настаивая на необходимости построения современного светского государства с равными правами для всех граждан, независимо от их вероисповедания [13. С. 18]. Однако конфессионализм, проникший буквально во все сферы жизни ливанцев, стал за многие годы неотъемлемой частью народного самосознания, а конфессиональная принадлежность продолжает доминировать и берет верх над общенациональной идентичностью, ослабляя горизонтальные общественные связи в ливанском обществе.

Сирия: конфессионально-политические вызовы в контексте региональной нестабильности

Еще одной страной Восточного Средиземноморья, которая в 2011 г. оказалась втянутой в гражданское противостояние, в том числе на межконфессиональной почве, и превратилась в эпицентр серьезного политического кризиса, который к тому же прошел стадию интернационализации, является Сирия. На внутривосточную ситуацию в стране воздействует фактор многослойности ее этноконфессиональной структуры. По данным ООН на 2011 г., т.е. на начало внутрисирийского конфликта, население САР составляло около 21 млн чел. Из них 71% – арабы, 8% – курды, а также здесь проживали туркоманы, армяне, черкесы, персы, турки. Самой большой по численности религиозной общиной в стране были сунниты (71%), затем шли шииты, алавиты и друзы, представлявшие конфессиональные меньшинства. К христианской общине принадлежали православные, армяно-григориане, греко-католики, марониты, халдеи, сиро-католики и др.

На 2020 г. арабы составляют большую часть населения страны, курды – 10%, национальные меньшинства – ассирийцы, туркоманы, армяне, черкесы. Что касается религиозного состава, то мусульманская община представляет большинство – 87%, из которых суннитов – 74%, алавитов, исмаилитов, шиитов – 13%, около 10% населения являются христианами, 3% – друзами [14]. Таким образом, большая часть населения принадлежит к суннитской ветви ислама, в то время как алавиты и друзы традиционно занимают ключевые позиции в армии и спецслужбах, что явилось одной из серьезных причин протестных выступлений в стране.

Основополагающими идеологическими принципами правящей партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения), основанной в 1947 г., выступали арабский национализм и социализм. Ее создание послужило своего рода альтернативой исламскому варианту консолидации арабского общества. Идеиные вдохновители партии БААС, среди которых был Мишель Афляк, выходец из православной семьи [15], не видели возможным объединение поликонфессионального сирийского общества на религиозной основе, поскольку тогда меньшинства в лице христиан, алавитов и друзов в значительной степени составляли сирийскую элиту. В этой связи компромиссным путем консолидации сирийского общества стало объединение на национальной основе, а не на конфессиональной, как это происходило в соседнем

Ливане. К сожалению, в дальнейшем обстановка в стране накалялась, поскольку представители суннитской общины были не только не довольны доминирующим положением алавитов, но и скептически относились к светской модели государственного устройства в Сирии.

В ходе антиправительственных выступлений 2011 г. лозунги демонстрантов о необходимости проведения реформ постепенно сменились требованиями об отставке правительства и уходе президента Башара Асада. Одной из его многочисленных уступок стала разработка новой Конституции 2012 г., которая провозгласила новые права и свободы граждан и изменения в государственной политике.

Представляет интерес то обстоятельство, что в Конституциях и 1973 г. [16], и 2012 г., принятых баасистским руководством, религия упоминается лишь раз, а именно в третьей статье: «Религией президента республики является ислам. Исламская юриспруденция должна быть основным источником законодательства. Государство должно уважать все религии и обеспечивать свободу выполнения всех ритуалов, не нарушающих общественный порядок. Статус религиозных общин должен защищаться и уважаться» [17]. Естественно, приверженцев «чистого ислама» такое положение дел не устраивало, что вызывало обострение суннито-алавитских отношений.

Вторая по численности неарабская этническая группа в САР – курды, которые, как и их соплеменники, проживающие в соседних странах, стремятся сохранить национальную идентичность посредством отделения от Сирии, Ирака, Турции и Ирана и образования собственного независимого государства. На протяжении многих лет курды подвергались различного рода притеснениям, в том числе арабизации, экономическим и социальным ограничениям. Наиболее болезненным вопросом для них долгое время оставалась проблема получения сирийского гражданства. Данный вопрос остро встал на повестке дня с 1962 г., когда в провинции Аль-Джазира, ныне Эль-Хасаке (пограничной с Турцией), был установлен особый ценз, лишивший гражданства около 120 тыс. курдов. Целью проведения такой политики, по официальной версии, было намерение выявить численность курдов, нелегально пересекающих границу. Де-факто такая политика имела целью установление полного контроля над северо-восточной частью страны, богатой энергоресурсами [18. С. 34]. Среди выдвигавшихся курдами требований было признание национальной идентичности, предоставление курдскому языку официального статуса и обеспечение равных прав и свобод. Не получив от сирийских властей желаемого, курды и по сей день встают на защиту своих интересов в зонах их компактного проживания и выступают за реализацию своих национальных чаяний.

До начала внутривосточного конфликта у сирийских христиан был достаточно высокий уровень жизни, хотя они и испытывали определенные ограничения в правах – низкое представительство в парламенте, отсутствие возможности занимать высшие руководящие должности в государстве. Во время политического кризиса они подверглись массовым гонениям и

жестокости со стороны исламистских группировок, в результате чего многим христианам пришлось эмигрировать в другие страны.

Действующий президент Сирии Башар Асад предпринимал меры по демократизации государственной системы и проведению политических и экономических реформ с целью недопущения расширения революционной волны. В 2011 г. он отменил чрезвычайное положение в стране, введенное еще в 1963 г., провозгласил многопартийность (хотя монополия на власть оставалась за БААС), принял закон о предоставлении национального гражданства курдам в северо-восточной провинции Эль-Хасаке. Однако, несмотря на предпринятые сирийским руководством шаги, противники режима отвергли курс на демократизацию и либерализацию общества и заняли конфронтационную позицию.

Появилась реальная угроза захвата власти исламистскими группировками. На юге и северо-западе страны наибольшую угрозу представляла террористическая группировка «Джабхат ан-Нусра», а на северо-востоке доминировало «Исламское государство» (запрещены в РФ). Сирийской армии с помощью ВКС Российской Федерации, Ирана и Хизбаллы удалось разгромить наиболее крупные группировки ИГ, вытеснить остатки вооруженной оппозиции и местных исламистов на северо-запад страны, в зону деэскалации Идлиб. Определенный вклад в борьбу с международным терроризмом внесли силы международной коалиции, а также курдские ополченцы.

На 2020 г. можно констатировать, что террористическая организация «Исламское государство» в основном разгромлена, хотя, как полагают эксперты, говорить о скором прекращении военного противостояния и переходе к мирной фазе урегулирования сирийского конфликта пока преждевременно [19. С. 69].

Заключение

Таким образом, очевидно, что вопрос об этнической и религиозной идентичности населения Ливана и Сирии стоит весьма остро. В Ливане вся социально-политическая структура общества пронизана духом конфессионализма. Его политическая элита оказалась неспособной выработать универсальную модель, под которую адаптировалось бы ливанское общество вне зависимости от этнической или конфессиональной принадлежности. А внешний фактор лишь усугубляет межобщинное разделение ливанского социума.

В Сирии доминирующая позиция религиозного меньшинства привела к радикализации суннитского населения, а демократизация политической жизни, провозглашенная сирийским руководством в процессе борьбы с оппозицией, так и не смогла удержать страну от братоубийственной войны, остро поставившей вопрос о самом существовании «восточной колыбели человеческой цивилизации». В современном взаимозависимом мире разделение общества по этнорелигиозному принципу, а тем более формирование на этой основе государственно-политического устройства представляется не только неэффективным, но и деструктивным. До тех пор, пока не будет выработана

единая надобщинная модель интеграции социума как в Сирии, так и в Ливане, острейший конфликтогенный потенциал будет сопровождать развитие этих восточносредиземноморских арабских стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Родионов М.А.* Этноконфессиональная ситуация в арабском мире: истоки и перспективы. СПб, 2016.
- [2] Central Administration for Statistics. Режим доступа: <http://www.cas.gov.lb/>. Дата обращения: 05.10.2020.
- [3] The World Factbook. Lebanon. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/le.html>. Дата обращения: 05.10.2020.
- [4] *Aboultaif E.W., Tabar P.* National versus Communal Memory in Lebanon // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2019. Vol. 25. No. 1.
- [5] *Иващенко А.С.* Роль конфессионального фактора в общественно-политической жизни Ливана (1943–1990 гг.) // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Выпуск 3 (163).
- [6] *Горбунова Н.М.* Перманентный кризис в Ливане: роль этноконфессионального фактора // *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. М., 2015.
- [7] *Савичева Е.М.* Ливанский кризис: гражданская война и ненадежный мир // *Вестник РУДН*. Серия: Международные отношения. 2008. № 2.
- [8] *Сарабьев А.В.* Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 12(4).
- [9] *Рассадин П.А.* Этноконфессиональные процессы и международные отношения на современном Арабском Востоке // *Вестник РГГУ*. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009.
- [10] *Беренкова Н.А.* Шиитские партии Ливана: общие и специфические черты // *ПОЛИТЭКС*. 2014. Том 10. № 10.
- [11] Лидер «Хезболлы» объявил о победе на выборах в парламент Ливана. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/07/05/2018/5af024639a794715402c984e>. Дата обращения: 07.10.2020.
- [12] Ливан объявил дефолт по евробондам из-за «сожравшей страну коррупции». Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2020/5e63d3459a7947cc5cd55594>. Дата обращения: 07.10.2020.
- [13] *Fakhoury T.* Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon’s Political Transition // *Nationalism and Ethnic Politics*, 2019, Vol. 25, No. 1.
- [14] The World Factbook. Lebanon. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sy.html>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [15] *Torrey G.H.* The Ba’th: Ideology and Practice // *Middle East Journal*. Т. 23. 1969. №. 4.
- [16] Конституция Сирийской Арабской Республики 1973 года (на арабском языке). Режим доступа: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ar/sy/sy011ar.pdf>. Дата обращения: 09.10.2020).
- [17] Конституция Сирийской Арабской Республики 2012 года (на арабском языке). Режим доступа: <http://www.jadaliyya.com/pages/index/4410/>. Дата обращения: 09.10.2020.
- [18] *Устинов Е.* Сирия: этноконфессиональный аспект кризиса // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 6.
- [19] *Иванов С.М.* Урегулирование сирийского конфликта – важный шаг на пути к региональной стабильности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Том 64. № 11.

REFERENCES

- [1] Rodionov MA. Etnokonfessional'naya situatsiya v arabskom mire: istoki i perspektivy [Ethno-confessional situation in the Arab world: origins and prospects]. SPb., 2016. (In Russ.).
- [2] Central Administration for Statistics. Available from: <http://www.cas.gov.lb/> [Accessed: 5 October 2020].
- [3] The World Factbook. Lebanon. Available from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/le.html> [Accessed: 5 October 2020].
- [4] Aboultaif EW, Tabar P. National versus Communal Memory in Lebanon. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2019; 25(1).
- [5] Ivashchenko AS. Rol' konfessional'nogo faktora v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Livana (1943–1990 gg.) [Role of the confessional factor in Lebanon's social and political life (1943–1990)]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2015; 3(163). (In Russ.).
- [6] Gorbunova NM. Permanentnyy krizis v Livane: rol' etnokonfessional'nogo faktora [Permanent crisis in Lebanon: the role of the ethno-confessional factor]. *Natsii i natsionalizm na musul'manskom Vostoke*. Moscow, 2015. (In Russ.).
- [7] Savicheva Ye. M. Livanskiy krizis: grazhdanskaya voyna i nenadezhnyy mir [Lebanese crisis: civil war and unreliable peace]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2008; (2). (In Russ.).
- [8] Sarab'yev AV. Livan: obyknovennaya «konsotsional'naya demokratiya» v regional'nom kontekste [Lebanon: an ordinary “consocial democracy” in a regional context]. *MGIMO Review of International Relations*. 2019; 12(4). (In Russ.).
- [9] Rassadin PA. Etnokonfessional'nyye protsessy i mezhdunarodnyye otnosheniya na sovremennom Arabskom Vostoke [Ethno-confessional processes and international relations in the modern Arab East]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2009. (In Russ.).
- [10] Berenkova NA. Shiitskiye partii Livana: obshchiye i spetsificheskiye cherty [Shiite parties of Lebanon: general and specific features]. *POLITEKS*. 2014; 10(10). (In Russ.).
- [11] Lider «Khezbolly» obyavil o pobede na vyborah v parlament Livana [The leader of Hezbollah announced victory in the elections to the Lebanese parliament]. Available from: <https://www.rbc.ru/politics/07/05/2018/5af024639a794715402c984e> [Accessed: 7 October 2020]. (In Russ.).
- [12] Livan obyavil defolt po yevrobondam iz-za «sozhravshhey stranu korruptsii» [Lebanon defaulted on Eurobonds due to «corruption that has devoured the country»]. Available from: <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2020/5e63d3459a7947cc5cd55594> [Accessed: 7 October 2020]. (In Russ.).
- [13] Fakhoury T. Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon's Political Transition. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2019; 25(1).
- [14] The World Factbook. Lebanon. Available from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sy.html> [Accessed: 8 October 2020].
- [15] Torrey G.H. The Ba'th: Ideology and Practice. *Middle East Journal*. 1969; 23(4).
- [16] Konstitutsiya Siriyskoy Arabskoy Respubliki 1973 goda [Constitution of the Syrian Arab Republic 1973]. Available from: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ar/sy/sy011ar.pdf> [Accessed: 9 October 2020]. (In Arab.).
- [17] Konstitutsiya Siriyskoy Arabskoy Respubliki 2012 goda [Constitution of the Syrian Arab Republic 2012]. Available from: <http://www.jadaliyya.com/pages/index/4410/> [Accessed: 9 October 2020]. (In Arab.).

- [18] Ustinov Ye. Siriya: etnokonfessional'nyy aspekt krizisa [Syria: the ethno-confessional aspect of the crisis]. *Asia and Africa today*. 2014; (6). (In Russ.).
- [19] Ivanov S.M. Uregulirovaniye siriyskogo konflikta – vazhnyy shag na puti k regional'noy stabil'nosti [The settlement of the Syrian conflict is an important step towards regional stability]. *World Economy and International Relations*. 2020; 64(11). (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Савичева Елена Михайловна – к.и.н., доцент кафедры Теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: savicheva@mail.ru.

Ахмедова Нигина Сухбатовна – студентка бакалавриата, кафедра теории и истории международных отношений, направление «Зарубежное регионоведение», Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: akhmedova.de@gmail.com.

Ганем Сомар Х. – аспирант кафедры Теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: somarghanem7@gmail.com.

Savicheva Elena – PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: savicheva@mail.ru.

Akhmedova Nigina – student of the Department of Theory and History of International Relations (Foreign Regional Studies), Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: akhmedova.de@gmail.com.

Ghanem Somar Hafez – postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: somarghanem7@gmail.com.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 29.10.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-49-55

Научная статья / Research article

Процесс становления кыргызской государственности в эпоху Чингис-хана и Тамерлана в трудах Аскара Акаева

Е.А. Бакина

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. Статья посвящена процессу формирования государственности киргизов в эпоху Чингисхана и Тамерлана, исследуемого в трудах А.А. Акаева. Подходу А.А. Акаева как исследователя свойственна скрупулезность анализа, теплота и бережное отношение к становлению киргизской нации. А.А. Акаев выделил период с XIII по XV века как неоднозначный, сложный, как время противостояния киргизов внешней экспансии, особенно тяжело переживаемой после времен Великодержавия IX в. Эпоха Чингизов в корне изменила жизнь народов Евразии, в том числе и киргизского этноса. Будучи временем трагической борьбы за независимость, эта эпоха в то же время усилила центростремительные тенденции государственности киргизов, завершившиеся формированием конкретных черт национального единства в 1508 году во времена Мухаммад-Кыргыза. Это и есть тот исторический вывод, к которому подводит читателя А. Акаев.

Ключевые слова: Ала-то, А. Акаев, Мухаммад-Кыргыз, «лесные львы Моголистана», Центральная Азия, Римская империя, Чингис-хан, Тамерлан

Для цитирования: Бакина Е.А. Процесс становления кыргызской государственности в эпоху Чингис-хана и Тамерлана в трудах Аскара Акаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 49–55. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-49-55

The process of formation of the Kyrgyz state in the era of Genghis Khan and Tamerlane in the works of Askar Akayev

E. Bakina

Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article is dedicated to the process of formation of the Kyrgyz statehood in the era of Genghis Khan and Tamerlane studied in the works of A.A. Akayev. A.A. Akayev's

© Бакина Е.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

approach as a researcher is characterized by scrupulous analysis, warmth and careful attitude to the formation of the Kyrgyz nation. A.A. Akaev identified the period from the XIII to the XV Century as ambiguous, complex, as the time of the Kyrgyz opposition to external expansion, especially hard to experience after the times Of the great power of the IX century. The Chingiz Era radically changed the life of the peoples of Eurasia, including the Kyrgyz ethnic group. Being a time of tragic struggle for independence, this era at the same time strengthened the centripetal tendencies of Kyrgyz statehood, which culminated in the formation of specific features of national unity in 1508 during the time of Muhammad-Kyrgyz. This is the historical conclusion that A. Akaev brings the reader to.

Keywords: Ala-to, A. Akaev, Muhammad-Kyrgyz, “forest lions of mogolistan”, Central Asia, Roman Empire, Genghis Khan, Tamerlane

For citation: Bakina E. The process of formation of the Kyrgyz state in the era of Genghis Khan and Tamerlane in the works of Askar Akayev. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(1):49–55. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-49-55

В начале 90-х г. прошлого столетия президент Кыргызстана Аскар Акаевич Акаев, отвечая на вопрос о выборе профессии, сказал: «Я историком хотел быть, военным. С третьего класса запоем читал про походы Суворова и Нахимова» [1. С. 9]. Но судьба распорядилась иначе, Акаев сначала стал ученым в сфере точных, естественно-математических наук, потом политиком, затем вновь вернулся в науку. Однако неподдельный интерес и страсть к изучению и познанию родной кыргызской отечественной истории он пронес сквозь годы, поднялся на ступень весьма значимых теоретических обобщений и выводов, достойных пера профессионального историка. Одной из наиболее значимых работ А. Акаева, посвященных процессу формирования кыргызской нации стала монография «Кыргызская государственность и народный эпос „Манас“», идея написания которой зародилась у автора еще в студенческие годы в Ленинграде. Во введении, в частности, автор подчеркивает: «Наш национальный эпос позволял осуществлять связь времен и преемственности поколений на основе изложенных в нем высоких моральных принципов и этических норм, которые в итоге вошла в кровь и плоть кыргызов» [2. С. 5].

В этой статье мы более подробно остановимся на процессе становления кыргызской государственности в XIII–XV веках. Это время кыргызской истории тесно связано и переплетено с эпохой Чингис-хана и Тамерлана.

А. Акаев тепло и бережно, в тоже время скрупулезно исследует истоки киргизской нации. Он отмечает: «Возможно, с древней кыргызской земли началось в первые века новой эры инициированное хуннами великое переселение народов, которое завершилось, в конечном счете, крушением Римской империи [2. С. 21]. Зарождение государственности происходило на священной земле Ала-Тоо в Центральной Азии. Именно на этой древней земле в конце XX века киргизы создали свое национальное государство. Это исконная земля, издревле принадлежавшая киргизам.

Заслуживает внимание замечание, сделанное Акаевым в связи с этим тезисом, в нем глубина анализа и умение видеть дальше фактов, поверх них. Он

подчеркивает, что объективно исконных земель в мировой истории не бывает, само понятие исконности является по сути дела внеисторическим. Навечно закрепленных территорий за каким-либо народом не существует [2. С. 31]. В современную эпоху, когда властвует норма международного права о территориальной целостности государств, тезис об исконности может запутать ситуацию и внести ненужную напряженность.

Акаев констатирует, что первое упоминание о государстве Кыргызстан содержится в 201 г. до н.э. в «Исторических записках» Сыма Цяня [3. С. 113; 4. С. 54].

Таким образом, китайские историки поставили на древнем кыргызском этносе метку, выписали метрику. И с этой метрикой кыргызы просуществовали десять веков до того времени, когда в Центральной Азии после их победы над уйгурами не возникла Великая кыргызская держава и начался период Великодержавия IX века, то затухая, то приобретая новый пассионарный толчок, как это и произошло в период с XIII по XV века и завершилось объединительным процессом под руководством Мухаммед-Кыргыза [2. С. 35].

В этнологии довольно много дискуссий об этнической природе кыргызов и о влиянии на формирование их этноса тюркского и монгольского векторов. И в самом деле, эпоха Чигис-хана и Тамерлана коренным образом изменила судьбу Евразии. Во времена Чингизидов произошла «монголизация» континента. Во многом успех монголов определялся не их военной тактикой, хотя и она, без сомнения, заслуживает самой высокой оценки, но и той юридической базой и политикой веротерпимости, которая была разработана и одобрена в «Великой книге Ясы» [5; 6]. Много было усовершенствовано и в системе государственного управления. В частности, была провозглашена система коммуникаций путем создания ямской службы, наложения податей и т.д.

Накануне нашествия монголов в Саяно-Алтае были два государственных образования кыргызов. Единого государственного образования на тот момент не существовало.

В Ала-Тоо в конце XI в. произошел распад Караханидской державы на Западный и Восточный каганаты [3. С. 103]. В XII в. Караханиды попали под власть киданей. Так было положено начало межэтническим кровавым конфликтам и столкновениям.

Монголоязычные кидани давили на тюркоязычные племенные образования, что способствовало усилению миграционных процессов.

Следующим этапом монголизации стала эпоха Чигис-хана. Как отмечает А. Акаев: «Меня же интересовал вопрос о влиянии монгольского нашествия на киргизскую землю. Исторических работ на эту тему было недостаточно» [2. С. 117]. Собственно исследование Акаева и было призвано восполнить эту историческую лауну.

Прежде всего, Акаев задается вслед за Л.Н. Гумилевым вопросом: «А было ли татаро-монгольское иго?» [2. С. 121]. В этом он в корне противоречит марксистской историографии, устоявшиеся подходы и оценки которой пронизывают советский период изучения этой проблемы.

А. Акаев разделяет точку зрения Л.Н. Гумилева, что в отношениях между монголами и покоренными народами не было подчинения, свойственного оккупационному режиму. Взаимодействие было построено на основе «симбиоза». Монголы были веротерпимы, налагаемая дань была также сильной для местного населения. А. Акаев отмечает, вслед за Н.И. Карамзиным, что ханская власть содействовала устранению, как на Руси, так и в Центральной Азии, политической раздробленности и созданию государства.

В 1206 г. на большом курултае Чингис-хан был объявлен правителем Монгольской империи [7. С. 208]. Пассионарная энергия монголов искала выход. Опыт предыдущих поколений указывал им путь на Запад. «Географически первыми на этом пути стали енисейские кыргызы. Они и приняли первый удар» [2. С. 210].

В 1207 г. старший сын Чингиса Джучи с войском вошел в земли Енисея и Алтая [2. С. 213]. Кыргызские правители, осознавая слабость своих позиций, приняли решение в войну не вступать. Их большие дары были благожелательно приняты в ставке Чингис-хана.

Этим шагом кыргызы добились того, что монгольский вызов был перенаправлен в адрес их врагов – найманов на Иртыше, которые и были разгромлены.

К 1219 г. – монголы взяли под контроль всю Среднюю Азию [7. С. 231]. Однако во взаимоотношениях кыргызов и монголов было немало трений и противоречий.

В 1293 г. монголы уничтожили в зародыше попытку кыргызов сформировать новое государственное объединение в Саяно-Алтае. Примечательно, что внуки Чингис-хана нередко занимали прямо противоположные позиции по ряду вопросов. Так, в 1293 году Хайду-хан направил на Енисей войска с целью защиты кыргызов от своего внучатого дяди Хубилая. «Понимая опасность возрождения могучей кыргызской государственности на Енисее, монголы предприняли насильственные меры по выселению (депортации) из Саяно-Алтая известных своей непокорностью кыргызов», – пишет А. Акаев. Некоторые были отправлены в Маньчжурию, другие в Шаньдунь. Значительная часть кыргызов приняла решение о переселении в Ала-Тоо, «исконную землю», тем самым иллюстрируя пословицу «не было бы счастья, да несчастье помогло». Таким образом, начался процесс воссоединения и консолидации кыргызского этноса.

При этом нельзя не отметить, что и монгольское нашествие на Саяно-Алтай и Тянь-Шань было одним из тяжелейших периодов в кыргызской истории [2. С. 220]. Кыргызы были вынуждены покидать эти ареалы расселения. К XVII веку там осталось лишь четыре небольших государственных образований.

Подводя итоги монгольского нашествия на кыргызские земли, А. Акаев резюмирует: «Добрых слов об этом времени у нашего народа нет. Но кыргызы выжили, выстояли..., сохранили неукротимую волю к созданию собственной государственности» [2. С. 224].

Эпоха Чингис-хана сменилась в Центральной Азии эпохой Тамерлана, вновь кыргызский этнос был брошен в плавильный котел завоеваний.

С 1391 по 1395 год Тамерлан, начав свое победное шествие из Самарканда, нанес поражение и разрушил столицу Золотой Орды – Сарай. Акаев делает весьма любопытный вывод. По его наблюдению, завоевательные походы Тамерлана дважды помогли Руси и Византии. Разгром Золотой Орды приблизил час освобождения Руси, а разгром османов султана Баядера отсрочило падение Константинополя.

Как известно, на земле Ала-Тоо к середине XIV века потомками монгольских завоеваний было создано новое государство – Моголистан [2. С. 231].

Его этническим ядром были кыргызские роды и племена, расселявшегося в Чуйской и Таласской, Ферганской долинах, в районе Иссык-Куля.

Основным внешнеполитическим конкурентом в это время для Моголистана был Мавераннахр, эмиры которого пытались оказывать немалое давление на моголистанских правителей.

В 1360–1367 гг. войска Моголистана смогли взять под свой контроль практически всю территорию Мавераннахра [2. С. 243]. Именно в это время и произошло возвышение в Мавераннахре талантливое эмира Тимура-Тамерлана.

В 1371 г. Тамерлан принял вызов и начал ответные действия против Моголистана [8. С. 134]. Его амбиции выходили далеко за пределы идеи о владычестве в Средней Азии. Одним из опустошительных походов Тамерлана стал поход в 1389 г. в земли Тянь-Шаня [8. С. 137]. Но кыргызы упорно боролись за свою землю. Власть Тамерлана распространялась лишь до Чуйской долины. А. Акаев с гордостью подчеркивает: «Своей воинственностью, стойкостью и храбростью кыргызы того времени заслуженно пользовались славой «лесных львов Моголистана» [2. С. 301].

В 1425 г. сын Тимура – Улугбек совершил бросок на Талас, но не смог закрепиться. Смерть Тамерлана привела к междоусобной борьбе за власть в стане его наследников, чем воспользовались внешние враги, которые лишь ждали часа для начала вторжения в Среднюю Азию.

К этому времени в Джунгарии значительно усилились и укрепились позиции калмыков (ойратов), обладавших 300 000 армией. И снова первыми на их пути оказались кыргызы.

На реке Или в 1470 г. произошло решающее сражение. Кыргызы потерпели поражение, однако подорвали силы ойратов, которые были вынуждены уйти в Джунгарию [3. С. 211].

Следует отметить, что А. Акаев ведет принципиальные отличия в воздействии на процесс кыргызской этнической интеграции эпох Чингис-хана и Тамерлана.

Эпоха монгольского завоевания во многом была нацелена на этническое разобщение, рассеивание кыргызов, тамерлановской и калмыцкий периоды,

напротив содействовали процессу становление единой киргизской нации. Он пишет: «Кыргызы в этот период проявили сплоченность перед лицом внешних угроз и твердую решимость защищать свою землю» [2. С. 313]. Проявлением роста национального самосознания кыргызов ... стало стремление взять в свои руки государственное управление, оттеснив от власти могольских правителей ... Именно с XV века территория Ала-Тоо стала приобретать устойчивое политико-государственное звучание как Кыргызстан [2. С. 315].

Идея национального единства обрела конкретные черты в 1508 году, когда правителям кыргызов был избран Мухаммед-Кыргыз [2. С. 324], вошедший в историю под именем Тагай-бия. Он считается родоначальником и первым верховным правителем кыргызов. Территория, находившаяся в его подчинении, была провозглашена «кыргызским улусом».

Основной задачей нового кыргызского правителя стало единение кыргызов и объединение правого и левого крыла кыргызских племен. Важнейшим внешнеполитическим шагом стало заключение союза с Казахским ханством. Правители Моголистана осознавали опасность, исходящую от нового объединения, и дважды осуществляли акты агрессии в адрес Кыргызского улуса, дважды брали в плен Мухаммед-Кыргыза. В Кашгаре в 1533 году после девятилетнего заключения он скончался, оставшись не сломленным и не покоренным духом. Подводя итоги почти трехсотлетнему периоду борьбы кыргызов с внешними вызовами, А. Акаев пишет: «Через нашу землю прошли хунны, тюрки и монголы, пытавшиеся подчинить кыргызов, «не выжила ни одна из этих гигантских держав... Но выжила кыргызская нация, несмотря на попытки подорвать ее национальный дух и неукротимое стремление к государственности» [2. С. 331].

Впереди кыргызов ждали новые вызовы, тревоги и испытания...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Койцев Т., Плоских В.* Аскар Акаев: ученый политик. Бишкек, 1996.
- [2] *Акаев А.* Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2004.
- [3] *Бартольда В.В.* Кыргызы Фрунзе, 1927.
- [4] *Бернштама А.* Кыргызы, СПб., 1893.
- [5] Чингизхан. Сокровенное сказание монголов Великая Яса. М., 2005.
- [6] *Кучер П.* Великая Яса Чингисхана. М., 2007.
- [7] *Груссе Р.* Чингисхан. М., 2003.
- [8] *Лэмб Г.* Тамерлан. Правитель и полководец. М., 2002.

REFERENCES

- [1] Koitsev T, Ploskikh V. Askar Akayev: a learned politician. Bishkek, 1996.
- [2] Akayev A. Kyrgyz statehood and the national epic “Manas”. Bishkek, 2004.
- [3] Bartholda VV. Kyrgyz Frunze, 1927.
- [4] Bernshtama A. Kyrgyz. St. Petersburg, 1893.

- [5] Genghis Khan. The secret legend of the Mongols Great YASA. М., 2005.
- [6] Kucher P. The Great YASA Of Genghis Khan. М., 2007.
- [7] Grousse R. Genghis Khan. М., 2003.
- [8] Lamb H. Tamerlane. Ruler and commander. М., 2002.

Информация об авторе / Information about the author

Бакина Елена Александровна – ассистент кафедры Всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: bakina_ea@pfur.ru.

Bakina Elena – assistant department of Worldhistory, Peoples Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: bakina_ea@pfur.ru.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 19.08.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-56-76

Научная статья / Research article

Гуманитарный аспект стратегического партнерства Вьетнама и России

Т.И. Понька, А.С. Юнющкина, И.Р. Дубровский

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. Статья посвящена гуманитарному аспекту стратегического партнерства Вьетнама и России в 1991–2019 гг. В настоящее время Россию и Вьетнам объединяет стремление к структуризации региональной подсистемы путем совместного участия в экономической интеграции и укреплении системы безопасности в АТР. В связи с этим все большую актуальность приобретает вопрос, как Россия и Вьетнам выстраивают двусторонние отношения, характеризующиеся как «всеобъемлющее стратегическое партнерство». Наиболее интересен гуманитарный аспект отношений, так как в современных реалиях глобализации, помимо военных и экономических аспектов двустороннего взаимодействия государств, претендующих на значимую роль в системе международных отношений, именно гуманитарные императивы приобретают особую значимость. Популяризируя в стране-партнере свою национальную культуру, развивая двусторонние связи в области образования, науки, информации, спорта и туризма, страны укрепляют двусторонние отношения, что позволяет им более уверенно согласовывать свои действия и реализовывать национальные интересы на глобальном и региональном уровнях. Целью статьи является выявление тенденций российско-вьетнамских гуманитарных отношений в 1991–2019 гг. Для достижения поставленной цели был проведен анализ нормативно-правовой базы гуманитарных отношений России и Вьетнама, а также изучено содержание гуманитарных отношений двух стран в области образования, культуры и гуманитарных контактов. Авторы рассмотрели значение изучаемого сегмента двусторонних отношений в национальном политическом и экспертно-аналитическом дискурсах России и Вьетнама. В статье отмечается наличие исторического и организационного потенциала, необходимого для имплементации в российско-вьетнамский гуманитарный диалог. Авторы приходят к выводу, что гуманитарный аспект играет важную роль, поскольку является неотъемлемой частью двусторонних отношений и перспективной составляющей реализации национальных интересов.

Ключевые слова: гуманитарные отношения; стратегическое партнерство; двусторонние отношения России и Вьетнама; образовательное сотрудничество; культурные обмены; культурно-художественные мероприятия; туризм

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-514-92001 ВАОН «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

Для цитирования: Понька Т.И., Юньюшкина А.С., Дубровский И.П. Гуманитарный аспект стратегического партнерства Вьетнама и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 56–76. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-56-76

The humanitarian aspect of the strategic partnership between Vietnam and Russia

T. Ponka, A. Yuniushkina, I. Dubrovsky

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The Article is devoted to the humanitarian cooperation between Russia and Vietnam in 1991–2019. Currently, Russia and Vietnam are united by the desire to structure the regional subsystem through joint participation in economic integration and strengthening the security system in the Asia-Pacific region. In this regard, the question of how Russia and Vietnam build bilateral relations, characterized as a “comprehensive strategic partnership”, is becoming more and more relevant. The most interesting is the humanitarian aspect of relations, since in the modern realities of globalization, in addition to the military and economic aspects of bilateral interaction between States that claim a significant role in the system of international relations, it is humanitarian imperatives that acquire special significance. By promoting their national culture in the partner country and developing bilateral ties in the fields of education, science, information, sports and tourism, the countries strengthen their bilateral relations, which allows them to coordinate their actions more confidently and realize their national interests at the global and regional levels. The purpose of the article is to identify trends in Russian-Vietnamese humanitarian relations in 1991–2019. To achieve this goal, an analysis of the legal framework of humanitarian relations between Russia and Vietnam was conducted, as well as the content of humanitarian relations between the two countries in the field of education, culture and humanitarian contacts. The authors considered the significance of the studied segment of bilateral relations in the national political and expert-analytical discourses of Russia and Vietnam. The article notes the existence of historical and organizational potential necessary for implementation in the Russian-Vietnamese humanitarian dialogue. The authors conclude that the humanitarian aspect plays an important role, since it is an integral part of bilateral relations and a promising component of the implementation of national interests.

Key words: humanitarian relations; strategic partnership; bilateral relations between Russia and Vietnam; educational cooperation; cultural exchanges; cultural and artistic events; tourism

Funding information: The article was prepared with the support of the RFBR grant no. 20-514-92001 of VASS «Russian-Vietnamese cooperation in the context of the current geopolitical situation in East Asia».

For citation: Ponka T., Yuniushkina A., Dubrovskiy I. The humanitarian aspect of the strategic partnership between Vietnam and Russia. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(1):56–76. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-56-76

В современных реалиях изменяющейся под воздействием процессов глобализации международной архитектоники, помимо военных и экономических

аспектов двустороннего взаимодействия государств, претендующих на значимую роль в системе международных отношений, особую значимость приобретает гуманитарный аспект. Направленный на достижение национальных интересов посредством поддержания крепких связей между двумя народами, этот аспект характеризуется всеобъемлющим наполнением и включает в себя межгосударственную кооперацию по вопросам культуры, образования, науки, информации, спорта и туризма. Очерченный потенциал данного инструмента российско-вьетнамского взаимодействия актуализирует изучение его применения в двусторонних отношениях государств.

Объектом исследования выступает гуманитарный аспект российско-вьетнамских отношений. Предметом исследования является содержание, механизмы, форматы современных российско-вьетнамских гуманитарных связей, которые в своей совокупности способствуют укреплению межгосударственных отношений.

Основная цель данного исследования заключается в выявлении роли российско-вьетнамского гуманитарного взаимодействия 1991–2019-х гг. в укреплении отношений стратегического партнерства двух стран. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: проанализировать нормативно-правовую базу гуманитарных отношений России и Вьетнама; изучить содержание гуманитарных отношений двух стран в области образования, культуры и гуманитарных контактов.

Основу методологии исследования составляет системный подход, в рамках которого гуманитарное сотрудничество России и Вьетнама рассматривается как система взаимосвязанных направлений, определяющих степень реализации взаимных интересов. В исследовании использован метод сравнительного анализа для соотношения уровня правовой обеспеченности двусторонних гуманитарных отношений, а также логический концептуальный анализ, выявляющий целостную картину российско-вьетнамских гуманитарных отношений в 1991–2019 гг.

От «обвала» в отношениях к «стратегическому партнерству»

В 1991 г. произошел распад Советского Союза, что повлекло за собой «обвал» в российско-вьетнамских отношениях. Двум государствам приходилось приспосабливаться к новой ситуации в мире, которая требовала возобновления сотрудничества с прежними партнерами [1].

Летом 1994 г. премьер-министр Вьетнама Во Ван Кьет совершил официальный визит в Россию, во время которого был подписан Договор об основах дружественных отношений между двумя странами, который положил начало новому этапу отношений между Россией и Вьетнамом [2]. Летом 1998 г. президент Вьетнама Чан Дык Луонг совершил официальный визит в Россию для того, чтобы подписать Совместное российско-вьетнамское заявление, в котором были определены основные направления взаимодействия на перспективу. Во время официальной встречи с Чан Дык Луонгом президент

России Б.Н. Ельцин впервые заявил о том, что Вьетнам для России является важным стратегическим партнером в Юго-Восточной Азии, тем самым обозначив приоритетность для России Вьетнама в Азиатско-Тихоокеанском регионе [3]. Обе стороны провозгласили, что будут проводить регулярные встречи на различных уровнях, включая высший, для совершения обмена мнениями по самым важным вопросам в российско-вьетнамских отношениях, а также по проблематике на международной арене.

После прихода к власти В.В. Путина в 2000 г. восточный вектор внешней политики России стал приобретать динамику, а отношения с Вьетнамом переходить на более высокий уровень. Одним из важнейших событий в новой истории вьетнамо-российских отношений стал первый официальный визит во Вьетнам президента России В.В. Путина в 2001 году. В ходе визита стороны подписали Совместную декларацию об отношениях стратегического партнерства между Вьетнамом и Россией [4], в которой были определены направления развития отношений между двумя странами в новых международных условиях начала XXI века. В марте 2002 г. Ханой с официальным визитом посетил Председатель Правительства РФ М.М. Касьянов. Во время встречи с Премьер-министром Правительства СРВ Фан Ван Кхаем, Генеральным секретарем ЦК КПВ Нонг Дык Манем и Президентом СРВ Чан Дык Лыонгом была обсуждена реализация договоренностей, достигнутых в ходе визита В.В. Путина. Подписан ряд межправительственных и межведомственных соглашений. В октябре 2002 г. Москву с официальным визитом посетил Генеральный секретарь ЦК КПВ Нонг Дык Мань. Состоялись переговоры с Президентом России В.В. Путиным, встречи с Председателем Правительства М.М. Касьяновым, спикерами Госдумы и Совета Федерации Федерального Собрания, мэром Москвы Ю.М. Лужковым.

Регулярно осуществлялись контакты глав министерств и ведомств. В ходе обмена визитами глав внешнеполитических ведомств (в феврале 2000 г. Ханой посетил министр иностранных дел России И.С. Иванов, а в июне 2001 г. в Москве побывал его коллега Нгуен Зи Ниен), а также их неоднократных встреч на многосторонних форумах подтверждена близость позиций России и Вьетнама по ключевым международным вопросам. Очередная встреча между И.С. Ивановым и Нгуен Зи Ниеном состоялась в октябре 2002 г. в ходе визита в Россию Генерального секретаря ЦК КПВ Нонг Дык Маня [5].

В рассматриваемый период на высоком уровне поддерживались политические отношения. В июле 2012 г. состоялся очередной официальный визит в Россию президента Вьетнама Чыонг Тан Шанга. В ходе визита российский и вьетнамский лидеры констатировали, что за десять лет после подписания Совместной декларации об отношениях стратегического партнерства между Вьетнамом и Россией двусторонние отношения поднялись на качественно новый, более высокий уровень. В результате было подписано Совместное заявление о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Вьетнамом и Россией [6]. Подписанные договоренности стали прочной нормативно-правовой базой российско-вьетнамских отношений в самых

различных сферах, полностью соответствующей статусу всеобъемлющего стратегического партнерства. Россия, являющаяся глобальным игроком, и Вьетнам, региональный лидер Юго-Восточной Азии, заложили прочную правовую базу для совместных действий глобального и регионального уровня во имя развития плодотворного сотрудничества и успешного разрешения общих международных проблем и вызовов.

С 2017 г. Вьетнам посетили президент России В. В. Путин, председатель правительства Д. А. Медведев, а также секретарь Совета Безопасности и руководители ключевых министерств и ведомств. В свою очередь, в сентябре 2018 г. состоялся визит в Москву Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга, в мае 2019 г. – премьер-министра Вьетнама Нгуен Суан Фука, а в декабре – Председателя Национального собрания Нгуен Тхи Ким Нган.

Развивались межпарламентские связи. В 1997 г. Вьетнам с официальным визитом посетил Председатель Госдумы Г. Н. Селезнев. В январе 2003 г. состоялся официальный визит в Россию Председателя Национального Собрания СРВ Нгуен Ван Ана. В октябре 2017 г. председатель Национального собрания Вьетнама Нгуен Тхи Ким Нган приняла участие в 137-й Ассамблее Межпарламентского союза в Санкт-Петербурге [7]. Делегации Госдумы и Совета Федерации во главе с В. И. Матвиенко и В. В. Володиным в январе 2018 г. участвовали в сессии Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума в столице Вьетнама Ханое. Во время всех эти встреч стороны обменивались мнениями по актуальным проблемам двусторонних отношений, подписывались документы по интенсификации стратегического партнерства.

Что касается экономических отношений, то, в отличие от политических, они находились на более низком уровне, объемы торговли и инвестиций продолжали оставаться неудовлетворительными по многим причинам, одной из которых стала явно проамериканская ориентация Вьетнама.

Российско-вьетнамские связи в области образования

В отличие от экономического гуманитарный аспект российско-вьетнамских отношений развивался гораздо успешнее. Важное место в двусторонних отношениях занимали связи в области образования и науки. Международная конкуренция в области образования в условиях глобализации значительно возросла, и вьетнамцы, с учетом рыночных реформ в своей стране, своим детям стремились дать европейское или американское образование. Осознавая это, российская сторона стала прилагать усилия для адаптации сотрудничества с Вьетнамом в области образования к новым тенденциям в сфере международных образовательных услуг.

В целях привлечения вьетнамских студентов на обучение в Россию 28 октября 1993 г. между Правительством РФ и Правительством СРВ было подписано Соглашение о культурном и научном сотрудничестве учебных заведений, организации международных книжных выставок, развитии кинематографа и художественной литературы [8], что положило начало

формированию нормативно-правовой базы для развития связей в образовательном и культурно-гуманитарном секторе стратегического партнерства.

9 июля 2002 г. между Правительством РФ и Правительством СРВ было подписано Соглашение об обучении вьетнамских граждан в образовательных учреждениях высшего профессионального образования РФ, после которого было увеличено количество мест для вьетнамских студентов по техническим специальностям в российских вузах [9]. Понимая, что в Россию едут учиться дети из не очень обеспеченных вьетнамских семей, Соглашением предусматривалось выделение денежных средств на обучение студентов, на оплату переезда и проживания, гарантировалось медицинское обслуживание и выплата стипендии.

Дополнительным стимулом к упрочнению межгосударственных связей в области образования стало подписание 24 июня 2005 г. Соглашения между Министерством образования и науки РФ и Министерством образования и подготовки кадров СРВ о сотрудничестве в области образования [10]. Благодаря подписанному Соглашению стала реализовываться более широкая программа по подготовке специалистов, повышению квалификации кадров, началась разработка совместных программ по обмену студентов в целях повышения заинтересованности вьетнамских граждан в изучении русского языка.

25 ноября 2014 г. правительства обеих стран подписали Соглашение о стратегическом партнерстве в области образования, науки и технологий, которое регулировало отдельные направления для обучения, такие как биотехнология, космические технологии, рациональное природопользование, машиностроение и судостроение [11]. В соответствии с подписанным Соглашением создавались российско-вьетнамские совместные исследовательские группы, проводились лабораторные работы международного уровня, организовывались олимпиады для школьников и студентов на различном уровне.

В результате предпринятых усилий вьетнамская молодежь получила возможность приезжать в Россию на учебу по межправительственным соглашениям, по различным образовательным программам, за счет финансирования правительством Вьетнама программ по подготовке высококвалифицированных кадров за рубежом, по межвузовским соглашениям, по квотам, которые каждый год выделяется правительством России неправительственным организациям, на коммерческой основе. Среди направлений, по которым будут получать специальности вьетнамские граждане, наиболее востребованные в настоящее время – международные отношения, финансово-банковская сфера, энергетика, сельское хозяйство, информационно-коммуникационные технологии. Программы обучения, предлагаемые на выбор, включают получение высшего образования, обучение в магистратуре, аспирантуре и прохождение профессиональной стажировки в лучших учебных заведениях России.

Следует отметить, что среди зарубежных партнеров России в области образования Вьетнам находится в числе лидеров по количеству граждан, направляемых на обучение в Россию. Так, на 2019–2020 учебный год Россия выделила Вьетнаму 965 льготных государственных образовательных квот, в

ближайшем будущем намечено увеличить квоту для Вьетнама до 1000 чел. [12]. Вьетнамским студентам предоставляется бесплатное обучение по выбранной специальности на весь период получения образования, ежемесячная стипендия и проживание в общежитии.

Подписанные соглашения и предпринятые государственными структурами, занимающимися вопросами образования, меры свидетельствуют о том, что Россия придает особое значение подготовке в своих лучших вузах граждан Вьетнама, надеясь, что многие из них станут высокообразованными с широким кругозором специалистами и, сохраняя теплые чувства по отношению к нашей стране, будут активно способствовать реализации российско-вьетнамских проектов в интересах укрепления всеобъемлющего стратегического партнерства двух стран в новых сложных международных условиях.

С точки зрения развития и укрепления двусторонних отношений стратегического партнерства очень важно изучение языков страны-партнера. В советский период во Вьетнаме были сильны позиции русского языка. Язык «льенсо» (так называли во Вьетнаме советских специалистов), по статистике, изучали 90% всех вьетнамцев. К 2000 г., вследствие сокращения двусторонних связей в 1990-е гг., развития рыночных отношений во Вьетнаме и устремленности вьетнамской молодежи на Запад и по другим причинам, во Вьетнаме существенно сократилось распространение русского языка. К концу 1990-х гг. преподавание русского языка в школах прекратилось вовсе. Основное внимание стало уделяться английскому и французскому языкам, полагая, что так легче будет найти работу, как в самом Вьетнаме, так и на Западе.

Анализ причин падения интереса к русскому языку показывает, что другие страны, такие как США, Франция, Австралия в условиях ускорения глобализационных процессов в мире стали более активно продвигать в международное образовательное поле изучение своих языков. Они наладили рекламу своих лучших высших учебных заведений, создали многочисленные доступные курсы для изучения своих языков, разработали и издали многочисленную методическую литературу по изучению языков, разработали систему грантов для иностранных учащихся. Подобная работа еще предстоит российской стороне.

Сначала 2010-х гг. ситуация с изучением русского языка во Вьетнаме стала меняться в лучшую сторону. Одной из причин повышения интереса к русскому языку стало то, что Вьетнам стал пользоваться большой популярностью у российских туристов. С 2010 по 2020 гг. количество туристов, приезжающих из России, значительно выросло. Во Вьетнаме возник дефицит работников со знанием русского языка, особенно, в туристических городах. Спрос на русскоговорящих работников, прежде всего гидов и переводчиков, резко возрос. Если в 2015 г. во Вьетнаме было 10 школ с преподаванием русского языка, в которых русский язык изучали 1200 учеников, а в 2016 г. 42 ВУЗах – уже 5600 человек (среди них 1800 студентов-филологов) [13. С. 19], то к 2020 г. русским языком занимались уже 11 тыс. детей – в специальных школах с углубленными программами.

В свою очередь, в России растет интерес к Вьетнаму, вьетнамскому языку, вьетнамской культуре. Вьетнамский язык изучают студенты Института стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ), Московского государственного института международных отношений (МГИМО), Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) в Москве, в Санкт-Петербургском государственном университете, во Владивостокском государственном университете. Кроме того, российские студенты изучают вьетнамский язык и литературу Вьетнама в высших учебных заведениях Ханоя и Хошимина [14]. В результате растет число российских специалистов, знающих вьетнамский язык, вьетнамскую культуру и традиции, испытывающих теплые чувства к недавнему союзнику, с которым преодолено столько трудностей и одержано столько побед. В настоящее время школа российских вьетнамоведов не так уж и многочисленна. Россия остро нуждается в специалистах-востоковедах, в том числе и вьетнамоведах, по государству, которое занимает лидирующие позиции в Юго-Восточной Азии, где у России есть свои геополитические интересы.

Многие учебные заведения Вьетнама и Российской Федерации стремятся развивать сотрудничество в целях активизации обмена опытом в области преподавания, научных исследований, а также расширения обмена студентами.

Большую роль в развитии связей в области образования играет Россотрудничество через своего представителя в Ханое – Центр российской науки и культуры, открытый в 2003 году. Стоит отметить, что каждый год Россотрудничество разрабатывает проекты, которые направлены на рекламирование российского образования, на дальнейшее развитие международного научного сотрудничества между двумя странами, а также на углубление взаимодействия между выпускниками российских и вьетнамских ВУЗов. Значимым проектом, который выполняется представительством Россотрудничества во Вьетнаме с 2014 г., является долгосрочный проект «ВУЗы России», направленный на распространение информации о ВУЗах России, а также российского образования во Вьетнаме. За эти годы с помощью данного проекта в стране проделана огромная работа по популяризации российского высшего образования и разъяснению местным жителям условий для зачисления в ВУЗы [15]. За время действия этого проекта во Вьетнаме заметно расширилась география участников образовательной программы, которая все больше включает в себя и провинциальные ведущие ВУЗы России.

Стала развиваться такая форма привлечения вьетнамской молодежи на обучение в РФ, как олимпиады. В ноябре 2017 г. при непосредственной поддержке со стороны Российского центра науки и культуры в Ханое Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) стал организатором олимпиады, в результате которой победители имели возможность поступить в НИУ ВШЭ. С тех пор олимпиады проводятся регулярно и набирают все большую популярность.

Ведущие ВУЗы России принимают активное участие в международных выставках образования, так, например, весной 2017 г. НИУ ВШЭ принял участие в выставке «ВМІ Global Education Fair», которая проходила в Ханое [16. С. 245]. Благодаря информационной политике как в России, так и во Вьетнаме проводятся такие мероприятия, как «Неделя русского языка во Вьетнаме», «Дни культуры России во Вьетнаме», «Неделя русского кино во Вьетнаме», «Дни русского языка и культуры России во Вьетнаме», «Дни культуры Вьетнама в России». Как считает Лыу Тхи Ха – заведующая кафедрой развития речи Ханойского государственного университета, такая политика позволяет гражданам двух стран лучше познать традиции и погрузить в культуру двух стран [17. С. 4].

Важной в сотрудничестве двух стран в области образования является совместная подготовка вьетнамских специалистов в сфере ядерной энергетики. В рамках проекта по строительству АЭС «Ниньтхуан-1» во Вьетнаме Министерство образования и науки России совместно каждый год предоставляет большое количество государственных стипендий, что дает возможность гражданам Вьетнама обучаться по атомным специальностям при поддержке выделяемых средств из федерального бюджета России. Осенью 2015 г. правительством России был разработан план краткосрочных и долгосрочных курсов по подготовке специалистов по таким направлениям, как управление, инженерия и безопасность. Но уже в 2016 г. правительство Вьетнама отказалось от строительства инфраструктуры атомной энергетики, исходя из экономических соображений. В итоге возникла потребность в переподготовке студентов из Вьетнама, которые проходили обучение на факультетах по ядерной энергетике. Данное явление было обусловлено тем, что обучение иностранных специалистов по ядерным специальностям приводит к непосредственной привязке на трудоустройство к конкретным объектам АЭС, поэтому, при смене профессиональной деятельности возникает проблема, касающаяся трудоустройства граждан из Вьетнама. В результате предпринимаемых Министерством образования и науки РФ, Россотрудничества, Российского центра науки и культуры в Ханое в 2020 г. уже более 5 тыс. вьетнамских студентов и аспирантов обучаются в ведущих престижных учебных заведениях Российской Федерации [18].

За всю историю отношений двух стран ВУЗы СССР, а затем России, выпустили более 60 тыс. специалистов из Вьетнама, в том числе более 2 тыс. кандидатов наук и более 200 докторов наук [19. С. 24]. Они объединены в «Винакорвуз» – Вьетнамскую ассоциацию выпускников ВУЗов СССР. СССР дал им профессиональные знания, умения, навыки, что позволило им стать элитой вьетнамского общества. Большинство из них сохраняет благодарную память о стране, которая дала им путевку в большую жизнь, и является мощным ресурсом в развитии отношений стратегического партнерства России и Вьетнама.

В рассматриваемый период сохранялись и развивались связи в области науки. Наиболее важными партнерскими организациями в области науки и высшего образования с вьетнамской стороны являются Вьетнамская

академия наук и технологий (ВАНТ), Вьетнамская академия общественных наук (ВАОН), Геологический институт ВАНТ, Государственный технический университет им. Ле Куй Дона, Ханойский институт горной науки и технологии, Вьетнамский государственный университет, Ханойский горно-геологический институт, Ханойский институт океанологии Вьетнама, Ханойский государственный университет внешней торговли и многие другие.

Ученые двух стран реализуют проект строительства во Вьетнаме Центра ядерной науки и технологий, финансируемого правительством России, и в то же время продолжают сотрудничать в строительстве новых и модернизации существующих энергетических объектов. Совместная работа в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне характеризуется активной динамикой в рамках открытия первого в мире производства по сверхтяжелым элементам.

Уникальной является совместная научная деятельность российских и вьетнамских ученых в рамках Совместного российско-вьетнамского Тропического научно-исследовательского и технологического центра, открытого советскими специалистами в 1988 г. во Вьетнаме. Ученые двух стран принимают участие в разработке проектов по развитию атомной энергетики, военно-техническому сотрудничеству, борьбе с опасными заболеваниями. Одним из важнейших направлений деятельности Центра является испытание российской военной и инженерной техники на тропикостойкость. Российское оружие и техника создаются в условиях холодного климата, а продаются, значительной частью, в страны с жарким и тропическим климатом, вследствие чего российская продукция военного назначения нуждаются в «доводке», т. е. в своеобразной адаптации к жарким условиям тропиков, чем и занимаются ученые Центра.

Гуманитарные связи

В стратегическом партнерстве двух стран важную роль играют гуманитарные аспекты взаимодействия. В условиях, когда экономические отношения не столь тесно связывают страны, гуманитарные контакты остаются своеобразным «мостом», соединяющих два народа. Несмотря на различные менталитеты, культурные традиции, общее советское прошлое объединяет десятки тысяч людей в обеих странах. Во Вьетнаме продолжают трудиться выпускники советских и российских ВУЗов, они с теплотой относятся к России, их волнуют происходящие в России события, и они принимают активное участие в проведении совместных дружественных мероприятий, посвященных главным российским праздникам, таким как День Победы над фашизмом 9 мая; День Октябрьской революции – 7 ноября и многим другим. В свою очередь, в СССР с теплотой и любовью относились к героической борьбе вьетнамского народа против американских агрессоров в годы Вьетнамской войны, имя руководителя социалистического Вьетнама Хо Ши Мина хорошо было известно в СССР. Его имя носят российские улицы, площади, кинотеатры.

Памятники Хо Ши Мину установлены в трех городах: Москве (открыт к 100-летию со дня рождения Хо Ши Мина, 19 мая 1990 года); г. Ульяновске (2017 г.), Владивостоке (июль 2019 г.). Открытие памятника Хо Ши Мину молодого владивостокского скульптора П. Чегодаева во Владивостоке было приурочено к 25-й годовщине подписания Договора об основах дружественных отношений между Россией и Вьетнамом.

Большую роль в развитии гуманитарных и культурных контактов между двумя народами играют Общество российско-вьетнамской дружбы, созданное в 1958 г. и Общество вьетнамо-российской дружбы, созданное в 1950 г. К 70-летию установления дипломатических отношений в 2020 г. Общества дружбы были награждены вьетнамским руководством Орденами Труда Вьетнама за постоянную и успешную работу в рамках народной дипломатии по всем направлениям.

Одним из значимых мероприятий к юбилею установления дипломатических отношений стало проведение Обществом российско-вьетнамской дружбы в октябре 2020 г. Международной научно-практической конференции «Роль народной дипломатии в развитии российско-вьетнамских отношений», проведение которой было поддержано Президентским грантом. В конференции приняли участие представители государственных ведомств и учреждений, общественных организаций. С целью активизации стратегического партнерства общественные деятели и ученые двух стран обсудили следующие темы: «Возможности народной дипломатии в укреплении международного сотрудничества на примере развития российско-вьетнамских отношений», «Обобщение опыта взаимодействия общественных организаций России и Вьетнама», «Идеологические и стратегические задачи народной дипломатии в современных условиях». Конференция транслировалась онлайн, и в ней приняли участие все желающие.

Активно сотрудничали ученые Вьетнамской академии общественных наук (ВАОН) и Российского университета дружбы народов (РУДН). В частности, при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в течение нескольких лет ученые двух стран разрабатывали проблемы темы «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии», с целью выработки рекомендаций по наиболее перспективным направлениям сотрудничества.

Развиваются молодежные обмены. С 2018 г. Федеральное агентство по делам молодежи и Союз коммунистической молодежи Хо Ши Мина организовали три молодежных форума.

Все большую популярность в двустороннем взаимодействии приобретает туризм. Вьетнам привлекает туристов из разных стран развитым рынком туристических услуг, теплым климатом, прекрасными пляжами. К тому же во Вьетнаме традиционно дружелюбное отношение к россиянам, одной из причин которого является щедрость российских туристов. Турист из России, как правило, во Вьетнаме оставляет намного больше денег, чем туристы из других стран. С 1 января 2009 г. Вьетнам для граждан России открыл безвизовый

режим на срок 15 суток. По данным Росстата, в 2010 г. во Вьетнам приехало более 40 тыс. россиян. С каждым годом все больше россиян посещали Вьетнам, и вскоре возникла необходимость государственного регулирования этого направления взаимодействия. На 2013–2015 гг. был разработан план сотрудничества в области туризма между Россией и Вьетнамом, который был утвержден в 2013 г. в Москве Федеральным агентством по туризму (Ростуризм) и Министерством культуры, спорта и туризма Вьетнама. Стороны обязывались регулярно обмениваться актуальной информацией о состоянии и развитии туристической отрасли, предоставлялась статистическая информация в области туризма, а также проводилась проверка безопасности граждан, которые находились в поездках с туристическими целями на территории Российской Федерации или Вьетнама [20. С. 78–80]. Число российских туристов во Вьетнаме выросло с 340 тыс. посетителей в 2015 г. до более чем 600 тыс. в 2018-м и почти до 650 тыс. в 2019 году. Объясняется это простой статистикой: граждане России на себе не экономят и тратят во время отпуска в этой стране в среднем на 40% больше денег, нежели прочие гости из-за рубежа. Российские путешественники оставляют во Вьетнаме не менее \$1,6 тыс. за одну поездку, тогда как среднестатистический иностранец – всего \$900 [21].

Россия также становится все более привлекательным туристическим направлением у вьетнамцев. В 2018 г. в России с целью туризма побывало порядка 54 тыс. гостей из СРВ [22]. Популяризации этого направления сотрудничества призван способствовать открывшийся в Ханое в апреле 2016 г. туристический офис «Посети Россию». Благодаря сотрудничеству в сфере туризма у жителей обеих стран появляется больше возможностей для того, чтобы лучше понять культуру и обычаи друг друга.

Важной составляющей всеобъемлющего стратегического партнерства явились межрегиональные связи. Городами-побратимами являются Москва и Ханой, Санкт-Петербург и Хошимин. Активны на вьетнамском направлении Республики Татарстан и Башкортостан, Приморский край, Калужская и Тульская области. Регулярно встречаются с российскими коллегами представители провинций Биньзыонг, Биньтхуан, Кантхо, Тханьхоа и др. Совместно проводятся масштабные мероприятия. В 2019 г. с успехом прошли гастроли Екатеринбургского театра оперы и балета и Дни Москвы в Ханое, Дни культуры Вьетнама в российских городах, конференция «Духовное наследие Хо Ши Мина. 50 лет спустя» в Санкт-Петербурге [23].

Стоит отметить тесное гуманитарное сотрудничество двух стран в период, вызванный природными катастрофами. Так, в октябре 2017 г. во Вьетнаме произошло наводнение, через месяц на Вьетнам неподалеку от города Нянчаг обрушился 12-й за сезон тайфун Дамри. За считанные часы стихия унесла десятки жизней и причинила чудовищные повреждения местной инфраструктуре. В момент выхода на сушу мощность тайфуна была эквивалентна урагану 2-й категории. Пострадавший регион находился в 500 км от города Дананг, где через неделю должен был состояться Саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). На мероприятие

были приглашены десятки мировых лидеров, включая Дональда Трампа. Именно Россия первой оказала Вьетнаму гуманитарную помощь в этот период. По поручению президента РФ В.В. Путина была оказана помощь Вьетнаму в связи с последствиями тайфуна. По линии МЧС России во Вьетнам было отправлено около 40 тонн гуманитарной помощи [24].

Культурные связи

Расширяется взаимодействие между деятелями культуры двух стран, которое в советский период было довольно тесным. После распада СССР культурные обмены и сотрудничество между двумя странами почти полностью прекратились, но с начала XXI века наметилась тенденция к их восстановлению. К визиту российского президента В.В. Путина во Вьетнам, в ходе которого была подписана Совместная декларация об отношениях стратегического партнерства между Вьетнамом и Россией, в мае и ноябре 2001 г. в Ханое были проведены Дни Москвы и Дни культуры России во Вьетнаме, в июле и ноябре 2002 г. – Дни Ханоя в Москве и Дни Вьетнама в России. Двусторонний культурный обмен восстанавливался в области литературы, кино, театра, изобразительного искусства и др. Вьетнамцы вновь получили возможность познакомиться с российскими достижениями в самых различных видах культуры. Самобытная вьетнамская культура также становилась все более известной и притягательной для российской публики.

После открытия в сентябре 2003 г. заметную роль в культурно-гуманитарном взаимодействии стал играть Российский центр науки и культуры в Ханое. Активизировал свою деятельность во Вьетнаме Фонд «Русский мир», открыв в 2010 г. Русские центры в Международном институте при Вьетнамском государственном университете в Ханое и на базе Государственного педагогического университета в Хошимине. При их непосредственном содействии с 2001–2018 гг. в России и Вьетнаме регулярно проводились национальные Дни культуры: в апреле 2007 г. и в ноябре 2010 г. Дни культуры России происходили во Вьетнаме, а в сентябре 2008 г. Дни культуры Вьетнама состоялись в России. Кроме того, в июле 2008 г. были проведены Дни Ханоя в Москве. В октябре 2010 г. в Ханое прошла неделя российского кино, также состоялись выступления художественных коллективов, выставки картин, фотографий, почтовых марок.

Стали возобновляться связи литераторов двух стран. В советский период вьетнамцы были хорошо знакомы с лучшими достижениями советской литературы. Такие героические литературные произведения, как роман Н. Островского «Как закалялась сталь», Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», на которых было воспитано не одно поколение советских людей, также были популярны во Вьетнаме и вдохновляли вьетнамцев на борьбу за национальную независимость в годы Вьетнамской войны.

В настоящее время русская литература не занимает такого особого места в литературной жизни Вьетнама. После распада СССР в 1991 г. связи

литераторов почти полностью прекратились, в России не осуществлялось перевода вьетнамской литературы.

В ознаменование визита вьетнамского президента Чыонг Тан Шанга в июле 2012 г. в Москву и подписания Совместного заявления о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Вьетнамом и Россией 22 сентября 2011 г. в рамках Дней культуры Вьетнама в РФ во Всероссийской библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино в Москве состоялся Круглый стол «Русская литература во Вьетнаме и вьетнамская литература в России». С вьетнамской стороны присутствовали министр культуры, спорта и туризма Хоанг Туан Ань, поэт и переводчик, кавалер российского ордена «Дружбы» Хоан Тхуй Тоан. С российской стороны присутствовали директор библиотеки Е.Ю. Гениева, ректор Московского государственного университета культуры и искусства Р.Г. Абдулатипов. Вьетнамской стороной была представлена впечатляющая экспозиция переводов русской литературы на вьетнамский язык с 1929 по 2011 гг., в числе которых роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [25].

Только в 2012 г. появилась первая после долгого перерыва вьетнамская книга на русском языке – повесть Кхай Хынга «Душа бабочки-феи». Потом были изданы произведения Нгуен Зу «Киеу», Няч Линя «Холод», сборники стихов Нго Ван Фу, Май Ван Фана. В 2015 г. в Москве были изданы сборник рассказов «В горах растет полынь» вьетнамских писателей Нгуен Куанг Тхьеу, До Тю, И Бан, Та Зюи Аня, Тхюи Линь. Это стало важным событием в продвижении вьетнамской художественной литературы в России. В 2018 г. впервые за последние 30 лет в российском журнале «Иностранная литература» были напечатаны рассказы вьетнамских авторов. В майском номере читатели могли познакомиться с рассказом Нгуен Тху Чан «Поселение вьетнамских прислужниц», а в августовском выпуске опубликован рассказ Ле Ван Тхао «Господин Гигант-усач». Все эти книги и публикации в журнале можно считать значимыми победами на пути распространения вьетнамской литературы в России [26].

В 2017 г. вышла книга единственного в настоящее время специалиста по вьетнамской литературе Т.Н. Филимоновой «Очерк вьетнамской литературы XX века», в которой автор представила попытку обобщить историю развития вьетнамской литературы на протяжении всего XX века как процесс перехода от средневековой, существовавшей в значительной части на китайском языке, к современной литературе европейского типа на вьетнамском языке.

В целях оживления литературных связей создан Фонд содействия распространению русской литературы во Вьетнаме и вьетнамской в России, который возглавил известный вьетнамский переводчик русской литературы Тхюи Тоан, который к тому же открыл первый частный музей русской литературы во Вьетнаме. Следует отметить, что новых профессиональных переводчиков художественной литературы с вьетнамского языка за последние 30 лет в России не появилось. Внушает надежды то, что в 2018 г. в Московском лингвистическом университете был произведен набор в первую группу студентов, у которых на старших курсах будет специальный предмет – «Теория перевода вьетнамской художественной литературы на русский язык» [27. С. 107].

Нуждаются в развитии связи деятелей кино. В советское время существовали тесные связи кинематографистов двух стран. Влияние советского кинематографа на все направления вьетнамского кино были впечатляющими. Вьетнамские студенты обучались во ВГИКе, стажировались на киностудиях СССР, участвовали в международных и всесоюзных фестивалях, проходивших в Москве и разных республиках Советского Союза. Были подготовлены кадры, поставлено кинотворчество, отлажен прокат. Во Вьетнаме появилось вьетнамское кино, разножанровое, высокохудожественное. После распада СССР позиции советского кино во Вьетнаме были утрачены, вьетнамское кино стало иным. Киносъемки и кинопрокат во Вьетнаме перешли в основном в руки многочисленных частных вьетнамских и зарубежных компаний, которые создают фильмы в популярном у молодежи стиле «экшен». Кино стало развлекательным, утратило свою воспитательную функцию.

Все же богатый опыт сотрудничества кинематографистов двух стран в прошлые годы неразумно предавать забвению. Оживлению связей, продвижению российского кино во Вьетнаме могли бы способствовать демонстрации во Вьетнаме российских фильмов, которые уже вызвали отклик в мировом прокате, в том числе приключенческих.

Продолжалось сотрудничество музейщиков двух стран. Постоянно организовывались художественные выставки как в России, так и во Вьетнаме. В 2013 г. в Ханое были организованы две выставки – «Николай Рерих – связь между народами» и «Русские красавицы и национальный дух». В рамках Дней культуры Вьетнама в России летом 2014 г. в Государственном музее Востока прошла выставка вьетнамской лаковой живописи, столь популярной во Вьетнаме. В экспозиции было представлено 30 работ творческого коллектива «*Son Ta*» («Лаки Вьетнама»). Были представлены чудесные пейзажи Вьетнама, портреты, жанровые сцены, в которых была представлена повседневная жизнь вьетнамцев. Выставка приоткрыла дверь в богатый мир вьетнамской культуры и пользовалась успехом у посетителей [28].

Осенью 2016 г. Российский центр науки и культуры в Ханое и Центр изобразительных искусств Вьетнама открыли выставку живописи под названием «Россия глазами вьетнамских художников», к 25-летию подписания Договора об основных принципах отношений дружбы Вьетнам–Россия (1994–2019 гг.) и 70-летию установления дипломатических отношений, в Музее изобразительных искусств Вьетнама Российский центр науки и культуры в сотрудничестве с Национальным музеем Елабуги (РФ) организовал выставку русской народной живописи под названием «Свадебные обряды народов России» [29]. В ходе проведения перекрестного года в Москве и Санкт-Петербурге были организованы различные культурные, образовательные, спортивные и просветительские мероприятия, посвященные фотовыставке «Русская эмоция», выставке живописи Донг Хо в парке Зарядье в Москве. В Санкт-Петербурге в Эрмитаже была открыта выставка «Древние вьетнамские культуры».

Сотрудничали и фотомастера двух стран. В июне 2017 г. Объединение «Фотоцентр» организовало в России торжественную церемонию, которая

посвящалась фотовыставке «Вьетнам – страна и люди», на которой было представлено большое количество фотографий о современном Вьетнаме, что давало возможность для знакомства каждого зрителя с природой, культурой и людьми Вьетнама. Более 130 фотографий представлены на выставке на такие темы, как Вьетнам на пути интеграции, позиция и роль Вьетнама на международной арене, важные вехи в отношениях стратегического партнерства между Вьетнамом и РФ, а также красота страны и людей Вьетнама. Выставка была проведена в преддверии официального визита президента Чан Дай Куанга в Российскую Федерацию 28 июня – 01 июля 2017 г. [30].

Важное место в двусторонних отношениях России и Вьетнама занимала организация Перекрестных годов, договоренность о проведении которых была достигнута по итогам переговоров президента РФ В.В. Путина и президента СРВ Чан Дай Куанга 29 июня 2017 г. в Москве в ходе официального визита вьетнамского лидера в нашу страну. 15 мая 2019 г. российским правительством была утверждена сводная программа «перекрестных» годов, подготовленная на основе предложений заинтересованных министерств, ведомств и организаций сторон, и нацеленная на продвижение российско-вьетнамского взаимодействия в торгово-экономической, научно-технологической, культурно-образовательной и иных сферах, представляющих взаимный интерес.

В год проведения перекрестного года было организовано много различных культурных и художественных мероприятий в Москве, Санкт-Петербурге, которые сопровождались гала-концертами и выступлениями артистов из национального Вьетнамского театра песни, танца и музыки. Кроме того, исполнялись различные песни и танцы народностей Вьетнама, которые сопровождались игрой на народных музыкальных инструментах. В декабре 2019 г. в столице Вьетнама Ханое прошла Неделя российского кино, приуроченная к Перекрестному году. Показы фильмов проводились в Российском центре науки и культуры в Ханое, в Ханойском национальном киноцентре. В период проведения Недели российского кино в Ханое зрители смогли увидеть самые разные новинки современного кино России.

Таким образом, культурно-гуманитарный аспект стратегического партнерства России и Вьетнама является чрезвычайно важным. За 70 лет дипломатических отношений оба государства накопили богатый опыт двусторонних отношений в различных областях, который в 1990-е гг. был утерян. В настоящее время в Восточной Азии, Юго-Восточной Азии рождается новая конфигурация международных отношений, в которых Вьетнам будет играть видную роль. Вьетнам важен для России, так как он является своеобразным «ключом» к стратегически важному Юго-Восточному региону. Также Вьетнам необходим России, чтобы сбалансировать отношения с Китаем, так перекос в сторону Китая стал уже явным. С другой стороны, Вьетнам все более осознает, что односторонняя ориентация на США чревата издержками попадания в зависимость, что уже было во вьетнамской истории. Россия и Вьетнам занимают близкие, а часто и совпадающие, позиции по вопросам глобальной и региональной повестки дня. Обе страны выступают за формирование

справедливого многополярного миропорядка, основанного на нормах международного права, уважении суверенитета и учета интересов всех государств. Обеим сторонам необходимо развивать отношения в духе стратегического партнерства, и культурно-гуманитарный аспект остается одним из его важнейших направлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Phạm Vĩnh Cư. Mấy suy nghĩ về giao lưu văn hóa Việt Nga [Фам Винь Ку. Некоторые мысли о культурных обменах Вьетнам-Россия] // Văn học nghệ thuật [Литература и искусство]. Режим доступа: <http://vannghe.free.fr/phamvinhcu/suyngghi.html>. Дата обращения: 01.06.2020.
- [2] Договор между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам от 16 июня 1994 г. «Об основах дружественных отношений» // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900431>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [3] Lê Quỳnh Nga. Những mốc chính của quan hệ hữu nghị truyền thống Việt – Nga [Ле Куин Нга. Основные ориентиры отношений традиционной дружбы Вьетнам-Россия] // Trường Đại học Ngoại ngữ – Đại học Quốc gia Hà Nội [Университет языков и международных исследований Вьетнамского национального университета]. 2016. Режим доступа: http://repository.ulis.vnu.edu.vn/handle/ULIS_123456789/936. Дата обращения: 09.06.2020.
- [4] Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам от 1 марта 2001 г. // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3283>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [5] Вьетнам–Россия: история сотрудничества // Вьетнам–Россия. Режим доступа: <http://www.vietnamrussia.ru/cooperation.htm>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [6] Совместное заявление между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам от 27 июля 2012 г. «Об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства» // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/1279>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [7] Председатель СФ провела встречу с Председателем Национального собрания Вьетнама // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2017, 15 октября. Режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/84663/>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [8] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам от 14 августа 1993 г. «О культурном и научном сотрудничестве» // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901111818>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [9] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам от 9 июля 2002 г. «Об обучении вьетнамских граждан в образовательных учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации» // Гарант. Режим доступа: <https://base.garant.ru/2561985/>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [10] Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования и подготовки кадров Социалистической Республики Вьетнам от 24 июня 2005 г. «О сотрудничестве в области образования» // Гарант. Режим доступа: <https://base.garant.ru/2563128/>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [11] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам от 25 ноября 2014 г. «О стратегическом

- партнерстве в области образования, науки и технологий» // Информационно-правовая база данных РФ. Режим доступа: <https://ipbd.ru/doc/0001201412080004/>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [12] Стрельцов В.В. Развитие сотрудничества в сфере культурного туризма в контексте стратегического партнерства Вьетнама и России // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2014. № 3.
- [13] Кухтенкова Е. Русский язык во Вьетнаме изучают только в 10 школах // Российская газета. 20.08.2018. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/08/20/russkij-iazuk-vo-vietname-izuchaiut-tolko-v-10-shkolah.html>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [14] В России будут учиться 965 студентов из Вьетнама // Вести образования. 28.03.2019. Режим доступа: https://vogazeta.ru/articles/2019/3/28/quality_of_education/6819-v_rossii_budut_uchitsy. Дата обращения: 08.10.2020.
- [15] Жидких А.А., Каримова М.И., Ширяев Н.А. Опыт сотрудничества России и Вьетнама в сфере образования во второй половине XX – начале XXI вв. // Вестник экономической безопасности. 2018. №2.
- [16] Тюрин П.М. Русский язык во Вьетнаме вчера, сегодня и завтра: Интервью с Лыу Тхи Ха, заведующей кафедрой развития речи Ханойского государственного университета // Известия Восточного института. 2015. № 28.
- [17] Российско-вьетнамское сотрудничество в сфере образования: проект «ВУЗы России» // Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 2015, 9 октября Режим доступа: https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/russian-vietnamese-cooperation-education-project-universities-russia/. Дата обращения: 08.10.2020.
- [18] Письменная Е.Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования). Автореферат дисс. ... доктора социологических наук. М., 2009.
- [19] Народная дипломатия – полноправный фактор мирового политического процесса // Ханой-Москва. 2020, 1 октября. Режим доступа: <http://www.incentra.ru/news/20-10-20-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-.html>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [20] Никулина Е.В. Российско-вьетнамское культурное сотрудничество: вчера, сегодня, завтра // Вьетнамские исследования. Вып. 5. М.: ИДВ РАН, 2015.
- [21] Всеобъемлющее стратегическое партнерство с Вьетнамом // Сайт МИД РФ. Режим доступа: <https://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-v-etnamom>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [22] Более 600 тыс. российских туристов посетили Вьетнам в 2018 г. 2019. Режим доступа: <https://www.rabin-gh.com/za-2018-god-vetnam-prinyal-bolee-600-tys-rossijskix-turistov/>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [23] Российско-вьетнамские отношения. Статья Посла России во Вьетнаме К.В. Внукова о российско-вьетнамских отношениях к 70-й годовщине установления дипломатических отношений между нашими странами // Сайт Посольства РФ в СРВ. 2020, 30 января. Режим доступа: <https://vietnam.mid.ru/rossijsko-v-etnamskie-otnosenia>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [24] Президент поручил оказать помощь Вьетнаму, пострадавшему от тайфуна // Официальный сайт Президента РФ. 07.11.2020. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56011>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [25] Бавыкин О. Вьетнамское лето в Союзе писателей России // Союз писателей России. 2012. Режим доступа: <https://rospisatel.ru/vjetnam-leto.htm>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [26] Бритов И.В. О продвижении вьетнамской литературы в России // Русская культура. 02.04.2019. Режим доступа: <http://russculture.ru/2019/04/02/igor-britov-o-prodvgenii/>. Дата обращения: 08.10.2020.

- [27] *Шпаковская М.А., Нгуен Тхи Нган Занг, Нгуен Минь Хоанг.* Вьетнамо-российские отношения в области культурного сотрудничества // Альманах «Казачество». 2020. № 44.
- [28] Лаковая живопись Вьетнама в Музее Востока // Новости музеев. 29.06.2014. Режим доступа: <http://ftp.museum.ru/N54148>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [29] Выставка живописи, созданная в Елабуге, открылась во Вьетнаме // Divolog.ru 04.11.2019. Режим доступа: <http://divolog.ru/vystavka-jivopisi-sozdannaia-v-elabyge-otkrylas-vo-vetname/>. Дата обращения: 08.10.2020.
- [30] Открытие фотовыставки «Вьетнам – страна и люди» в Российской Федерации // Союз Обществ дружбы Вьетнама. 22.06.2017. Режим доступа: <http://huonghivietnga.com.vn/news/Ipinshpzd-slpvshopaviz-vshcdpkaj-opnaka-z-yiugz-v-nloozyoily-sgdnauzz>. Дата обращения: 08.10.2020.

REFERENCES

- [1] Phạm Vĩnh Cư. *Mấy suy nghĩ về giao lưu văn hóa Việt Nga* [Pham Vinh Cu. Some thoughts on Vietnamese-Russian cultural exchanges]. *Vietnam Arts & Culture*. 2012. Available from: <http://vannghe.free.fr/phamvinhcu/suynghi.html>. [Accessed: 01 June 2020]. (In Viet.).
- [2] Treaty between Russian Federation and Vietnam of 16 June, 1994. «Ob osnovakh družhestvennykh otnosheniy». Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1900431>. (In Russ.).
- [3] Lê Quỳnh Nga. *Những mốc chính của quan hệ hữu nghị truyền thống việt – nga* [Le Quin Nga. The main landmarks of traditional Vietnamese-Russian friendship]. *VNU University of Languages and International Studies*. 2016 December. Available from: http://repository.ulis.vnu.edu.vn/handle/ULIS_123456789/936. [Accessed: 09 June 2020]. (In Viet.).
- [4] Declaration on Russian-Vietnamese strategic partnership relations of 1 March, 2001. Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/3283>. (In Russ.).
- [5] *Vyetnam-Rossiya: istoriya sotrudnichestva*. [Internet]. Vyetnam-Rossiya. Режим доступа: <http://www.vietnamrussia.ru/cooperation.htm>. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [6] Joint statement between Russian Federation and Vietnam of July 27, 2012. «Ob ukreplenii otnosheniy vseobyemyushchego strategicheskogo partnerstva». Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/1279>. (In Russ.).
- [7] Predsedatel SF provela vstrechu s Predsedatelem Natsionalnogo sobraniya Vyetnama. 2017.10.15. Available from: <http://council.gov.ru/events/news/84663/>. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [8] Agreement between Russian Federation and Vietnam of August 14, 1993. «O kulturnom i nauchnom sotrudnichestve». Available from: <http://docs.cntd.ru/document/90111818>. (In Russ.).
- [9] Agreement between Russian Federation and Vietnam of 9 July, 2002. «Ob obuchenii vьетнамских grazhdan v obrazovatelnykh uchrezhdeniyakh vysshego professionalnogo obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii». Available from: <https://base.garant.ru/2561985/>. (In Russ.).
- [10] Agreement between Russian Federation and Vietnam of 24 June, 2005. «O sotrudnichestve v oblasti obrazovaniya». Available from: <https://base.garant.ru/2563128/>. (In Russ.).
- [11] Agreement between Russian Federation and Vietnam of 25 November, 2014. «O strategicheskome partnerstve v oblasti obrazovaniya. nauki i tekhnologiy». Available from: <https://ipbd.ru/doc/0001201412080004/>. (In Russ.).
- [12] Streltsov VV. *Razvitiye sotrudnichestva v sfere kulturnogo turizma v kontekste strategicheskogo partnerstva Vyetnama i Rossii* [Development of cooperation in the field of cultural tourism in the context of Vietnamese-Russian strategic partnership]. *Kultura*

- i obrazovaniye: nauchno-informatsionnyy zhurnal vuzov kultury i iskusstv.* 2014; (3):17–24. (In Russ.).
- [13] Kukhtenkova E. Russkiy yazyk vo Vyetname izuchayut tolko v 10 shkolakh [Internet]. Rossiiskaya gazeta. 2018.08.20. Available from: <https://rg.ru/2018/08/20/russkij-iazyk-vo-vetname-izuchaiut-tolko-v-10-shkolah.html>. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [14] V Rossii budut uchitsya 965 studentov iz Vyetnama [Internet]. Vesti obrazovaniya. 2019.03.28. Available from: https://vogazeta.ru/articles/2019/3/28/quality_of_education/6819-v_rossii_budut_uchitsy. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [15] Zhidkikh AA, Karimova MI., Shirayev NA. Opyt sotrudnichestva Rossii i Vyetnama v sfere obrazovaniya vo vtoroy polovine XX — nachale XXI [Experience of cooperation between Russia and Vietnam in the field of education in the second half of the XX-early XXI centuries]. *Vestnik of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2018; (2):242–247. (In Russ.).
- [16] Tyurin PM. Russkiy yazyk vo Vyetname vchera, segodnya i zavtra: Intervyu s Lyu Tkhi Kha. zaveduyushchey kafedroy razvitiya rechi Khanoysskogo gosudarstvennogo universiteta [Russian language in Vietnam yesterday, today and tomorrow: Interview with Lyu Tkhi Kha, head of the Department of speech development at Hanoi State University]. *Izvestiya Vostochnogo instituta.* 2015; (28):3–11. (In Russ.).
- [17] Rossiysko-vyetnamskoye sotrudnichestvo v sfere obrazovaniya: proyekt «VUZy Rossii». 2015.10.09. Available from: https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/russian-vietnamese-cooperation-education-project-universities-russia/. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [18] Pismennaya EE. *Sotsialnyye posledstviya uchebnoy immigratsii v Rossiyu (voprosy teorii i metodiki issledovaniya)* [Social consequences of educational immigration to Russia (issues of theory and research methodology) [Dissertation abstract]. Moscow; 2009. (In Russ.).
- [19] Narodnaya diplomatiya – polnopravnyy faktor mirovogo politicheskogo protsessa [Internet]. Hanoi-Moskva. 2020.10.01. Available from: <http://www.incentra.ru/news/20-10-20-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya.html>. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [20] Nikulina EV. Rossiysko-vyetnamskoye kulturnoye sotrudnichestvo: vchera, segodnya, zavtra [Russian-Vietnamese cultural cooperation: yesterday, today, tomorrow]. *Russian Journal of Vietnamese Studies.* 2015; (5):78–80. (In Russ.).
- [21] Vseobyemlyushcheye strategicheskoye partnerstvo s Vyetnamom. Available from: <https://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-v-etnamom>. [Accessed: 08 October 2020].
- [22] Boleye 600 tys. rossiyskikh turistov posetili Vyetnam v 2018 g. [Internet]. 2019. Available from: <https://www.rabin-gh.com/za-2018-god-vetnam-prinyal-bolee-600-tys-rossijskix-turistov/>. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [23] Rossiysko-vyetnamskiye otnosheniya. Statia Posla Rossii vo Vyetname KV.Vnukova o rossiysko-vyetnamskikh otnosheniyakh k 70-y godovshchine ustanovleniya diplomaticheskikh otnosheniy mezhdru nashimi stranami [Internet]. 2020.01.30. Available from: <https://vietnam.mid.ru/rossijsko-v-etnamskie-otnosenia>. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [24] Prezident poruchil okazat pomoshch Vyetnamu. postradavshemu ot tayfuna. 2020.11.07. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/56011>. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [25] Bavykin O. Vyetnamskoye leto v Soyuze pisateley Rossii [Internet]. Soyuz pisateley Rossii. 2011. Available from: <https://rospisatel.ru/vjetnam-leto.htm>. [Accessed 08 October 2020]. (In Russ.).

- [26] Britov IV. O prodvizhenii vyetnamskoy literatury v Rossii [Internet]. Russkaya kultura. 2019.04.02. Available from: <http://russculture.ru/2019/04/02/igor-britov-o-prodvizhenii/>. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [27] Shpakovskaya MA.. Nguyen Tkhi Ngan Zang. Nguyen Min Khoang. Vyetsamo-rossiyskiye otnosheniya v oblasti kulturnogo sotrudnichestva [Vietnamese-Russian relations in the field of cultural cooperation]. *Almanakh «Kazachestvo»*. 2020; (44):102–110. (In Russ.).
- [28] Lakovaya zhivopis Vyetsama v Muzeye Vostoka [Internet]. Novosti muzeyev. 2014.06.29. Available from: <http://ftp.museum.ru/N54148>. [Accessed 08 October 2020]. (In Russ.).
- [29] Vystavka zhivopisi. sozdannaya v Elabuge. otkrylas vo Vyetsame [Internet]. Divolog.ru 2019.11.04. Available from: <http://divolog.ru/vystavka-zhivopisi-sozdannaya-v-elabuge-otkrylas-vo-vietname/>. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).
- [30] Otkrytiye fotovystavki «Vyetsam - strana i lyudi» v Rossiyskoy Federatsii [Internet]. Soyuz Obshchestv druzhby Vyetsama. 2017.06.22. Available from: <http://huunghivietnga.com.vn/news/lpinshpzd-slplvshopaviz-vshcdpkaj-opnaka-z-yiyugz-v-nloozyoily-sgdnauzz>. [Accessed: 08 October 2020]. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Понька Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Tatyana I. Ponka – PhD (History), associate professor, Department of theory and history of international relations, RUDN University, e-mail: ponka-rudn@mail.ru.

Юньюшкина Анна Сергеевна – соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Anna S. Yuniushkina – Applicant at the Department of theory and history of international relations, RUDN University, e-mail: 1032142934@rudn.ru.

Дубровский Иван Родионович – соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Ivan R. Dubrovskiy – Applicant at the Department of theory and history of international relations, RUDN University, e-mail: 1032171352@rudn.ru.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 02.07.2020

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ STUDIES ON CHINESE HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-77-95

Научная статья / Research article

Структурно–содержательный и археологический анализ эпитафии Чжао Жугуа (1170–1231 гг.)

И.А. Зайцев¹, И.С. Колнин²

¹Институт Стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова,
125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 11

²Институт Востоковедения Российской Академии Наук,
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, 12

Аннотация. Настоящая работа является продолжением двух опубликованных ранее работ, посвященных исследованию биографии Чжао Жугуа 趙汝适 (1170–1231 гг.), автора китайского историко-географического источника *Чжу фань чжи* 諸蕃志 («Описание всех иноземцев»; 1225 г.) [1; 2]. Цель статьи заключается в исследовании эпитафии Чжао Жугуа, что подразумевает разбор историко-археологических особенностей памятника (размер и материал), а также структурного анализа текста источника. В отличие от предыдущих работ надпись разбирается и как текстологический источник, и объект материальной культуры, что позволяет оценить контекст создания источника и степень детализации биографии усопшего.

Ключевые слова: Чжао Жугуа, погребальные эпитафии, паратекст, захоронение, социальная принадлежность

Для цитирования: Зайцев И.А., Колнин И.С. Структурно-содержательный и археологический анализ эпитафии Чжао Жугуа (1170–1231 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 77–95. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-77-95

Funeral Epitaph of Zhao Rugua (1170–1231), the Author of *Zhufan zhi* (“Records of Foreign Peoples”; 1225). Structural-Descriptive and Archaeological Analysis of the Source

I.A. Zaitsev¹, I.S. Kolnin²

¹The Institute of Asian and African Countries at Lomonosov Moscow State University,
11, Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation, 125009

²The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation, 107031

Abstract. The present work is a continuation of two previously published articles in which the biography of Zhao Rugua 趙汝适 (1170–1231), the author of *Zhufan zhi* 諸蕃志 (“Records of Foreign Peoples”; 1225) an important historical geographical source about the foreign lands during the Song dynasty (960–1279), was studied through the usage of the text of his funeral epitaph as well as other historical sources. They also included the translation of the text of inscription into Russian and English [1; 2]. The goal of this article is to deepen the study of Zhao Rugua’s funeral epitaph by researching the material features of the source, analyzing the structure of the text and comparing it with other similar sources of Medieval China. In contrast with the previous works the inscription in this article is analyzed both as a textual source and as an object of material culture which enables to understand the context of the creation of the source as well as the extent of detalization of the deceased’s biography.

Keywords: Zhao Rugua, funeral epitaphs, paratext, burial, social background

For citation: Zaitsev I.A., Kolnin I.S. Funeral Epitaph of Zhao Rugua (1170–1231), the Author of *Zhufan zhi* (“Records of Foreign Peoples”; 1225). Structural-Descriptive and Archaeological Analysis of the Source. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(1):77–95. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-77-95

Погребальные эпитафии: общие сведения

Погребальные эпитафии являются важным источником по социальной истории средневекового Китая. Эти источники представляют собой уникальные биографические сведения об аристократическом и служилом сословии. Их ценность заключается в детальной репрезентации действующих лиц: информации о дате рождения того или иного человека, родовой принадлежности, сведений биографического характера (история продвижения по службе, факт и время сдачи государственных экзаменов, уход в отставку и дата кончины). Все это делает возможным широкое использование эпитафий не только для изучения биографий конкретных исторических деятелей, но и для освещения масштабных социальных процессов в средневековом Китае.

В китайских эпитафиях принято выделять два основных типа: *Мучжи* и *мучжимин*. Они могут отличаться друг от друга по особенностям захоронения и специфике содержания. *Мучжи*, в отличие от *мучжимин*, наносилось на специальную пластину, которая помещалась в погребение вместе с гробом. *Мучжимин*, в свою очередь, наносилась на надгробную стелу и возвышалась

над погребением. По особенностям содержания *мучжимин* содержит сведения о биографии усопшего в прозе, а значимые достижения покойного воспевались в стихах. В *мужжи* стихотворная составляющая текста отсутствовала, а жизнь усопшего описывалась лишь в прозаической форме. В эпитафиях *мучжимин* объем всего текста превосходил памятники *мужжи*.

Из-за отсутствия стихотворного компонента и лаконичности текста эпитафию Чжао Жугуа следует отнести к *мужжи* [3. С. 361].

В средневековом Китае существовала специализированная отрасль, преуспевавшая в профессиональном изготовлении погребальных эпитафий: как пластин и футляров, так и в составлении текстов надписей. В этой сфере были задействованы специально обученные писцы и каллиграфы, принимавшие частные заказы на создание текстов об усопшем [4. Р. 30–31].

Процесс создания эпитафий был многоэтапным. Сначала родственник усопшего делал заказ на составление текста у обученного писца-литератора. Далее текст составлялся на недолговечном носителе и проходил редакцию у заказчика, затем передавался каллиграфу и «подгонялся» под соответствующие каллиграфические требования и размер камня, который заказчик был в состоянии оплатить (1) [5]. Далее текст наносился резчиком на шлифованную поверхность камня, после чего на памятник надевали специальный защитный чехол-футляр, предназначенный для защиты от эрозии. Только после этого эпитафия вместе с футляром помещалась в усыпальницу [4. Р. 28].

По определению американского сиолога А. Диттера, в средневековом Китае создание погребальных надписей имело две конкретные цели: фиксацию истории жизни усопшего на долговечном материале, а также атрибуцию конкретного погребения во избежание его случайного уничтожения [4. Р. 31].

В ходе анализа текста подобных памятников важно осознавать, что их нельзя рассматривать в качестве полноценных биографических источников. Тексты эпитафий писались на заказ и могли преподносить фигуру усопшего в необходимом для заказчика свете: как в отрицательном, так и в положительном [4. Р. 37–42]. Именно поэтому для получения более целостной картины эпитафии следует рассматривать в совокупности с письменными памятниками.

В мировой синологии на средневековые китайские эпитафии как один из важных источников, дающих сведения о религиозной системе средневекового Китая, одним из первых обратил внимание голландский ученый Я.Я.М. Де Гроот (1854–1921 гг.) [6. Р. 1101–1164]. Более детально они разбирались в работах Б. Босслер, Н. Такетта, А. Диттера и А. Шоттенхаммер в качестве источников по динамике социальных процессов в средневековом Китае [7; 8; 4; 9; 10]. История становления *мучжимин* как исторического и литературного жанра рассматривалась в монографии Т. Дэйвиса [11]. В работах М. Фонг эпитафии разбирались как археологический источник [12].

В отечественном востоковедении изучение китайских средневековых эпитафий не нашло широкого распространения. Данные памятники кратко рассматривались в коллективной монографии М.В. Крюкова, В.В. Малявина и М.В. Софронова [13. С. 191–195]. Отдельные могильные эпитафии также были предметом специальных исследований, а их текст переводился на

русский язык. К таким относится надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая 耶律楚材 (1189–1243 гг.), советника Чингисхана и Угэдэя, изучением которой занимался Н.Ц. Мункуев (1922–1985 гг.) [14]. Вторым примером может служить надгробная стела христианина Ай Сюэ 愛薛 (1227–1308 гг.), который добился высокого положения при монгольском дворе за свою исправную службу. Ее исследовал С.В. Дмитриев [15].

Археологическая характеристика эпитафии Чжао Жугуа

Эпитафия Чжао Жугуа представляет собой шлифованную с лицевой стороны прямоугольную плиту длиной в 99 см, шириной в 67 см и толщиной 5 см (2). Материалом для изготовления памятника послужил известняк.

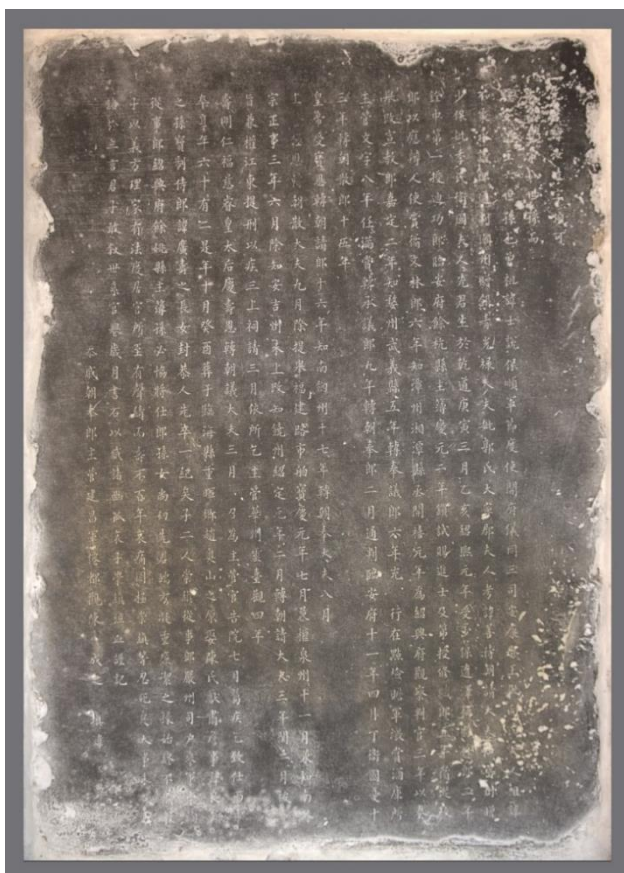

Рис. 1. Эстампаж плиты

Надпись была случайно обнаружена крестьянами в 1983 г. в волости Линвай, районе Датянь 大, уезде Линьхай 临海 провинции Чжэцзян, деревне Линвай 岭外. В этот же год надпись была эстампирована. Факсимиле эпитафии, а также ее краткое описание были опубликованы в 10-м номере журнала «Каогу» 考古 («Археология») за 1987 г. [16] (3).

Футляр эпитафии так и не был найден, равно как и не удалось обнаружить гробницу самого Чжао Жугуа (4).

На поверхность камня нанесен текст интальо в виде 21 вертикального столбца общим объемом 608 иероглифов, стиль написания *кайшу* 楷書 («уставное письмо»). Такой объем текста вписывается в общие стандарты объема средневековых китайских эпитафий, но явно не относится к числу самых подробных (5).

Соответствуя китайской модели записи текста, 21 столбец в эпитафии Чжао Жугуа неравномерно по высоте заполняет поверхность камня, оставляя значительные пробелы. Отметим, что максимальное количество иероглифов (36) зафиксировано в столбцах № 3–7, 9, 12 и 16–19. Минимальное число иероглифов (8) встречается в первых двух столбцах.

Первые два столбца представляют преамбулу к остальному тексту, т.е. содержат ключевые сведения о почившем:

«Прижизненное имя моего покойного отца – Жугуа, второе имя (цзы) – Бокэ, потомок императора Тайцзуна в восьмом поколении, а также...»

先君諱汝适字伯可，

太宗皇帝八世孫而……

В первом столбце представлены сведения об именах скончавшегося, а во втором – о его принадлежности к императорскому роду. Начинаящий новое придаточное предложение союз *эр* 而, который переводится конструкцией «а также», скорее всего помещен во второй столбец, чтобы число иероглифов в первом и втором столбцах совпадало. Отметим, что дальнейшая информация о генеалогии рода Чжао Жугуа *«потомок пувана Аньи в шестом поколении...»* идет на уровне обычного текста без специальных отступов. Вероятно, в первую очередь надо было подчеркнуть, что Чжао Жугуа был прямым потомком императора, поэтому этот текст вынесен во второй отдельный столбец, а описание остальной генеалогии не являлось столь важным и в тексте эпитафии не выделено отдельно от основного текста.

При изучении расположения текста на поверхности камня несложно заметить, что количество иероглифов в разных столбцах варьируется. Такие пропуски, именуемые *тайтоу* 抬頭 или *тайсе* 抬寫, являлись общепринятой практикой в официальных бумагах и других документах, предназначенных для чтения другими лицами. Их оставляли перед упоминанием высокопоставленного лица и в других случаях в качестве выражения уважения (6). Существовало несколько разных видов таких «пропусков», в эпитафии Чжао Жугуа встречаются два из них.

В первом случае перед началом следующего столбца идет пропуск в предыдущем столбце, в последнем не заполнена нижняя часть столбца (т.е. следующий иероглиф пишется с «красной строки»). Такой отступ связан с тем, что очередной столбец, как правило, начинается с того, как Чжао Жугуа императорским двором или же самим императором/императрицей была пожалована вышестоящая должность или звание. В таком случае с упоминания

императора/императрицы или императорского двора начинается следующий столбец, а предыдущий остается не заполненным до конца. Такой отступ называется *пинтай* 平抬.

Эта практика наблюдается в 10-м столбце (столбец заканчивается перед фразой «*император одарил [его] редкой милостью...*» 皇帝受寶恩……), 11-м (прерывается перед фразой «*[благодаря] крайней милости верхов...*» 上登極恩……), 13-м (прерывается перед упоминанием «высочайшего указа»: «*был ... по высочайшему указу по совместительству назначен...*» 被……旨兼權……) и 14-м (следующий столбец начинается с упоминания милости вдовствующей императрицы: «*вдовствующая императрица Ян поздравила его с днем рождения и [одарила] милостью...*» 壽明仁福慈睿皇太后慶壽恩……).

Как правило, при упоминании императора/императрицы и императорского двора использовался другой тип пропуска, *шуантай* 雙抬, где помимо написания иероглифа с новой строки он также писался на две строчки выше остального текста. Однако использование одного или иного вида пропуска могло варьироваться и не было строго регламентировано. Например, в позднеминских историко-географических описаниях заморских земель при упоминании императора/императрицы и императорского двора также использовался пропуск *пинтай* [19. Р. 72].

Во втором случае в эпитафии присутствуют пропуски-разрывы внутри столбцов размером в 1 иероглиф, именуемые *кунтай* 空抬. Таких случаев два:

В 8-ом столбце на месте 25-ого иероглифа:

«*На 6-й год (1213) занял ... должность главного смотрителя продовольственного (винного) склада для снабжения армии*» 六年充……行在點檢贍軍激賞酒庫所主管文字

И в 15-ом столбце на месте 20-ого иероглифа:

«*На 3-й месяц ... был приглашен заведовать Гуаньгаюань*» 三月……召為主管官告院

Похоже, такой вид пропусков использовался при назначении Чжао Жугуа на новую должность, но в случаях, когда назначение происходило не со стороны императорского двора, а от нижестоящих инстанций (7).

Такие пропуски создавались при изготовлении надписи и были сделаны намеренно, что наблюдается и в других эпитафиях.

По ширине текст полностью покрывает поверхность камня, оставляя расстояние по краям. Верхний и нижний правые углы памятника, как и нижний левый, незначительно запачканы известкой, что создает трудности для чтения текста.

По нашему мнению, исследуемая известняковая плита была изготовлена специально под фиксированный объем текста, который были в состоянии оплатить потомки Чжао Жугуа. Об этом свидетельствуют несколько факторов: во-первых, текст практически полностью покрывает поверхность

камня по ширине, оставляя минимальное расстояние по краям, что сводило к минимуму возможность нанесения дополнительных текстов в будущем; во-вторых, на поверхности камня отсутствуют исправленные или стертые фрагменты текста, нанесенного ранее, что могло бы указывать на повторное использование ранее изготовленной стелы (8).

В стоимость создания эпитафии входило не только изготовление известняковой пластины, но и футляра, обрамлявшего пластину сверху, для защиты текста от эрозии, а также возможного предотвращения осквернения имен, представлявших особую важность. По бокам на такие футляры наносились элементы декора, а по центру стилем *чжуаньшу* большого размера высекалось имя покойного и/или его титул [12. Р. 45; 11. Р. 4–5]. Но, как мы уже писали выше, футляр погребальной *мучжи* Чжао Жугуа так и не был обнаружен.

Структурно-содержательные особенности источника

Структуру текста эпитафии можно представить в виде последовательности из шести компонентов: 1) описание генеалогии рода; 2) описание биографии усопшего в ключе его карьерного роста; 3) упоминание факта похорон; 4) упоминание родственников усопшего; 5) восхваление достижений усопшего; 6) указание автора текста надписи.

Обратимся к исследованию количественной оценки каждого из компонентов внутри текста источника.

Таблица 1

Количественная оценка структурных компонентов в тексте

№ компонента	Число иероглифов в компоненте (ед.)	Общее число иероглифов (без паратекстов, ед.)	Процент %
1	97	608	16
2	345		57
3	49 (19+30)		8
4	67		11
5	40		6
6	10		2

Помимо выделения структурных компонентов погребальной надписи авторы склонны отметить и наличие паратекста. Паратексты – это особая категория текстов, которые представляют собой совокупность дополнений и пояснений, прилагаемых к основному тексту.

В качестве паратекста мы рассматриваем текст, расположенный в левом углу плиты в 21 столбце, отличный по смыслу и оформлению от основного текста. Внутри паратекста можно выделить две части:

1. Упоминание имени, титула и должности заполнившего табуированные иероглифы в тексте эпитафии (18 иероглифов): «Недостойный скорбящий Чэнь Чэнчжи 陳成之, чаофэнлан, заведующий [даосским храмом]

Сяньдугуань 仙都觀 в Цзяньчанцзюнь 建昌軍, заполнил табуированные иероглифы» 忝戚朝奉郎主管建昌軍仙都觀陳成之填諱 (9);

2. Упоминание имени резчика (4 иероглифа): «Выгравировал Ван Шаоцзу» 王紹祖刊.

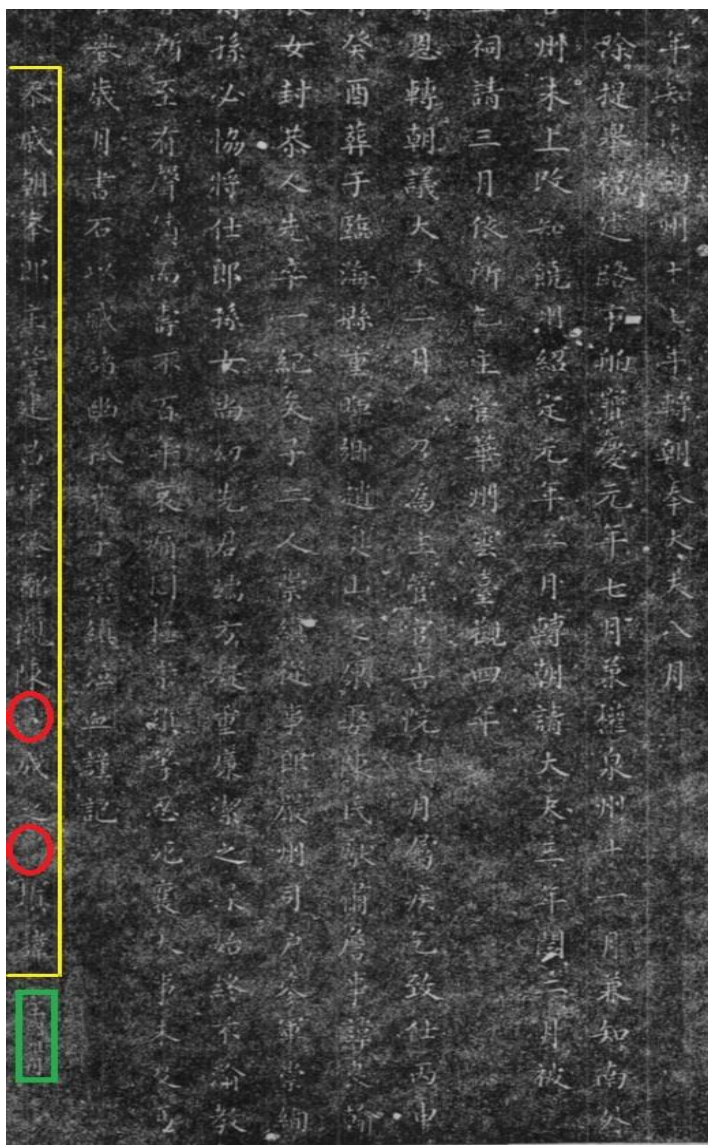

Рис. 2. Эстампаж эпитафии. Паратексты

По смыслу фразы «Недостойный скорбящий Чэнь Чэнчжи, чаофэнлан, заведующий [даосским храмом] Сяньдугуань в Цзяньчанцзюнь, заполнил табуированные иероглифы» и «Выгравировал Ван Шаоцзу» не имеют прямого отношения к основной идее текста эпитафии – описания жизни и смерти Чжао Жугуа, а носят дополнительный разъяснительный характер. По своему оформлению имя заполнившего табуированные иероглифы, Чэнчжи 成之,

отделено от остального текста двумя равными по размеру пропусками: после его фамилии Чэнь 陳 и перед словами «заполнил табуированные иероглифы» 填諱. Фактически это опять же два пропуска типа *кунтай*, сделанных с целью показать уважение к этой персоне и его личному имени.

Размер всех четырех иероглифов об авторстве гравировщика меньше размера остальных иероглифов в основном тексте и не выделен какими-либо пропусками помимо того, что он написан немного поодаль от предыдущего словосочетания. Вероятно, значимость фигуры резчика была гораздо ниже, нежели Чэнь Чэнчжи.

Оба паратекста выделены нами прямоугольными областями (желтым – первый, зеленым – второй), а пропуска, выделяющие имя заполнившего табуированные иероглифы – окружностями (см. рис. 2).

В китайских литературных памятниках и в погребальных надписях сохранение пространства для табуированных иероглифов с его последующим заполнением являлось распространенной практикой. Как правило, табуированными иероглифами наносилось личное имя императора, имена предков из своего рода и т.д.

В рассматриваемом нами памятнике Чэнь Чэнчжи мог заполнить за Чжао Чунчжэня личное имя усопшего, а также других предков, которые перечисляются в генеалогии рода (10). Примечательной особенностью эпитафии Чжао Жугуа является и то, что в ней отсутствует имя каллиграфа, придававшего иероглифам особую форму на поверхности камня (11). Такая особенность позволяет предположить, что и в роли каллиграфа, и «автора» табуированных иероглифов мог выступать один человек – Чэнь Чэнчжи.

Сведения о похоронах Чжао Жугуа

Несмотря на тенденцию к детализации биографии усопшего в южносунских эпитафиях, текст погребальной надписи Чжао Жугуа нельзя назвать слишком подробным. Как уже отмечалось ранее, текст в 608 иероглифов вписывается в стандартные рамки южносунских эпитафий, но не может считаться большим и подробным.

В источнике обстоятельства смерти Чжао Жугуа и его похорон описаны крайне скудно. В процентном соотношении данный компонент составляет всего 8%. Столь краткое описание похорон контрастирует с иными схожими памятниками средневекового Китая эпох Тан и Сун (12).

Согласно тексту источника.

...В 7-ом месяце, сославшись на болезнь, просил об отказе от службы. В [день] биншэнь 丙申 скончался (11 августа 1231 г – И.К.), прожил 62 года. В день гуйю 癸酉 10-ого месяца того же года (16 ноября 1231 г.) похоронили у склона горы Чжаоао 趙畧 в волости (деревне) Чжунхуэй 重暉, уезде Линьхай.

七月，屬疾，乞致仕。丙申卒，享年六十有二。是年十月癸酉，葬於臨海縣重暉鄉趙畧山之原。

...Чунчжэнь и остальные, претерпев [такие] людские дела [как] смерть и похороны, еще не успели просить о надписи, чтобы поставить [стелу], которая скажет о благородном муже...

崇績等忍死襄人事，未及丐銘於立言君子……

В приведенном фрагменте представлено лишь общее указание факта смерти Чжао и его места захоронения. На момент закладки эпитафии родственники Чжао Жугуа рассчитывали получить у властей разрешение на установление погребальной стелы, которое они либо не получили (что маловероятно), либо стела была впоследствии разрушена.

Примечательно, что в аналогичных китайских средневековых эпитафиях могли встречаться более предметные описания процесса погребальной церемонии, как, например, покупки места для захоронения, выбора гроба, а также более подробного описания самих похорон (13).

По мнению авторов, столь краткое описание процесса похорон возможно интерпретировать двояко.

Согласно первой интерпретации, родственники Чжао Жугуа по каким-то причинам не были заинтересованы в излишней детализации описания похорон, что, по каким-либо причинам, могло выставить фигуру Чжао в неблагоприятном для потомков свете.

Согласно второй гипотезе для эпитафий императорских родственников эпохи Южной Сун излишняя детализация сведений о похоронах была попросту нехарактерна.

Брак Чжао Жугуа

Эпитафии членов царского рода содержали не только сведения о карьерном росте, но и о женитьбе или замужестве. В Китае периода эпохи Южной Сун члены императорского рода, как правило, заключали браки с представителями элиты с севера, с представителями местной элиты, либо с представителями элиты из других географических районов [21. Р. 162].

В исследуемой нами *мучжи* присутствуют сведения о женитьбе Чжао Жугуа на представительнице рода Чэнь 陳, что позволяет отнести рассматриваемый случай к браку с представителями местной элиты.

Род Чэнь обладал большим влиянием в провинции Чжэцзян. Так, из отдельной главы в разделе *лечжуань* 列傳 («биографии») в *Сун ши* 宋史 («История [империи] Сун») (*цзюань* 387, *лечжуань* 146), посвященной деду супруги Чжао Жугуа – Чэнь Лянханю 陳良翰 (1108–1172), мы узнаем о том, что последний был уроженцем г. Тайчжоу и на пике своей карьеры занимал различные высокие посты государственного уровня [22. С. 8527–8530].

Тесть Чжао Жугуа, Чэнь Гуаншоу 陳廣壽 (1148–1222), был удостоен степени *цзиньши* 進士 в 1172 г., согласно списку уроженцев г. Линьхай, сдавших соответствующий экзамен.

Наличие высокопоставленных чиновников в роду Чэнь может указывать на его влияние в провинции Чжэцзян в конце XII–XIII вв. В таком

контексте брак Чжао Жугуа и дочери Чэнь Гуаншоу, местной аристократки, можно рассматривать как часть выгодной сделки по укреплению имиджа рода Чэнь, а также укреплению позиций рода самого Чжао.

Как мы отмечали ранее, предполагаемым каллиграфом текста, а также «автором» табуированных иероглифов был Чэнь Чэнчжи, вероятно, являвшийся родственником супруги Чжао Жугуа.

Такое совпадение может говорить об отношении Чэня Чэнчжи к роду супруги Чжао и свидетельствовать о близких контактах. Несмотря на возможную дружескую связь, Чэнь Чэнчжи не являлся автором текста погребальной эпитафии Чжао Жугуа, что делает такой случай необычным (14).

Текст исследуемого источника был составлен сыном Чжао Жугуа, Чунчжэнем.

Чжао Чунчжэнь, его социальное положение и предполагаемые отношения с отцом

В Китае периода Южной Сун практика составления текстов погребальных эпитафий предполагала обращение к профессиональным писцам, каллиграфам и резчикам.

Не являлись исключением и случаи, когда эпитафии составлялись от имени старших сыновей усопших, как в случае с танским генералом Ван Чжучи и его сыном. Данный пример свидетельствует о том, что личное авторство погребальных текстов о своих родителях при хороших отношениях между сыном и отцом служило выражением сыновней почтительности, а при наличии конфликтов было удобным способом выставить фигуру отца в желаемом сыновьями свете, умаляя его реальные заслуги (15).

Биография Чжао Чунчжэня, старшего сына Чжао Жугуа, не описывается в эпитафии, за исключением упоминания занимаемой им должности на момент составления ее текста. В конце 1231 г. Чунчжэнь являлся *цуншиланом* 從事郎, чиновником 8-го ранга 29-го разряда, а также занимал должность *сыху цаньцзюнь* 司戶參軍 (16), главного по учету доходов и налогов области Яньчжоу 嚴州 (17).

В китайском чиновничьем аппарате такой ранг, равно как и занимаемая должность, котировались достаточно низко [23. Р. 535]. Иных сведений о Чжао Чунчжэне нам найти не удалось. Вероятно, его карьера не была столь успешной, как у его отца.

При таких скудных сведениях составить полноценную картину взаимоотношений отца и сына достаточно трудно.

Годы службы в Управлении торговых кораблей

Как известно, Чжао Жугуа вошел в историю как автор *Чжу фань чжи*, важного историко-географического сочинения о сопредельных «варварских» территориях к югу, востоку и западу от Китая. Написание такого труда было

под силу не только образованному, но и в определенной степени осведомленному человеку, имеющему доступ к специальным источникам и/или к людям, бывавшим далеко от родного края. Сам Чжао являлся именно таким человеком, поскольку занимал должность Инспектора Управления торговых кораблей (также переводится как «Управление морской торговли») (*тицзюй ши-босы* 提舉市舶司) в Цюаньчжоу, что предполагало доступ к соответствующим документам, а также возможность общения с китайскими купцами, путешественниками или паломниками, регулярно отправляющимися за рубеж.

Несмотря на столь значимый этап в биографии Чжао, его сын не стал подробно освещать эту информацию в тексте эпитафии и коротко упомянул этот период наравне с другими этапами жизни Чжао:

«В 17-м году (1224 – И.К.) переведен [в титул] чаофэн дафу 朝奉大夫. В 8-м месяце [благодаря] крайней милости верхов переведен [в титул] чаосань дафу 朝散大夫. В 9-м месяце назначен на освободившуюся должность Инспектора Управления торговых кораблей в Фуцзяньлу 福建路. В 7-м месяце 1-ого года [эры правления под девизом] Баоцин 寶慶 (1225) совмещал несколько должностей в Цюаньчжоу. В 11-м месяце по совместительству ведал Наньвайцзунчжэн[сы] 南外宗正司...».

十七年，轉朝奉大夫。八月，上登極恩，轉朝散大夫。九月，除提舉福建路市舶。寶慶元年七月，兼權泉州。十一月，兼知南外宗正事。

Примечательно, что такая особенность контрастирует с текстом погребальной надписи отца Чжао Жугуа, Чжао Шаньдая 趙善待 (1138–1188), также служившего в Департаменте торговых кораблей. Сама эпитафия, похоже, была утеряна, но ее текст содержится в 17 цзюане сборника Цзечжай цзи 繫齋集 («Собрание Цзечжай») авторства известного сунского литератора Юань Се 袁燮 (1144–1224; Цзечжай – его псевдоним). В источнике говорится:

«В год цзясюй [эры правления под девизом Шаосин] 紹興 (1154 – И.К.) надзирал над мастерской по изготовлению [вооружения в области] Сымин 四明, выслужил срок [полностью]. Поэтому и поселился жить там. В 1-й год [эры правления под девизом] Лунсин 隆興 (1163) [вновь] привлечен [на службу], [сдал на] степень классный цзиньши 進士第, был поочередно цзюань цзяоланом 左宣教郎, ведал [делами] сяньчэна 縣丞[уезда] Куншань 崑山, достиг [должности управляющего] уездом Цзяньинь 江陰, был тунпанем 通判 Цзичжоу 吉州, затем ведал Юэчжоу 岳州...»

當紹興甲戌之歲，監四明作院，秩滿。因寓居焉。擢隆興元年進士第，換左宣教郎，知崑山縣丞，歷江陰縣，通判吉州，遂知岳州.....

В административном районе был Департамент торговых кораблей, господин по совместительству занял этот [пост]. Не бывало даже одного предмета, купленного контрабандой, и люди также не осмеливались заниматься контрабандой. Из прибывших судов из Гаоли 高麗 (Кореи – И.К.),

сперва [в этом Департаменте] остановилось [лишь] одно судно. На следующий год [их остановилось] 6–7...

軍有市舶務，公兼之。未嘗私買一物，人亦不敢干以私。高麗之至者，初止一艘。明年六七焉…… (18).

По приведенной части текста можно судить о том, что служба в Департаменте торговых кораблей представлялся важным этапом в биографии Чжао Шаньдая, поскольку эти сведения представлены более развернуто по сравнению с описанием предыдущих занимаемых должностей.

Наличие таких различий в эпитафиях двух чиновников, занимавших схожие должности, приоткрывает весьма любопытное направление для дальнейших исследований чиновничьих эпитафий средневекового Китая. В таком контексте особый интерес для авторов приобретают вопросы: какие сведения о контактах с иностранцами можно почерпнуть из эпитафий? Насколько характерно отражение этих сведений в эпитафиях как таковых? Способны ли эпитафии дополнить данные письменных источников в вопросах международных контактов средневекового Китая со своими соседями?

Заключение

Погребальная эпитафия Чжао Жугуа, текст которой был составлен его старшим сыном, Чжао Чунчжэнем, является одним из важных исторических источников, освещающих биографию этого значимого для истории человека.

Материалом для изготовления плиты послужил известняк. Сам памятник отшлифован с одной стороны и не содержит стертых или исправленных иероглифов, что свидетельствует о первичном использовании камня.

Объем всего текста составляет 630 иероглифов, что вписывается в средний диапазон текстов китайских средневековых эпитафий, но не позволяет отнести его к большим и объемным текстам. Около 57% текста источника содержит сведения о карьерном росте Чжао Жугуа, а лишь 8% о его похоронах.

Супруга Чжао Жугуа являлась местной аристократкой, происходившей из рода Чэнь, имевшим немалое влияние. Вероятно, такой брак способствовал укреплению имиджа рода Чэнь, а также мог быть выгоден самому Чжао. Чэнь Чэнчжи, родственник супруги Чжао, по всей видимости, являлся каллиграфом эпитафии Чжао.

В статье была предпринята попытка исследования биографии сына Чжао, Чунчжэня. Сведения, полученные из анализа дополнительных источников, скудны и не позволяют реконструировать полноценную биографию Чжао Чунчжэня. По всей видимости, его карьера была менее успешной, чем у его отца.

В качестве дополнительного источника в статье рассматривалась эпитафия отца Чжао Жугуа, Чжао Шаньдая. В этом источнике годы службы в Приказе торговых судов описаны более подробно, в отличие от эпитафии Чжао Жугуа. Такие особенности побуждают авторов обратиться к более широкому

кругу эпитафий людей, связанных с торговлей и поездками за границу, с целью более глубокого понимания данных источников.

Эпитафия Чжао Жугуа является типичной эпитафией родственника императорского клана эпохи Южной Сун. Нетипичные детали жизни Чжао Жугуа в источнике не отмечаются никак. Это соответствует специфике средневековых китайских погребальных эпитафий и формульному характеру изложения информации, однако не способствует более глубокому пониманию некоторых эпизодов жизни Чжао Жугуа, в частности о периоде службы в Приказе торговых судов и его отношений с сыном и супругой.

Приложение. Транскрипция текста эпитафии

先君諱汝适字伯可

太宗皇帝八世孫而

濮安懿王六世孫也曾祖諱士說保順軍節度使開府儀同三司安康郡王妣向氏夫人祖諱不柔承議郎通判潮州贈銀青光祿大夫妣郭氏大寧郡夫人考諱善待朝請大夫知岳州贈少保妣季氏衛國夫人先君生於乾道庚寅三月乙亥紹熙元年受少保遺澤補將仕郎二年銓中第一授迪功郎臨安府餘杭縣主簿慶元二年鎖試賜進士及第授修職郎五年循從政郎以應辦人使賞循文林郎六年知潭州湘潭縣丞開禧元年為紹興府觀察判官三年以奏舉改宣教郎嘉定二年知婺州武義縣五年轉奉議郎六年充……行在點檢贍軍激賞酒庫所主管文字八年任滿賞轉承議郎九年轉朝奉郎二月通判臨安府十一年四月丁衛國憂十三年轉朝散郎十五年

皇帝受寶恩轉朝請郎十六年知南劍州十七年轉朝奉大夫八月

上登極恩轉朝散大夫九月除提舉福建路市舶寶慶元年七月兼權泉州十一月兼知南外宗正事三年六月除知安吉州未上改知饒州紹定元年二月轉朝請大夫三年閏二月被旨兼權江東提刑以疾三上祠請三月依所乞主管華州雲臺觀四年

壽明仁福慈睿皇太后慶壽恩轉朝議大夫三月召……為主管官告院七月屬疾乞致仕丙申卒享年六十有二是年十月癸酉葬於臨海縣重暉鄉趙畧山之原娶陳氏獻肅詹事諱良翰之孫寶制侍郎諱廣壽之長女封恭人先卒一紀矣子二人崇績從事郎嚴州司戶參軍崇絢從事郎紹興府餘姚縣主簿孫必協將仕郎孫女尚幼先君端方凝重廉潔之操始終不渝教子以義方理學有法度居官所至有聲績而壽不百年哀痛罔極崇績等忍死襄人事未及丐銘於立言君子,敢敘世系官遷歲月書石以感諸幽孤哀子崇績泣升謹記

忝戚朝奉郎主管建昌軍仙都觀陳……成之……填諱……王紹祖刊

Примечания

- (1) В средневековом Китае размер могильной плиты варьировался от объема текста. Как правило, богатые семьи могли позволить оплатить создание дорогостоящей эпитафии для своих родственников. Это контрастирует с практикой создания схожих документов в средневековой Японии. Подробнее см. [5].
- (2) Внешний вид источника представляет собой типичную распространенную форму эпитафий. О других формах подробнее см. [12].
- (3) Эстамп надписи см. в Приложении № 1.
- (4) Информация получена из личного общения с работниками городского музея г. Линьхай, там же и хранится эпитафия.
- (5) В средневековом Китае объем эпитафий мог колебаться от нескольких сотен слов до нескольких тысяч. Так, например, в эпитафии видного генерала Ван Чучжи 王處直 (863–923), жившего в конце империи Тан и в начале эпохи Пяти династий, объем текста составлял несколько тысяч иероглифов, тогда как текст эпитафии царицы Хунхуа 弘化 (622–?), которую выдали замуж за вождя государства Тогон для укрепления дипломатического союза двух государств, составлял всего 600 иероглифов и считался средним по объему. Подробнее см. [10; 17. P. 72; 8. P. 13]. Авторы статьи выражают глубокую признательность А. Шоттенхаммер за консультацию по этому вопросу.
- (6) Подробнее о видах пропусков см.: [17. P. 129–37].
- (7) См., например, эстамп надписи в: [10. P. 53].
- (8) Практика создания погребальных эпитафий была популярна у привилегированных слоев населения средневекового Китая, несмотря на свою дороговизну. Высокая цена за материал и объем текста вынуждала небогатую знатную прослойку китайского общества прибегать к использованию уже готовых известняковых плит, на поверхности которых располагались погребальные тексты ранее усопших предков. В ряде случаев существовавшие ранее тексты корректировались или вовсе стирались для нанесения надписей о только что усопших людях. Подробнее см., например, [11].
- (9) В публикации русского перевода погребальной надписи фраза «заполнил табуированные иероглифы» была первоначально неточно интерпретирована как «прославляет имя умершего предка». В данной статье этот перевод был уточнен.
- (10) Подробнее о практике заполнения табуированных иероглифов см.: [20. P. 59].
- (11) Как правило, только после этого по начертаниям резчик выбивал иероглифы долотом по начертанию.
- (12) Как, например, эпитафия Ван Чучжи.
- (13) Как отмечает Н. Такетт, для эпитафий эпохи Тан, расположенных в районе дельты р. Янцзы, было характерно упоминание данных процессов [8. P. 18].
- (14) Большинство эпитафий родственников императора в период южной Сун составлялись родными или друзьями семьи усопшего, отличались употреблением высокого слога, а также позиционированием жизни почившего в соответствии с конфуцианскими нормами эпохи Южная Сун [21. P. 93].
- (15) Такая ситуация подробно разбирается в статье А. Шоттенхаммер на примере отношений генерала Вана Чучжи с его сыном [10].
- (16) Дословно «соучастник, ведающий подворными [делами]», должность налогового инспектора и военного советника.

- (17) Яньчжоу – область в бассейне реки Цяньтан в западной части провинции Чжэцзян.
- (18) Перевод несколько подкорректирован по сравнению с ранее опубликованным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Колнин И.С. Биография Чжао Жугуа, автора важнейшего описания иноземных стран XIII в. // Общество и государство в Китае. 2019. № 49.
- [2] Kolnin I.S. Some thoughts on Zhao Rugua's biography and *Zhufan zhi*: translation and comparison of relevant fragments from various sources // Crossroads – Studies on the History of Exchange Relations in the East Asian World. 2019. Vol. 17.
- [3] Ульянов М.Ю. «Чжу фань чжи» («Описание иноземных стран») Чжао Жугуа – важнейший историко-географический источник китайского средневековья. Москва: Восточная литература, 2019.
- [4] Ditter A. The Commerce of Commemoration: Commissioned Muzhiming in the Mid-to Late Tang // Tang Studies. 2014. Vol. 34. P. 21–46. DOI: 10.1179/0737503414z.00000000012.
- [5] Родин С.А. Японские эпитафии-боси (VIII в.) // История и культура традиционной Японии 2 (Труды института восточных культур и античности, Вып. XXIX) / под ред. И.С. Смирнова. Москва: РГГУ, 2011.
- [6] De Groot J.J.M. The Religious System of China: Its Ancient Forms, Evolution, History and Present Aspect, Manners, Customs and Social Institutions Connected Therewith. Vol. 3. Leiden: Brill, 1897.
- [7] Bossler B. Powerful Relations: Kinship, Status, and the State in Sung China (960–1279). Cambridge: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1998. 372 p. DOI: 10.1163/9781684170234.
- [8] Tackett N. The Destruction of the Medieval Chinese Aristocracy. Cambridge: Harvard University Press, 2014. DOI: 10.1163/9781684170777.
- [9] Schottenhammer A. Grabinschriften in der Song–Dynastie. Heidelberg: Edition Forum, 1995.
- [10] Schottenhammer A. A Buried Past: The Tomb Inscription (Muzhiming) and Official Biographies of Wang Chuzhi (863–923) // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2009. Vol. 52. DOI: 10.1163/156852009x405339.
- [11] Davies T. Entombed Epigraphy and Commemorative Culture in Early Medieval China: A History of Early Muzhiming. Leiden: Brill, 2015. DOI: 10.1163/9789004306424.
- [12] Fong M. Tang Line-Engraved Stone Reliefs from Shensi // Ars Orientalis. 1987. Vol. 17.
- [13] Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). Москва: Наука, 1984.
- [14] Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Москва: Наука, 1965.
- [15] Дмитриев С.В. Самый влиятельный христианин монгольской империи. Проблемы реконструкции биографии иноземца на монгольской службе // Общество и государство в Китае. 2005. № 35.
- [16] Сю Саньцзянь 徐三见. Чжэцзян Линьхайши фсянь Сундай Чжао Жугуа мучжи 浙江临海市发现宋代赵汝适墓志 (Обнаружение погребальной стелы с надписью сунского Чжао Жугуа в городе Линьхай, пров. Чжэцзян) // Каогу 考古. 1987. № 10.
- [17] Escher J.B. New Information on the Degree of “Sinicization” of the Tuyuhun Clan during Tang Times through Their Marriage Alliances: A Case Study Based on the Epitaphs of Two Chinese Princesses // Journal of Asian history. 2019. Vol. 53. P. 55–96. DOI: 10.13173/jasiahist.53.1.0055.

- [18] *Mayers W.F.* The Chinese Government. A Manual of Chinese Titles, Categorically Arranged and Explained, with an Appendix. Shanghai: Kelly and Walsh, 1897.
- [19] *Papelitzky E.* Historical Geographical Texts of the Late Ming (1368–1644) and China's Maritime History. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Kultur- und Gesellschaftswissenschaftlichen Fakultät der Universität Salzburg, Salzburg, 2017.
- [20] *Adamek P.* Good Son is Sad If He Hears the Name of His Father: The Tabooing of Names in China as a Way of Implementing Social Values. Sankt-Augustin – Leeds: Routledge, 2015. DOI: 10.4324/9781315093475.
- [21] *Chaffee J.* Branches of Heaven: A History of the Imperial Clan of Sung China. Cambridge – Massachusetts – London: Harvard University Asia Center, 1999. DOI: 10.2307/j.ctt1tg5hvk.
- [22] *Оуян Сю 歐陽修.* Сун ши. Ди шисань цэ 宋史. 第十三册 [История [империи] Сун. 13-й том]. Шанхай: Ханьюй да цыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004.
- [23] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford: Stanford University, 1985.

REFERENCES

- [1] Kolnin IS. Biografija Chzhao Zhugua, avtora vazhnejshego opisanija inozemnyh stran XIII v. [Biography of Zhao Rugua, the Author of the Most Important Description of the Foreign Countries in the 13th Century]. *Obshestvo i Gosudarstvo v Kitae*. 2019; (49). (In Russ.).
- [2] Kolnin IS. Some thoughts on Zhao Rugua's biography and *Zhufan zhi*: translation and comparison of relevant fragments from various sources // *Crossroads – Studies on the History of Exchange Relations in the East Asian World*. 2019; (17).
- [3] Ulyanov MYu. «Chzhu fan' chzhi» («Opisanie inozemnyh stran») Chzhao Zhugua – vazhnejshij istoriko-geograficheskij istochnik kitajskogo srednevekov'ja. [«Zhu fan zhi» («The Description of Foreign Countries») by Zhao Rugua – the Most Important Historical Geographical Source of Medieval China]. Moscow: Vostochnaja literatura, 2019 (In Russ.).
- [4] Ditter A. The Commerce of Commemoration: Commissioned Muzhiming in the Mid to Late Tang. *Tang Studies*. 2014; (34): 21–46. DOI: 10.1179/0737503414z.00000000012.
- [5] Rodin SA. Japonskie epitafii-bosi (VIII v.) [Japanese Epitaphs Boshi (8th c.)]. In: I.S. Smirnov, editor. History and Culture of Traditional Japan 2 (Works of Institute for Oriental and Classical Studies, Vol. XXIX). Moscow: RGGU; 2011. (In Russ.).
- [6] De Groot JJM. *The Religious System of China: Its Ancient Forms, Evolution, History and Present Aspect, Manners, Customs and Social Institutions Connected Therewith*. Vol. 3. Leiden: Brill, 1897.
- [7] Bossler B. *Powerful Relations: Kinship, Status, and the State in Sung China (960–1279)*. Cambridge: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1998. DOI: 10.1163/9781684170234.
- [8] Tackett N. *The Destruction of the Medieval Chinese Aristocracy*. Cambridge: Harvard University Press, 2014. DOI: 10.1163/9781684170777.
- [9] Schottenhammer A. *Grabinschriften in der Song–Dynastie*. Heidelberg: Edition Forum, 1995.
- [10] Schottenhammer A. A Buried Past: The Tomb Inscription (Muzhiming) and Official Biographies of Wang Chuzhi (863–923). *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2009; (52). DOI: 10.1163/156852009x405339.
- [11] Davies T. *Entombed Epigraphy and Commemorative Culture in Early Medieval China: A History of Early Muzhiming*. Leiden: Brill, 2015. DOI: 10.1163/9789004306424.
- [12] Fong M. Tang Line-Engraved Stone Reliefs from Shensi. *Ars Orientalis*. 1987; (17).

- [13] Kryukov MV., Malyavin VV., Sofronov MV. *Kitajskij etnos v srednie veka (VII–XIII vv.)*. [Chinese Ethnos in Medieval Times (VII–XIII cc.)]. Moscow: Nauka, 1984. 336 p. (In Russ.).
- [14] Munkuyev NTs. *Kitajskij istochnik o pervyh mongol'skih hanah. Nadgrobnaja nadpis' na mogile El'uj Chu-caja*. [Chinese Source about the First Mongol Khans. Funerary Inscription on the Tomb of Yelü Chucai]. Moscow: Nauka, 1965. 224 p. (In Russ.).
- [15] Dmitriev SV. Samyj vlijatel'nyj hristianin mongol'skoj imperii. Problemy rekonstrukcii biografii inozemca na mongol'skoj sluzhbe [The Most Influential Christian of the Mongol Empire. Problems of Reconstruction of a Biography of a Foreigner at the Mongol Service]. *Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitae*. 2005; (35). (In Russ.).
- [16] Xu Sanjian 徐三见. Zhejiang Linhaiishi faxian Songdai Zhao Rugua muzhi 浙江临海市发现宋代赵汝适墓志 [Discovery of an Entombed Epitaph of Zhao Rugua of the Song Dynasty in Zhejiang Province, Linhai City]. *Kaogu 考古*. 1987; (10). (In Chinese).
- [17] Escher JB. New Information on the Degree of “Sinicization” of the Tuyuhun Clan during Tang Times through Their Marriage Alliances: A Case Study Based on the Epitaphs of Two Chinese Princesses. *Journal of Asian History*. 2019; (53). DOI: 10.13173/jasi-ahist.53.1.0055.
- [18] Mayers WF. *The Chinese Government. A Manual of Chinese Titles, Categorically Arranged and Explained, with an Appendix*. Shanghai: Kelly and Walsh, 1897.
- [19] Papelitzky E. *Historical Geographical Texts of the Late Ming (1368–1644) and China's Maritime History* [Dissertation]. Salzburg; 2017.
- [20] Adamek P. *Good Son is Sad If He Hears the Name of His Father: The Tabooing of Names in China as a Way of Implementing Social Values*. Sankt-Augustin – Leeds: Routledge, 2015. DOI: 10.4324/9781315093475.
- [21] Chaffee J. *Branches of Heaven: A History of the Imperial Clan of Sung China*. Cambridge – Massachusetts – London: Harvard University Asia Center, 1999. DOI: 10.2307/j.ctt1tg5hvk.
- [22] Ouyang Xiu 歐陽修. *Song shi. Di shisan ce 宋史. 第十三册* [History of the Song Dynasty. Vol. 13]. Shanghai: Hanyu dacidian chubanshe 漢語大詞典出版社, 2004. (In Chinese).
- [23] Hucker CO. *A Dictionary of Official Titles in Imperial China*. Stanford: Stanford University, 1985.

Информация об авторах / Information about the authors

Зайцев Иван Алексеевич – аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: gorniy_strannik@mail.ru.

Колнин Илья Сергеевич – лаборант-исследователь Отдела Китая ИВ РАН; магистрант Национального Исследовательского Университета «Высшая Школа Экономики», e-mail: minmi98@yandex.ru.

Zaitsev Ivan Alexeevich – postgraduate student at the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, e-mail: gorniy_strannik@mail.ru.

Kolnin Ilia Sergeevich – research assistant at the Chinese department of IOS RAS; magister student at the National Research University “Higher School of Economics”, e-mail: minmi98@yandex.ru.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 08.07.2020

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ CULTURAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-96-113

Научная статья / Research article

Айны в современном японском обществе: проблема возвращения останков предков

Е.С. Чекункова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Аннотация. Статья посвящена вопросу возвращения изъятых японскими учеными для проведения антропологических и биологических исследований во второй половине XIX – первой половине XX вв. останков айнов. Тема репатриации останков актуальна, активно обсуждается сегодня как японскими, так и зарубежными исследователями. Кроме того, в условиях национального возрождения данный вопрос имеет важное культурное и психологическое значение для многих представителей коренного народа. В статье анализируются позиции по данному вопросу Правительства Японии и Ассоциации айнов Хоккайдо, а также критически настроенных айнов-активистов, поддерживаемых несколькими айнскими организациями и сообществами. Проанализированы дискуссии в японском обществе в процессе обсуждения данной проблемы, раскрывается ее значение для айнских общин. Было выяснено, что противоречия в основном возникают в связи с реализацией идеи о перенесении останков в единый мемориальный комплекс, который создан при открытом в июле 2020 г. Национальном музее и парке айнов. Доказано, что данная проблема во многом связана с несовершенством механизмов разработки этнической политики государства и реализации прав коренных народов в Японии. Кроме этого, проблема репатриации останков усугубляется в связи с отсутствием единства среди айнских общин и отсутствием организации, которая бы выражала мнение большинства айнских сообществ. В сложившейся ситуации достижение согласия между правительством, академическим сообществом и критически настроенными айнскими организациями оказалось крайне затруднительно. Вместе с тем сделан вывод о том, что существует потенциал для достижения консенсуса по данному вопросу.

Ключевые слова: айны, Япония, коренные народы, история Хоккайдо

Для цитирования: Чекункова Е.С. Айны в современном японском обществе: проблема возвращения останков предков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 96–113. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-96-113

© Чекункова Е.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ainu in modern Japanese society: the problem of returning the remains of ancestors

E.S. Chekunkova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
19 Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia

Abstract. The article is devoted to the issue of repatriation of Ainu ancestral remains, collected by Japanese researchers in the second half of the 19th – 20th centuries. It is the most crucial current issue for many Ainu people who are trying to regain the language, the distinct culture, and identity. The article analyzes the positions of the Japanese Government, the Hokkaido Ainu Association and Ainu rights activist groups and movements. The article examines the contradictions that arose in Japanese society concerning the process of repatriation. Discussions in Japanese society during this problem were analyzed, and its significance for the Ainu communities is revealed. It was found that the discussions mainly arise in connection with the idea of transferring the remains to the memorial hall located in Symbolic Spaces for Ethnic Harmony, which was opened in July 2020. Research also showed that the problem under study is largely related to limitations in ethnic policy implementation and realization of indigenous peoples' rights in Japan. In addition, the process of repatriation of Ainu ancestral remains is compounded by the lack of unity of the Ainu as a community. Therefore, reaching agreement between the government, the academic community, and critical Ainu rights activist groups proved extremely difficult. However, it was concluded that there is a potential to resolve the issue and consensus could be reached in the near future.

Keywords: Ainu, Japan, Indigenous people, History of Hokkaido

For citation: Chekunkova E.S. Ainu in modern Japanese society: the problem of returning the remains of ancestors. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(1):96–113. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-96-113

Введение

Айны (народ айну) – малый народ, традиционный ареал расселения которого был разделен границами двух государств – Японии и России. Несколько столетий назад айны населяли северо-восточные земли Хонсю и Хоккайдо, южную часть Сахалина, Курильские острова, Нижнее Приамурье, южную часть Камчатки. Современные айны проживают в основном на острове Хоккайдо и являются коренным народом Японии. Оценить точное количество представителей народа, проживающих на Хоккайдо и за его пределами, затруднительно, в связи с тем, что многие айны скрывают свое происхождение. Согласно официальным данным 2017 г., на острове зарегистрировано чуть больше 13 тыс. айнов [1]. По данным общегосударственной статистики, в Японии проживает около 26 тыс. айнов [2]. Вместе с тем, по оценкам специалистов музея айнской культуры в г. Сираои, общая численность представителей коренного народа в Японии составляет около 150 тыс. человек [3].

Айны были официально признаны коренным народом Японии в 2008 г., с этого времени начала формироваться новая этническая политика государства,

направленная на улучшение положение народа, сохранение его языка, обычаев и традиций. Основные принципы этой политики были закреплены в «Законе о мерах по созданию общества, в котором уважают гордость народа айну» (2019). Как и многие коренные малые народы мира, айны сталкиваются с социально-экономическими, культурными и политическими проблемами, активно отстаивают свои права в обществе, которое длительное время традиционно воспринималось как гомогенное. Одна из наиболее острых проблем айнов – возвращение и перезахоронение останков предков, которые изымались из могил японскими учеными в научных целях.

Цель данной статьи заключается в анализе противоречий, возникших в японском обществе в процессе решения вопроса возвращения останков предков айнов общинам. Была предпринята попытка изучить генезис и специфику развития проблемы, рассмотреть ее с разных точек зрения. Это потребовало применения историко-генетического и сравнительного методов, а также метода системного анализа. В работе использованы различные группы источников (законодательные и нормативно-правовые акты, интервью, новостные материалы и др.).

Тема репатриации останков айнов актуальна. Различные подходы к данной теме представлены в трудах японских и западных исследователей, таких, как Ода Хироси, Накамура Наохиро, Маруяма Хироси, Като Хирофуми, Тесса Моррис-Судзуки и др. Анализ этих работ показывает, что многие исследователи критикуют современную этническую политику правительства Японии и поднимают вопрос о том, насколько эта политика соответствует международным стандартам в области защиты прав коренных народов.

История зарождения проблемы

Изъятие останков и сопровождающих их артефактов и ритуальных предметов проводилось в течение примерно 100 лет, начиная с эпохи Мэйдзи. С момента основания в 1921 г. кафедры анатомии медицинского факультета Императорского университета Хоккайдо исследователи начали проявлять большой интерес к народу айну. Так, Харуо Ямадзаки и Гоичи Хирамицу в 1924 г. начали биоэтнологические исследования в этой сфере [4. Р. 362.]. Антропологическими исследованиями, связанными с айнами, занимались также профессора Императорского университета Токио Есикие Коганеи и Цубои Сегоро [5. Р. 62].

Большой вклад в антропологические исследования айнов внес профессор Университета Хоккайдо Сакудзаэмон Кодама [6], который начал собирать антропологический материал и предметы айнской культуры в 1930-е гг. Количество собранных им человеческих останков оценивается более чем в 1 тыс. экземпляров, позже они были переданы на хранение в Университет Хоккайдо [6].

Первоначально исследователи собирали человеческие останки из больниц и тюрем, расположенных на острове Хоккайдо, однако затем начались раскопки захоронений айнов [4. Р. 362]. Правительство префектуры Хоккайдо поощряло

такие действия, в 1934 г. было принято специальное постановление по этому вопросу, эксгумация проводилась с разрешения губернатора Хоккайдо [6].

В результате, согласно официальным данным Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии, 1676 останков предков айнов оказались в коллекциях 12 университетов по всей Японии [7]. Кроме того, еще 13 музеев и исследовательских центров обладали 74 комплектами неопознанных останков. Значительный археологический материал хранился на медицинском факультете Университета Хоккайдо [6], где в 1984 г. по просьбе Ассоциации айнов Хоккайдо было построено специальное хранилище, в котором каждый год проводились ритуальные поминальные службы (*ичарна*) [8]. Кроме того, останки айнов находятся в музеях многих стран (Австралии, Германии, Великобритании, США, России и др.).

В последние десятилетия активисты и организации, отстаивающие права коренного народа (Альянс граждан по инспектированию политики в отношении айнов, Ассоциация айнов Урахоро, Ассоциация айнов Карафутто и др.) начали выступать за то, чтобы останки айнов были возвращены общинам и захоронены в землю. Ведущей организацией, выступающей за репатриацию останков, стала неправительственная организация «Котан но кай», созданная в 2015 г. Ее активисты потребовали официальных извинений от университетов за незаконное изъятие останков без согласия общин и родственников.

Однако университеты, музеи и другие исследовательские центры, как и Правительство Японии, имеют свой взгляд на данную проблему. Кроме того, существует проблема идентификации имеющихся экземпляров. На данный момент смогли идентифицировать только 38 останков айнов, хранящихся в музеях [8]. Ряд исследователей полагают, что идентификация всех останков практически невозможна [9. Р. 220].

Начало процесса по возвращению останков предков айнов общинам

Возвращение останков общинам айнов происходило через суд. Впервые иски были поданы на Университет Хоккайдо еще в 1980-е гг., в результате к 2001 г. 35 айнских черепов были переданы пяти местным отделениям Ассоциации айнов (Асахикава, Кусиро, Обихиро, Мицуиси и Момбецу) [8]. В 2012 г. трое айнов из г. Уракава подали иски на этот же университет, чтобы добиться репатриации останков их предков и связанных с ними ритуальных предметов, которые были изъяты сотрудниками университета в 1931 г. из могил на кладбищах Уракава и Кинеусу [10]. Университет Хоккайдо выступал против возвращения останков, настаивая на том, что они были собраны на законных основаниях и представляют ценность для научных исследований [9. Р. 221]. Университет также потребовал от подавших иски подтвердить их индивидуальную принадлежность к запрашиваемым останкам (ДНК-тестирование). При этом вуз руководствовался юридическим принципом «ближайшего кровного родства», закрепленного в Гражданском кодексе Японии [4]. В соответствии с кодексом человеческие останки могут быть переданы только прямому потомку или кровному родственнику умершего [11].

Однако, как полагают айны, такой принцип противоречит праву коренных народов на коллективную собственность. Поэтому адвокат Итикава Морихиро, выступающий на стороне айнов в суде, настаивал на той позиции, что «кости членов общины принадлежат всем ее членам, а не отдельному человеку» [11].

Как полагает профессор Накамура Наохиро, этот судебный процесс раскрывает и проблему разных обычаев народов. В отличие от японцев, которые регулярно посещают могилы предков, чистят надгробия, оставляют еду, цветы и молятся за душу покойного, айны рассматривают кладбища как священные места, посещения которых следует избегать. При этом могилы айнов не разделены четко по семейным ячейкам. Айнские могилы со временем ветшают, но этот природный процесс является естественным. По мнению профессора Накамура Наохиро, поскольку за могилами не ухаживали в привычном для японцев смысле, то ученые под предлогом того, что могилы заброшены, могли без разрешения общин проводить исследования. Обряды поклонения предкам традиционно проводятся всей общиной айнов. Поэтому, как полагает исследователь, любой член общины может в данном случае считаться правопреемником [4. Р. 362].

Проблема останков предков стала одной из главных тем для обсуждения на заседаниях рабочей группы Совета по продвижению политики в отношении айнов [12]. Айны-активисты осознали, что возникла необходимость создания организации, которая будет официально добиваться возвращения останков. Такой организацией стала «Котан но кай», в которую входят около 20 айнов из района Хидака [13].

Для членов организации факт возвращения останков предков имеет важное культурное и ритуальное значение. Глава организации Симидзу Юдзи отмечает: «Человеческие останки должны быть перезахоронены на родине, а не храниться на полках в месте, напоминающем склад... Мы выступаем за то, чтобы вернуть как можно больше останков в общины. Для нас, айнов, рожденные на земле возвращающиеся в нее же, и это высочайшая ценность» [12].

В итоге между университетом Хоккайдо и истцами было достигнуто внесудебное соглашение, и в 2016 г. удалось вернуть останки двенадцати человек в Уракава для перезахоронения. Глава «Котан но кай» подчеркнул, что достигнутое соглашение – это беспрецедентное событие [12].

Данное событие послужило толчком для начала процесса репатриации останков в общины Урахоро, Момбецу и Кинеусу. По данным Университета Хоккайдо, всего в 2016–2018 гг. айнам было передано в общей сложности 85 тел и 34 ящика с останками предков [8]. Позже подобные иски были поданы не только на Университет Хоккайдо, но также на Медицинский университет Саппоро, Токийский университет и др. [14]. Айны-активисты и некоторые исследователи продолжают настаивать на репатриации останков, иски в суд продолжают подаваться и в настоящее время.

Необходимо отметить, что некоторые зарубежные исследовательские центры также вернули останки айнам. В частности, Австралия стала первой

страной, которая в 2017 г. согласилась вернуть археологический материал, хранящийся в коллекциях музеев [15]. Австралийский посол Ричард Корт посетил Ассоциацию айнов Хоккайдо в июне 2017 г. и сообщил, что два музея, в том числе Национальный музей Австралии, согласились передать айнам три комплекта останков [15].

Возвращение Австралией останков айнов создало важный прецедент. В июле 2017 г. Германия вернула Ассоциации айнов Хоккайдо археологический материал, хранящийся в коллекциях Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории. Возвращенные останки были тайно извлечены из могил айнов немецким ученым Георгом Шлезингером в 1879 г. [16]. По этому поводу на церемонии передачи останков председатель Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории Александр Пасхос заявил: «Несмотря на то, что ограбление могилы произошло в далеком прошлом и должно рассматриваться в контексте того времени, с морально-этической точки зрения данное приобретение сомнительно. Он (Шлезингер – *прим.авт.*), вероятно, не только нарушил закон, но и не принял во внимание мнение жителей айнской общины.... В качестве жеста доброй воли Берлинское общество возвращает останки» [17].

Споры вокруг строительства Национального музея айнов

Несмотря на активизацию деятельности по возвращению останков, большая часть из них все еще остается в музеях. Совет по продвижению политики в отношении айнов предложил разместить все останки в одном месте – на территории Национального музея айнов в г. Сираои, строительство которого завершилось в апреле 2020 г. Весь комплекс состоит из трех элементов: Национального музея, Национального парка этнической гармонии и Места упокоения останков, куда были транспортированы останки, собранные из музеев и университетов по всей стране [18]. Как было заявлено в ответ на запрос Экспертного механизма по правам коренных народов ООН, «айнам необходимо время для получения останков, и Правительство Японии временно сохранит их в мемориальном комплексе, пока они не сделают необходимые приготовления» [19], а также «намерено продолжать содействовать репатриации останков и погребального инвентаря» [20]. Университет Хоккайдо также заявляет о том, что продолжит нести ответственность за возвращение останков, которые в нем хранились, даже после перемещения их в мемориал музея [8].

Однако решение о передаче останков не общинам, а музею, который является крупным туристическим центром, вызвало бурную реакцию среди многих представителей айнов и ведущих исследователей-айноведов. Позиция представителей коренного народа, выступающих против перенесения всех останков в мемориал, связана с несколькими факторами: желанием общин захоронить останки в земле; опасением того, что научные исследования в музее будут продолжены; негодованием по поводу того, что останки, возможно, захоронят в один мемориал без идентификации.

Возникает и вопрос о конфликте интересов при управлении музеем айнов в г. Сираои, связанный с возможностью местных сообществ айнов проводить ритуальные службы на территории мемориала музея. Заместитель главы общества «Котан но кай» Кузуно Цугио не видит смысла в таких обрядах: «Говорят, что поминальные обряды будут проводиться с уважением к нашему достоинству, но каждый котан (община – прим. авт.) имеет свои собственные обряды и молитвы. Как могут проводиться погребальные универсальные ритуалы для останков, взятых из разных общин?» [12].

Кроме того, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо профессор Тсунэмото Тэруки указывает, что такие поминальные обряды будут противоречить принципу отделения религии от государства: «Если айны будут выполнять религиозные службы в общественных местах, это то будет нарушением Конституции Японии» [12]. Он сравнивает это с визитами премьер-министров Японии в храм Ясукуни, чтобы почтить память погибших во Второй мировой войне, которые вызывают негативную реакцию у части японского общества. Следовательно, во избежание нарушений Конституции Японии ритуальные поминальные обряды в музее могут быть представлены только как туристические мероприятия [12].

Кроме того, в 2018 г. Совет по продвижению политики в отношении айнов обратился к музеям и университетам с просьбой в кратчайшие сроки опубликовать информацию об останках, которые хранятся в их коллекциях, чтобы родственники умерших или отдельные общины айнов смогли их вернуть. Те останки, которые не были востребованы в течение шести месяцев, или те, которые не могут быть немедленно возвращены, должны быть захоронены в мемориале нового музея [21]. Однако исследователь Тесса Моррис-Судзуки справедливо отмечает, что репатриация останков – чрезвычайно сложный процесс, который не может быть ограничен бюрократическими сроками [22].

Безусловно, часть останков уже никогда не будут возвращены потомкам в связи с тем, что не могут быть идентифицированы. Некоторые поселения айнов, вблизи которых были разграблены могилы, исчезли, перестали существовать и жившие там общины айнов. Например, после переселения айнов из района Отару в портовый город Хамамасу во второй половине XIX в. профессор Коганей Есикие извлек из могил рядом с бывшим поселением останки 166 айнов [6]. Однако существует большое количество останков, которые могут быть идентифицированы.

Процесс возвращения останков продолжает оставаться весьма сложным. Директор Центра по изучению политики в области природопользования и защиты меньшинств профессор Маруяма Хироси отмечает, что подать заявку на возвращение останков крайне сложно из-за негибких условий репатриации [23]. По заявлению профессора Университета Хоккайдо Йосида Кунихико на экспертном семинаре ООН, ситуация зашла в тупик. Он отметил такую проблему, как преобладание в современном мире индивидуалистического представления о собственности, которое противоречит коллективным

правам коренного народа. Кроме того, следует учитывать и уязвимость децентрализованных местных сообществ айнов, не имеющих возможности поддерживать могилы и нуждающихся в субсидиях со стороны государства [6].

В вопросе возвращения останков айным общинам есть еще один крайне важный психологический фактор, о котором нельзя забывать. Как уже отмечалось, исторически процесс изъятия останков связан с периодом Мэйдзи, когда начали развиваться научные теории, оправдывающие колониальную и агрессивную политику Японии [24]. В этот период японские ученые активно занимались вопросом происхождения «японской расы» и конструированием японской идентичности [25. Р. 102]. В те годы развиваются националистические направления в японской антропологии, социологии, истории, которые оправдывали имперскую политику Японии. В период распространения социального дарвинизма политика в отношении айнов велась с точки зрения идеи расового превосходства японцев над айнами [25. Р. 128]. Именно с этой целью велись и исследования айнских останков.

Следует учесть, что исследования черепов проводились и немецкими учеными, Япония заимствовала из Германии расовые теории. Характерно то обстоятельство, что профессор Кодама, сыгравший большую роль в развитии антропологических исследований айнов, учился в Германии. Германские антропологи также занимались исследованием айнских черепов, в частности, Рудольф Вирхов, получивший материал от Георга Шлезингера. Профессор Университета Хоккайдо Ода Хироси отмечает: «В то время айны считались „расово изолированными“, на них смотрели с любопытством и относились как к объекту физико-антропологических исследований. Ученые начали свое исследование с идеи расизма и попытались проверить ее путем измерения человеческих черепов. Это была псевдонаука. Но она дала научную поддержку расизму, который оправдал колониализм, а позже стал идеологией Холокоста» [26].

В связи с этим возвращение останков и прекращение антропологических, медицинских и ДНК-исследований играет для айнских сообществ важное психологическое значение, связанное с прекращением унижительного дискурса об их вымирании и расовой неполноценности.

Представители айнов также подчеркивают, что материалы для исследований брались японскими учеными без согласия представителей народа, а иногда изымались обманным путем. Например, есть информация, что японские ученые брали образцы крови айнов под видом медицинских работников, заинтересованных в борьбе с эпидемиями оспы и т.п. [27]. Таким образом, перемещение останков айнов в мемориал и предоставление возможности для ученых проводить дальнейшие исследования является крайне болезненной темой для многих представителей народа.

Несмотря на то, что репатриация может негативно сказаться на проведении научных исследований, возвращение ритуальных предметов и останков может смягчить последствия колониальной политики и стать возмещением ущерба за незаконное разграбление могил. Кроме того, неэтичное

поведение, неуважение к материальной и духовной культуре, а также неспособность учитывать интересы общин порождают недоверие между исследователями и сообществами коренных народов. Как отмечает сотрудник Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо Ицудзи Тангику, именно недоверие к ученым влияет на проведение исследований, является причиной того, что айны отказываются участвовать в социологических опросах, проводимых при поддержке правительства Хоккайдо. Это ведет к формированию у айнов в целом негативного отношения к проведению каких-либо исследований японскими или зарубежными учеными [28]. Так, негативный образ японских ученых сохранился, в частности, в воспоминаниях одного из лидеров айнского движения XX в. Каяно Сигэру в автобиографической книге «Our Land Was a Forest: An Ainu Memoir» и других айнов, которые своими глазами видели, как происходил сбор исследовательского материала.

Необходимо учесть, что существуют международные нормы относительно получения согласия на проведение научных исследований генома человека, в том числе генома аборигенного населения, путем взятия материала из живых или мертвых тел. Эти нормы закреплены в отчете Международного комитета по биоэтике ЮНЕСКО 1996 г., Всеобщей декларации о геноме человека и защите права человека 1997 г. и др. В частности, Международная организация по изучению генома человека в 1996 г. приняла заявление по основным принципам проведения генетических исследований. В основе ее рекомендаций лежат четыре принципа: признание того факта, что геном человека является частью общего наследия всего человечества; строгое соблюдение международных норм по правам человека; уважение ценностей, традиций, самобытности и культуры участников исследования; признание и поддержка достоинства и свободы личности.

Кроме этого, в заявлении Международной организации по изучению генома человека указывалось на необходимость получения осознанного согласия, которое может быть дано «отдельным человеком, семьей, общиной или группой населения» [29]. В отчете Международного комитета по биоэтике ЮНЕСКО 1996 г. отмечалось, что при исследованиях генома человека осознанное согласие необходимо получить «именно у тех лиц, кто вправе дать такое согласие». Ученые должны обеспечить «надлежащее информирование потенциальных участников проекта с учетом культурных и религиозных традиций и нужд общины» [29].

Что касается вопроса о возвращении останков предков, то 12-я статья Декларации ООН о правах коренных народов закрепляет право последних пользоваться и распоряжаться обрядовыми предметами и право хоронить на родине останки своих умерших. Этот документ также обязует государство обеспечить возможность доступа к находящимся в его распоряжении обрядовым предметам и останкам умерших, содействовать их возвращению на родину в рамках справедливых, транспарентных и эффективных механизмов, разработанных совместно с коренными народами [30].

Критика современной этнической политики Японии

Учитывая данные международные документы и нормы, многие исследователи задаются вопросом о том, насколько политика Японии в отношении коренного народа соответствует международным стандартам? В частности, общая концепция Национального музея айнов – «Символическое пространство этнической гармонии» – не раз подвергалась критике со стороны многих айнов-активистов и их единомышленников. Данный проект мог бы способствовать межэтническому взаимопониманию, а также созданию возможностей для трудоустройства айнов и для передачи традиционных культурных знаний следующим поколениям. Однако многие айны были разочарованы тем, что с ними практически не консультировались при реализации данного проекта. Некоторые из айнов-активистов полагают, что поиск новой политики в отношении защиты прав коренных народов, по-видимому, превратился в контролируруемую государством схему культурного туризма [22]. При этом создаваемая «этническая гармония» больше похожа на иллюзию, способ замолчать негативные последствия колонизации и представить «косметический» образ мультикультурного общества. Экспозиция музея создает у зрителей впечатление, что этническая гармония достигнута, более того, возможно, в Японии она существовала всегда [22].

По мнению айнов-активистов, правительство Японии лишь создает видимость проведения политики в отношении прав коренных народов. Согласно мнению исследователя из Университета Нагоя Хигасимура Такэси именно действия правительства препятствовали пониманию населением проблемы народа айну, включая историческую сторону вопроса [30]. По его мнению, необходимо решить проблему дискриминации айнов в повседневной жизни. Более того: по мнению британского исследователя Р. Сиддла, в японской этнической политике присутствует феномен «исторической амнезии», которая маскирует колониальное насилие [25. Р. 163].

Нельзя не отметить также концепцию «империалистической ностальгии», одним из разработчиков которой является антрополог Ренато Росальдо. Он описывает феномен, когда колонизаторы или покорители, столкнувшись с культурой колонии и видоизменив ее, демонстрируют ностальгию по изначальной колонизованной культуре, по изначальному миру, который исчез из-за их насильственного вмешательства. По мнению Р. Росальдо, «империалистическая ностальгия» использует позу «невинной тоски», чтобы захватить воображение народов и скрыть свое соучастие в уничтожении культуры народа [31. Р. 69–70]. Такая ностальгия, по мнению исследователя из Университета Хоккайдо Татьяны Цагельник, присутствует и в современной политике Японии по отношению к айнам [32]. Эшли Доллин, исследователь из Университета Хоккайдо, также указывает на «дискурс замалчивания», связанный с репатриацией останков айнов [24].

Вместе с тем не все айны выступают с критикой этнической политики правительства Японии. Ассоциация айнов Хоккайдо – самая большая и

влиятельная организация, созданная в 1946 г., – в этом вопросе занимает достаточно лояльную правительству позицию. Президент Ассоциации Като Тадаси так выразил свое отношение к проекту музея айнов: «Я очень рад, что построен не только музей, но и мемориальный комплекс». Указывая, что «с останками небрежно обращались», он объяснил значение музея тем, что «это большое преимущество иметь место, где можно спокойно увековечить память о предках» [33].

Именно при поддержке Ассоциации айнов Хоккайдо в 2008 г. и 2015 г. были проведены круглые столы «О будущих исследованиях останков айнов и ритуальных предметов», в которых участвовали специалисты из Антропологического общества Японии и Японской археологической ассоциации. В ходе мероприятий была дана критическая оценка академическим исследованиям прошлого и обсуждены перспективы сотрудничества между айнами и современными японскими учеными. Антропологическое общество Японии и Японская археологическая ассоциация выразили глубокое сожаление о том, как проводились исследования останков в прошлом, признали несправедливыми раскопки могил айнов [34]. Итогом данных форумов стало решение о создании независимого комитета по решению этических вопросов при проведении исследований останков предков айнов и ритуальных предметов. В состав комитета были включены представители айнов [35].

Однако некоторые ученые, в частности, профессор Ода Хироси, беспокоятся, что Ассоциация айнов Хоккайдо даст правительству и академическому сообществу официальное разрешение на продолжение исследований останков айнов без получения одобрения у отдельных общин [36]. Профессор Маруяма Хироси отметил факт сотрудничества Ассоциации с японскими университетами при перемещении останков в мемориальный комплекс музея. Он подверг критике форумы 2008 и 2015 гг., заметив, что они сняли ответственность с академического сообщества за новые исследования останков айнов [23].

Деятельность Ассоциации айнов Хоккайдо в начале XXI в. все больше начинает подвергаться критике со стороны многих айнов. Подчеркивается, что в Ассоциацию айнов Хоккайдо входят представители не всех айнских общин, а только 49 местных ассоциаций айнов [37]. В целом в Ассоциацию айнов Хоккайдо входят чуть более 10% представителей народа. Наибольшую критику вызывает то обстоятельство, что в настоящее время Ассоциация занимает достаточно лояльную позицию по отношению к политике правительства. Такие ученые, как Маруяма Хироси, не раз отмечали факт сотрудничества Ассоциации и правительства: «Правительство видит в ней (Ассоциации – *прим. авт.*) единственного партнера для переговоров. Но она не представляет интересов всех айнов» [38].

Часть местных Ассоциаций айнов (например, Синхидака и др.) следуют курсу Ассоциации айнов Хоккайдо и солидарны с решением Правительства. Они выступают за перенесение останков в Символическое пространство, где останки предков будут находиться в безопасности и сохранности [12].

Вероятно, это связано с тем, что некоторые организации не хотят связываться с затяжными судебными разбирательствами. Кроме того, идентифицированных останков из некоторых регионов проживания айнов просто не существует, и часто именно ассоциации этих регионов поддерживают политику правительства.

Выводы

Таким образом, серьезной проблемой айнов является отсутствие заслуживающей доверия организации, которая бы выражала мнение большинства айнских сообществ. Как отмечает японская пресса, «музей, который был призван положить конец проблеме возвращения останков айнов, похищенных из мест захоронения, вместо этого обнажает старую вражду, поднимая сложные вопросы, инициируя судебные процессы против ведущих исследовательских центров Хоккайдо и настраивая сообщества айнов друг против друга» [12].

Этническая политика правительства Японии сегодня подвергается критике со стороны многих представителей айнов, а также ведущих специалистов по истории и культуре народа. Основная причина критики состоит в том, что японское правительство не прислушивается к мнению айнов, представители народа почти не участвуют в разработке данной политики. Правительство делает акцент на развитии туристической отрасли, связанной с культурой айнов, уделяя мало внимания вопросам развития этнического образования, экономической независимости айнов или защите коллективных прав народа. Тема признания прав коренных народов является очень болезненной для японского общества, которое долгое время опиралось на принципы моноэтничности. До сих пор существует много нерешенных и дискуссионных вопросов в этой сфере. Среди них – проблемы предоставления коллективных прав айнам, дискриминации, равенства в социально-экономическом положении и уровне образования между айнами и японцами. Одним из важнейших является и вопрос возвращения останков предков айнов. Он имеет важное психологическое значение для представителей народа, который стремится возродить свою культуру и привить чувство гордости подрастающему поколению.

Благодаря айнам-активистам многие останки возвращены в общины и проведены ритуальные обряды. Однако до достижения согласия между правительством, академическим сообществом и критически настроенными айнскими организациями еще далеко. Преобладание в современном мире индивидуалистического представления о праве собственности, которое противоречит коллективным правам коренного народа, слабость местных сообществ айнов, которые не имеют возможности поддерживать могилы и нуждаются в субсидиях государства, отсутствие единой легитимной организации айнов Японии, ментальные различия между японцами и айнами мешают достижению компромисса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Ainu Policy Promotion Headquarters // Cabinet Secretariat. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/index_e.html (дата обращения: 20.10.2020) (на японском языке).
- [2] *Ken'ichi Ochiai, Teruki Tsunemo*. On Policy Measures for the Socio-Economic Betterment of the Ainu People // Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers: HUSCAP. July 31, 2013. URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/52997/1/HLR64-2_009.pdf (дата обращения: 12.09.2020).
- [3] A Report on 2011 JDS Fieldtrip in Hokkaido. Master's Program in Environmental Sciences Graduate School of Life and Environmental Sciences University of Tsukuba. June 26-28, 2011. URL: http://www.envr.tsukuba.ac.jp/~envethic/pdf/Hokkaido_Report_2011.pdf (дата обращения: 12.09.2020).
- [4] *Nakamura Naohiro*. Redressing injustice of the past: the repatriation of Ainu human remains // Japan Forum. Vol. 31, Iss. 3, 2018. P. 358–377.
- [5] Morris Low. Physical Anthropology in Japan. The Ainu and the Search for the Origins of the Japanese // *Current Anthropology*, Vol. 53, No. S5, The Biological Anthropology of Living Human Populations: World Histories, National Styles, and International Networks (April 2012). P. 57–68.
- [6] Панельная дискуссия 2: Кунихико Ёсида. Доклад о возвращении на родину образцовых предметов и останков умерших в соответствии с Декларацией ООН о правах коренных народов // Организация объединенных наций: сайт. URL: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/IPeoples/EMRIP/Pages/CallforSubmissionsRepatriation.aspx> (дата обращения: 29.09.2020).
- [7] Daigakunado ni okeru Ainu no hitobito no ikotsu no hokan jōkyū no sai chōsa kekka [Results of a resurvey of the storage status of the remains of Ainu people at universities, etc.] // Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий. URL: https://www.mext.go.jp/component/a_menu/science/detail/_icsFiles/afieldfile/2017/05/25/1376459_3_2_1.pdf (дата обращения: 04.09.2020) (на японском языке).
- [8] Hongaku ga hokan suru Ainu ikotsu ni kansuru seimei ni tsuite [Заявление о останках айнов, которые хранятся в университете] // Университет Хоккайдо: сайт. URL: <https://www.hokudai.ac.jp/pr/johokokai/ainu/post-33.html> (дата обращения: 04.10.2020).
- [9] *Nakamura Naohiro*. Cultural affiliation is not enough: the repatriation of Ainu human remains // *Polar Record*. Vol. 53, Iss. 2, 2017. P. 220-224.
- [10] Kamuynomi, Icharpa Ceremony for the 12 Repatriated Ainu Ancestral Remains // Kotan no kai. URL: <https://kotankai.jimdofree.com> (дата обращения: 23.09.2020).
- [11] Ainu fight for return of plundered ancestral remains // *The Japan Times*. Aug 12, 2013. URL: <https://www.japantimes.co.jp/community/2013/08/12/issues/ainu-fight-for-return-of-plundered-ancestral-remains/> (дата обращения: 14.10.2020).
- [12] Japan's indigenous Ainu sue to bring their ancestors' bones back home // *The Japan Times*. Jul 25, 2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/07/25/national/japans-indigenous-ainu-sue-bring-ancestors-bones-back-home/> (дата обращения: 09.10.2020).
- [13] *Yuji Shimizu*. Towards a Respectful Repatriation of Stolen Ainu Ancestral Remains. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/j.ctv9hj9pb.23.pdf?refreqid=excelsior%3Aa594324ce3f71b03fa0d7b5c0d8d5292> (дата обращения: 01.10.2020).
- [14] Hokkaido Ainu association sues University of Tokyo to have remains returned // *The Japan Times*. Nov 3, 2019. URL: https://www.japantimes.co.jp/?post_type=news&p=2287661 (дата обращения: 04.10.2020).
- [15] In a Historic First, Australia Agrees to Return Ainu Remains to Japan // *Hyperallergic*. June 15, 2017. URL: <https://hyperallergic.com/385665/ainu-remains-return-from->

- australia/#:~:text=The%20bones%20were%20exported%20to, Hokkaido%2C%20Sa-
khalin%2C%20and%20Kuril. (дата обращения: 03.10.2020).
- [16] Germany Japan bones // AP Archive. July 31, 2017. URL: <http://www.aparchive.com/metadata/youtube/7d3fae63f4bcca7e273a2632c0b261b9> (дата обращения: 12.10.2020).
- [17] Germany returns bones of Hokkaido Ainu tribe member to Japan // Screenocean. July 31, 2017. URL: <https://reuters.screenocean.com/record/904754> (дата обращения: 18.10.2020).
- [18] Minzoku kyousei shouchoukuukann (shouchoukuukann) [Символическое пространство межнационального взаимодействия (Символическое пространство)] // Кабинет министров: сайт. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/symbolic_space.html (дата обращения: 09.10.2020) (на японском языке).
- [19] Reply of the Government of Japan to the Request for Information from the Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples // OHCHR. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/IPeoples/EMRIP/Reportrepatriation/submissions-states/Japan.pdf> (дата обращения: 10.10.2020)
- [20] Ainu minzoku no ikotsu 1-tai, Tōdai ga Mitsuishi Ainu kyōkai ni henkan inori no gishiki de nōkotsu [Один из останков народа айнов, из Токийского университета возвращается в Ассоциацию Мицуси Айну] // Хоккайдо Симбун. 05.10.2020. URL: <https://www.hokkaido-np.co.jp/article/467176> (дата обращения: 16.10.2020) (на японском языке).
- [21] Daigaku no hokan suru Ainu ikotsu-tō no shutsudo chiiki e no henkan tetsudzuki ni kansuru gaidogain [Руководство по процедурам возврата останков айнов, хранящихся в университетах] // Кабинет министров: сайт. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/pdf/181226_chiiki-guidelines.pdf (дата обращения: 06.10.2020) (на японском языке).
- [22] *Morris-Suzuki Tessa*. Performing Ethnic Harmony: The Japanese Government's Plans for a New Ainu Law // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. Vol. 16, Iss. 21, No 2. November 1, 2018 URL: <https://apjjf.org/2018/21/Morris-Suzuki.html> (дата обращения: 12.10.2020).
- [23] *Hiroshi Maruyama*. Joint Submission to the 13th session of the UN Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples at the Palais des Nations in Geneva, Switzerland, from 8 to 12 June 2020. // OHCHR. April 13, 2020. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/IPeoples/EMRIP/Reportrepatriation/submissions-indigenous-peoples-ngos/CEMIPOS.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).
- [24] *Dollin Ashleigh*. Indigenous Peoples' use of media as a form of self-representation: analysis of Japanese government and Ainu discourses relating to the issue of Ainu ancestral remains repatriation // Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers: HUSCAP. March 31, 2020. URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/77223/1/7.pdf> (дата обращения: 18.10.2020).
- [25] *Richard M. Siddle*. Race, Resistance and the Ainu of Japan. – London: Routledge. 2012.
- [26] *Oda Hiroshi*. Odyssey of an Ainu-skull: From Bone to Human Being. Oct. 15, 2017. URL: http://skyandoccean.sakura.ne.jp/Berlin_conference_15.10.2017.pdf (дата обращения: 13.10.2020).
- [27] Интервью с ведущим специалистом Центра исследования айнов и коренных народов Университета Хоккайдо Ицудзи Тангику от 26.11.2018 // Личн. арх. автора.
- [28] Деятельность по установлению стандартов: развитие стандартов, касающихся прав коренных народов // Объединенные нации: цифровая библиотека. Женева, 4 июня 1998 г. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/255830> (дата обращения: 19.10.2020).
- [29] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // Организация объединенных наций: сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 19.10.2020).

- [30] Хигасимура Такэси. Для чего нужен новый закон об айнах, или перспективы японской политики в отношении коренных народов // *Nippon.com*: интернет-изд. 2019. 25 апреля. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00479/> (дата обращения: 15.10.2020).
- [31] Rosaldo Rosaldo. *Culture and Truth: The Remaking of Social analysis*. – Boston, Mass.: Beacon Press, 1993. 253 p. URL: <https://people.uwec.edu/degravjr/GEOG-ANTH%20351/Rosaldo-CultureAndTruth.pdf> (дата обращения: 24.10.2020).
- [32] Tsagel'nik Tatsiana. Discourse of Silencing in the Context of the 150th Anniversary of the Naming of Hokkaido: Representation of AinuWajin Relations in the Television Drama “Eternal Nispa, the Man Who Named Hokkaido, Matsuura Takeshiro” // Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers: HUSCAP. March 31, 2020. <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/77222/1/8.pdf> (дата обращения: 24.10.2020).
- [33] Уропои де назе иреи? [Почему мемориальный комплекс в «Упопой»?] // NHK. 25.10.2020. URL: <https://www.nhk.or.jp/hokkaido/articles/slug-n65d9504da98d> (дата обращения: 26.10.2020) (на японском языке).
- [34] Kato Hirofumi. The Ainu and Japanese Archaeology: A change of perspective // *Japanese Journal of Archaeology*. 2017. URL: http://www.jjarchaeology.jp/contents/pdf/vol004/4-2_185.pdf (дата обращения: 23.10.2020).
- [35] Korekara no Ainu jinkotsu fukusōhin ni kakaru chōsa kenkyū no arikata Ni kansuru raundotēburu (gaiyō) [О будущих исследованиях останков айнов и ритуальных предметов и перезахоронений (резюме)] // Кабинет министров: сайт. URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/dai8/sankou5.pdf> (дата обращения: 24.10.2020) (на японском языке).
- [36] Gulliford Andrew. Bones of Contention: The Repatriation of Native American Human Remains // *The Public Historian*. Vol. 18, No. 4, Autumn, 1996. URL: <https://www.jstor.org/stable/3379790> (дата обращения: 21.09.2020).
- [37] Outline of the Association // The Ainu Association of Hokkaido. URL: <https://www.ainu-assn.or.jp/english/outline.html> (дата обращения: 23.09.2020).
- [38] Is Japan Closer to Recognizing Indigenous Ainu Rights? // *The Diplomat*. February 13, 2019. URL: https://thediplomat.com/2019/02/is-japan-closer-to-recognizing-indigenous-ainu-rights/?fbclid=IwAR11XZziVAufV-MGJv4vPqo_2QWVxxkIY4hnC5aJ5W73ru6oVtCa9FP4Vvk (дата обращения: 23.09.2020).

REFERENCES

- [1] Ainu Policy Promotion Headquarters. Cabinet Secretariat. Available from: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/index_e.html [Accessed: 20.10.2020].
- [2] Ken'ichi Ochiai, Teruki Tsunemo. On Policy Measures for the Socio-Economic Betterment of the Ainu People. *Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers*: HUSCAP. July 31, 2013. Available from: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/52997/1/HLR64-2_009.pdf [Accessed: 12.09.2020].
- [3] A Report on 2011 JDS Fieldtrip in Hokkaido. Master's Program in Environmental Sciences Graduate School of Life and Environmental Sciences University of Tsukuba. June 26-28, 2011. Available from: http://www.envr.tsukuba.ac.jp/~envethic/pdf/Hokkaido_Report_2011.pdf [Accessed: 12.09.2020].
- [4] Nakamura Naohiro. Redressing injustice of the past: the repatriation of Ainu human remains. *Japan Forum*. 2018; 31(3):358–377.
- [5] Morris Low. Physical Anthropology in Japan. The Ainu and the Search for the Origins of the Japanese. *Current Anthropology*, Vol. 53, No. S5; The Biological Anthropology of Living Human Populations: World Histories, National Styles, and International Networks (April 2012). P. 57–68.

- [6] Panel discussion 2: Kunihiro Yoshida. Report on the return home of ritual objects and remains of the deceased in accordance with the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. United Nations: website. Available from: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/IPeoples/EMRIP/Pages/CallforSubmissionsRepatriation.aspx> [Accessed: 09.29.2020].
- [7] Daigakunado ni okeru Ainu no hitobito no ikotsu no hokan jōkyō no sai chōsa kekka. Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. Available from: https://www.mext.go.jp/component/a_menu/science/detail/_icsFiles/afieldfile/2017/05/25/1376459_3_2_1.pdf [Accessed: 04.09.2020]. (In Japanese).
- [8] Hongaku ga hokan suru Ainu ikotsu ni kansuru seimei ni tsuite [Statement regarding Ainu remains kept by the University]. University of Hokkaido. Available from: <https://www.hokudai.ac.jp/pr/johokokai/ainu/post-33.html> [Accessed: 04.10.2020]. (In Japanese).
- [9] Nakamura Naohiro. Cultural affiliation is not enough: the repatriation of Ainu human remains. *Polar Record*. 2017; 53(2):220–224.
- [10] Kamuynomi, Icharpa Ceremony for the 12 Repatriated Ainu Ancestral Remains . In Kotan no kai. Available from: <https://kotankai.jimdofree.com> [Accessed: 23.09.2020].
- [11] Ainu fight for return of plundered ancestral remains. *The Japan Times*. Aug 12, 2013. Available from: <https://www.japantimes.co.jp/community/2013/08/12/issues/ainu-fight-for-return-of-plundered-ancestral-remains/> [Accessed: 14.10.2020].
- [12] Japan's indigenous Ainu sue to bring their ancestors' bones back home. *The Japan Times*. Jul 25, 2018. Available from: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/07/25/national/japans-indigenous-ainu-sue-bring-ancestors-bones-back-home/> [Accessed 09.10.2020].
- [13] Yuji Shimizu. Towards a Respectful Repatriation of Stolen Ainu Ancestral Remains. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/j.ctv9hj9pb.23.pdf?refreqid=excelsior%3Aa594324ce3f71b03fa0d7b5c0d8d5292> [Accessed: 01.10.2020].
- [14] Hokkaido Ainu association sues University of Tokyo to have remains returned. *The Japan Times*. Nov 3, 2019. Available from: https://www.japantimes.co.jp/?post_type=news&p=2287661 [Accessed: 04.10.2020].
- [15] In a Historic First, Australia Agrees to Return Ainu Remains to Japan. *Hyperallergic*. June 15, 2017. Available from: <https://hyperallergic.com/385665/ainu-remains-return-from-australia/#:~:text=The%20bones%20were%20exported%20to,Hokkaido%2C%20Sakhalin%2C%20and%20Kurul.> [Accessed: 03.10.2020].
- [16] Germany Japan bones. AP Archive. July 31, 2017. Available from: <http://www.aparchive.com/metadata/youtube/7d3fae63f4bcca7e273a2632c0b261b9> [Accessed: 12.10.2020].
- [17] Germany returns bones of Hokkaido Ainu tribe member to Japan. *Screenocean*. July 31, 2017. Available from: <https://reuters.screenocean.com/record/904754> [Accessed 18.10.2020].
- [18] Minzoku kyousei shouchoukuukann (shouchoukuukann) [National Symbiosis Symbolic Space (Symbol Space)]. Cabinet Secretariat. Available from: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/symbolic_space.html [Accessed: 09.10.2020]. (In Japanese).
- [19] Reply of the Government of Japan to the Request for Information from the Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples. *OHCHR*. Available from: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/IPeoples/EMRIP/Reportrepatriation/submissions-states/Japan.pdf> [Accessed: 10.10.2020].
- [20] Ainu minzoku no ikotsu 1-tai, Tōdai ga Mitsuishi Ainu kyōkai ni henkan inori no gishiki de nōkotsu [One Ainu remains, the University of Tokyo returns to the Mitsuishi Ainu Association]. Hokkaido Simbun. 05.10.2020. Available from: <https://www.hokkaido-np.co.jp/article/467176> [Accessed: 16.10.2020]. (In Japanese).
- [21] Daigaku no hokan suru Ainu ikotsu-tō no shutsudo chiiki e no henkan tetsudzuki ni kansuru gaidorain [Guidelines for returning Ainu remains, etc. kept by the university

- to the excavated area]. Cabinet Secretariat. Available from: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/pdf/181226_chiiki-guidelines.pdf [Accessed: 06.10.2020]. (In Japanese).
- [22] Morris-Suzuki Tessa. Performing Ethnic Harmony: The Japanese Government's Plans for a New Ainu Law. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 16(2), Iss. 21. November 1, 2018 Available from: <https://apjff.org/2018/21/Morris-Suzuki.html> [Accessed 12.10.2020].
- [23] Hiroshi Maruyama. Joint Submission to the 13th session of the UN Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples at the Palais des Nations in Geneva, Switzerland, from 8 to 12 June 2020. *OHCHR*. April 13, 2020. Available from: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/IPeoples/EMRIP/Reportrepatriation/submissions-indigenous-peoples-ngos/CEMIPOS.pdf> [Accessed 20.10.2020].
- [24] Dollin Ashleigh. Indigenous Peoples' use of media as a form of self-representation: analysis of Japanese government and Ainu discourses relating to the issue of Ainu ancestral remains repatriation. *Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers: HUSCAP*. March 31, 2020. Available from: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/77223/1/7.pdf> [Accessed 18.10.2020].
- [25] Richard M. Siddle. *Race, Resistance and the Ainu of Japan*. – London: Routledge. 2012.
- [26] Oda Hiroshi. Odyssey of an Ainu-skull: From Bone to Human Being. Oct. 15, 2017. Available from: http://skyandocean.sakura.ne.jp/Berlin_conference_15.10.2017.pdf [Accessed 13.10.2020].
- [27] Interview with the researcher of The Hokkaido University Center for Ainu and Indigenous Studies Itsuji Tangiku on 11/26/2018. Personal. arch. the author.
- [28] Human genome diversity research and indigenous peoples. United Nations: Digital Library. Geneva, June 4, 1998. Available from: <https://digitallibrary.un.org/record/255830> [Accessed: 19/10/2020]. (In Russ.).
- [29] The United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples (UNDRIP). United Nations: website. Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml [Accessed: 19.10.2020]. (In Russ.).
- [30] Higashimura Takeshi. Why do we need new legislation recognizing the Ainu, or the prospects for Japanese policy towards indigenous peoples? Nippon.com: Internet ed. 2019.25 April. Available from: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00479/> [Accessed: 15.10.2020]. (In Russ.)
- [31] Rosaldo Rosaldo. *Culture and Truth: The Remaking of Social analysis*. Boston, Mass.: Beacon Press, 1993. Available from: <https://people.uwec.edu/degravjr/GEOG-ANTH%20351/Rosaldo-CultureAndTruth.pdf> [Accessed 24.10.2020].
- [32] Tsagel'nik Tatsiana. Discourse of Silencing in the Context of the 150th Anniversary of the Naming of Hokkaido: Representation of AinuWajin Relations in the Television Drama “Eternal Nispa, the Man Who Named Hokkaido, Matsuura Takeshiro”. In: *Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers: HUSCAP*. March 31, 2020. Available from: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/77222/1/8.pdf> [Accessed 24.10.2020].
- [33] Upopoi de naze irei ? [Why memorial service at Upopoi?]. NHK. 25.10.2020. Available from: <https://www.nhk.or.jp/hokkaido/articles/slug-n65d9504da98d> [Accessed: 26.10.2020]. (In Japanese).
- [34] Kato Hirofumi. The Ainu and Japanese Archaeology: A change of perspective. *Japanese Journal of Archaeology*. 2017. Available from: http://www.jjarchaeology.jp/contents/pdf/vol004/4-2_185.pdf [Accessed 23.10.2020].
- [35] Korekara no Ainu jinkotsu fukusōhin ni kakaru chōsa kenkyū no arikata Ni kansuru raundotēburu (gaiyō) [Round table on the future of research on Ainu people and grave goods (review)]. Cabinet Secretariat. Available from: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/dai8/sankou5.pdf> [Accessed: 24.10.2020]. (In Japanese).

- [36] Gulliford Andrew. Bones of Contention: The Repatriation of Native American Human Remains. *The Public Historian*. 1996; 18(4), Autumn. Available from: <https://www.jstor.org/stable/3379790> [Accessed 21.09.2020].
- [37] Outline of the Association. *The Ainu Association of Hokkaido*. Available from: <https://www.ainu-assn.or.jp/english/outline.html> [Accessed 23.09.2020].
- [38] Is Japan Closer to Recognizing Indigenous Ainu Rights? *The Diplomat*. February 13, 2019. Available from: https://thediplomat.com/2019/02/is-japan-closer-to-recognizing-indigenous-ainu-rights/?fbclid=IwAR11XZzsiVAufV-MGJv4vPqo_2QWVxxkIY4hnC5aJ5W73ru6oVtCa9FP4Vk [Accessed 23.09.2020].

Информация об авторе / Information about the author

Чекункова Екатерина Сергеевна – преподаватель, аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, e-mail: e_chekunkova@mail.ru.

Ekaterina S. Chekunkova – lecturer, postgraduate student Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, e-mail: e_chekunkova@mail.ru.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 11.10.2020

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
